

ЭЛЛА ЗЛАТОГОРСКАЯ

ВИРУС СТРАХА

КЛАССИФИКАЦИЯ СМЕРТИ

Элла Златогорская

16+

**Вирус страха,
или
Классификация
смерти**

Детективный роман

Из серии
«Юная пенсионерка расследует дело»

Книга 3

Москва, 2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
367

Главный редактор *А. Иванникова (Дементьева)*
Редактор, корректор *Т. Оконеvская; Вёрстка М. Дьяченко*
Художник-оформитель *А. Дьяченко*

Златогорская, Элла. Вирус страха, или Классификация смерти. Книга 3: Детективный роман. [Электронный ресурс] / Э. Златогорская. — Электрон. дан. — Москва: Издательский и книготорговый холдинг «Новая Страна», 2021. — Режим доступа: платный. — Загл. с экрана.
ISBN 978-5-907322-38-7

Представляем вашему вниманию книгу Эллы Златогорской «Вирус страха, или Классификация смерти». Это уже третье произведение автора детективных романов из серии «Юная пенсионерка расследует дело».

Пожилую женщину Надежду Земцову находят мёртвой. Смерть ненасильственная, но при этом у жертвы связаны и ноги, и руки. Злоумышленники забрали драгоценности, скрывшись с места преступления. Днями ранее находят убитой ещё одну пожилую даму, Клару Найдёнову — по словам очевидцев, бедную побирающуюся старуху, как оказалось, страдающую шизофренией, состоятельную, но одинокую и несчастную женщину. Убийцы расправились с ней, задушив её... Подозревают Романа, бывшего супруга Лиды — дочери Нади Земцовой. Сама Лида считает, что её однокурсник не способен совершить что-то подобное... Тогда кто?.. И кого выберут следующей жертвой?..

Раскрыть преступления способны только лучшие из лучших — майор Александр Сергеевич и юная пенсионерка Элла Глебовна...

Подписано к использованию: 10.04.2021.

Размер файла: 1,56 Мб.

Издательский и книготорговый холдинг «Новая Страна»

Адрес редакции в Москве: г. Москва, 2-я улица Энтузиастов, д. 5, офис 402/А
Адрес редакции в Санкт-Петербурге: г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала,

д. 134, корп. 9, литера А, офис 304/3

Официальный сайт: www.nstrana.ru

Официальная группа во ВКонтакте: <https://vk.com/nstrana>

Официальная группа Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nstrana>

Официальная страница Instagram: <https://www.instagram.com/nov.strana/>

Адреса электронной почты:

office@nstrana.ru, zayavki@nstrana.ru (для приёма заявок),

office-nstrana.msk@mail.ru (редакция Москвы),

office-nstrana.spb@mail.ru (редакция Санкт-Петербурга)

Тел.: +7 (977) 836-46-31, +7 (926) 218-99-22 (редакция Москвы),

+7 (921) 916-92-60 (редакция Санкт-Петербурга)

ISBN 978-5-907322-38-7

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

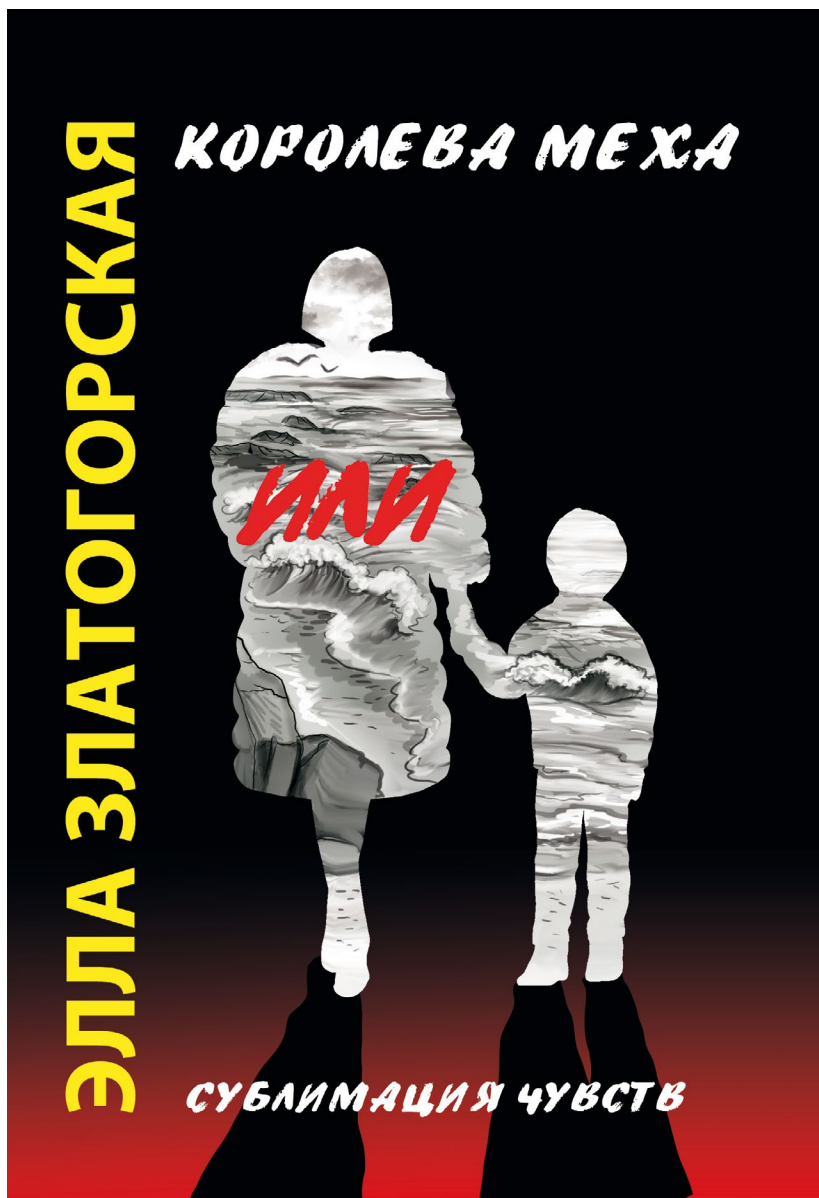
© Златогорская Э., текст, 2021
© Издательский и книготорговый холдинг
«Новая Страна», издание, 2021

**Читайте в серии Эллы Златогорской
«Юная пенсионерка расследует дело»:**

1. Тени прошлого, или Синхронизация жизни

2. Королева меха, или Сублимация чувств

Глава 1

Сентябрь. Осень. Одни говорят, что осень — это последняя улыбка лета. Другие — что стареющее лето. А я считаю, что когда идут осенние дожди, — это лето плачет по своему прошлому. Но только не в Морегорске. Здесь сентябрь — это ещё лето, прекрасное, не с таким уже палящим солнцем, но уютным обволакивающим теплом. На пляжах всё меньше детей, только совсем малыши-дошколята плескаются в воде и строят домики из песка. Песочные замки строят и влюблённые парочки. Во всяком случае, на море больше слышен шум прибоя и гвалт чаек, чем крики детей.

Я — Элла Златогорская, юная пенсионерка и начинающий писатель, любопытная тётка и любящая мама двоих сыновей. Я обожаю море, и ещё люблю хорошо поесть, у нас с едой особые отношения: я к ней со всей душой, и она отвечает взаимностью. А главное — я уже целый год живу в Морегорске, где снимаю коттедж и влипаю в разные истории, о которых написала в своих предыдущих книгах («Тени прошлого, или Синхронизация жизни» и «Королева меха, или Сублимация чувств»).

Так вот, именно в сентябре ко мне в гости наконец вырвалась моя любимая подруга Люся. Она больше любит горы, чем море. А в Морегорске у нас есть и то, и другое. Да ещё и совместная поездка в Ялту её соблазнила. Я так красочно описала ей этот курорт, ведь помню этот город моря и любви ещё с советских времён. Свадебное путешествие у нас с мужем было именно в Крым — полуостров моря, солнца, фруктов, счастья, любви, магнолий и вина. Поэтому я и забронировала нам отель в Ялте на три дня. Где-то из глубин

моей памяти всплыла чья-то фраза: «Если хочешь начать новую жизнь, нужно поехать туда, где тебе было хорошо». А мне хотелось начать новую счастливую жизнь — уж очень много страшного было в прошлой. Жизнь слишком коротка, чтоб подвергаться меланхолии и грустным воспоминаниям.

Я научилась находить удовольствие в простых и понятных вещах.

А ещё я усвоила твёрдо, что с голодным мужчиной разговаривать нельзя. Потому пригласила полковника, моего соседа и друга, на ужин. Я приготовила ему «пьяное мясо», салат по-домашнему, не пожалев зелени и пахучего подсолнечного масла. У меня были домашние мацони и малосольная сёмга собственного посола. Насчёт спиртного я не парилась: знала, что милый полковник принесёт своего собственноручно изготовленного вина из сорта винограда «Изабелла». Он знает, как я люблю это вино: терпкое, вкусное, натуральное.

Полковник явился весь из себя такой приглаженный, чистенький, благоухал каким-то парфюмом, а главное, в новой футболке. Он — человек военный, и, всю жизнь проведя в форме, вдруг полюбил футболки с разными принтами и надписями, покупал их везде, да и дарили ему, узнав о его увлечении, и он менял их в зависимости от настроения.

— Эллочка, солнышко, как давно мы не сидели вместе, не болтали, вино не попивали, — полковник аж покраснел от этих слов (видно, дались они ему нелегко) и стал одним цветом со своей ярко-красной футболкой с надписью «Бравый вояка».

— Проходите, милый полковник, я во дворе накрыла, — я была сама любезность. — Очень рада вас видеть.

— Эллочка, я принёс ваше любимое вино.

— Спасибо. Я на это рассчитывала. Как вы загорели!

— Да с внучатами на море целыми днями, — полковник ещё больше зарделся. — Уехали они, а я скучаю. Хоть немного и устал от их шума и крика. Привык один, как бирюк, жить.

— А мои молодые две недели побыли — и обратно. А Глеб в конце сентября приедет только.

— Эллочка, угодили, салат сделали такой, как я люблю: и лука много, и зелени, и масло пахучее, — всё нахваливал меня полковник.

— Мне молочница принесла. Я ей говорила как-то, она у своих соседей на хуторе купила. Я сказала, чтоб она и вам принесла, — умасливала я полковника. — На следующей неделе будет. Но только для салата.

— И мясо отличное, и гарнир сделали мой любимый. Эллочка, что это вы ко мне так благосклонно?

— Полковник, обижаете, — я сделала вид, что немного рассердилась. — Я всегда к вам со всей душой. А завтра вообще пир закатим.

— С чего это? — полковник даже оторвался от еды. — Дата какая?

— Нет. Не дата. Берите выше, — заинтриговала я полковника. — Подруга приезжает любимая. Я вам рассказывала про неё. Люся. Давно не виделись, жду не дождусь. Потом в Ялту махнём на три дня.

Так, за едой и бутылочкой вина, ведя неспешный разговор, я уговорила полковника съездить на его старенькой «Гранте» в аэропорт и встретить Люсю. Надо отдать должное моему соседу: он сразу и безоговорочно согласился и даже сказал, что срежет розы у себя в палисаднике для моей подруги. Полковник, что уж кривить душой, очень хороший человек, и я знаю, что многие женщины не прочь соединить с ним свою судьбу. Сейчас не так много порядочных мужчин без материальных проблем. Но он ищет женщину,

к которой хотел бы прикипеть душой, морально отдыхать. Материальных хищниц он видит издалека и сразу объявляет им, что всё его имущество давно отписано дочери и он гол как сокол, и хищницы тут же разжимали свой оскал и отпускали добычу на волю. «Не приобретай дом, приобретай соседа», — говорят в народе. Вот мне и повезло: мой сосед, мой дорогой друг — полковник — оказался очень хорошим соседом. Дом я не приобрела, а арендовала с подачи наших общих друзей Золотарёвых, а им в свою очередь подсказал полковник, который в этом посёлке купил дом и наконец перебрался на постоянное место жительства.

Договорившись по поводу завтрашнего дня, я отпустила своего милого друга домой и принялась за дело: подготовила комнату для Люси, сделала заготовки на завтрашний ужин и даже включила телевизор, что я так редко делаю в последнее время, особенно летом.

На следующий день, надев свой любимый льняной сарафан в стиле «кантри», я уже ждала полковника на лавочке у дома. Он лихо подкатил и пригласил меня.

— Девушка, не хотите ли прокатиться со мной?

— С удовольствием, молодой человек, — кокетливо ответила я, — ваша машина блестит, как медный пятак.

— Для вас старался, Эллочка, ну и для подруги вашей, — полковник был сама любезность.

На заднем сиденье лежали роскошные розы, их аромат буквально обволакивал.

Мы с Люсей так долго обнимались и рассматривали друг друга, что полковник не выдержал и сам подошёл к нам и преподнёс моей подруге цветы. Она его искренне поблагодарила. Люся вообще не может фальшивить, и полковник это почувствовал. Несмотря на его браваду и воинственный вид, мой сосед очень чуткий и понимающий человек, и это в нём меня подкупило.

Извинившись перед полковником, Люся — сама любезность — объяснила, что мы должны передать посылочку людям, которую она привезла из Москвы, и сегодня не сможем посидеть дома вечером пообщаться, но завтра обязательно это сделаем. А послезавтра мы уезжали в Ялту.

Дорога к дому друга не бывает длинной.

Уже дома мы всласть наговорились. Обсудили всё, что можно. Поели, и Люся прилегла на часок. Она очень много работает, устаёт и морально, и физически. Как человек ответственный, она делает свою работу всегда на отлично и полностью выкладывается, а если кто-то из её подчинённых работает спустя рукава, её это просто бесит, она пытается объяснить человеку, что нельзя так. Но разве всем вставишь свои мозги? Надо просто стараться не трепать нервы себе, любить себя, но Люся этого не может. Она любит всех вокруг себя, но только не себя. Эгоистом нужно родиться, моя Люся не такая, мама воспитала её хорошим, порядочным человеком, понимающим и прощающим, что большая редкость в наше время.

Люся уже было собралась связаться с господами Земцовыми, которым предназначалась посылочка из Москвы, как звонок раздался ей самой. Звонила Лидия, которая и передала родителям посылочку, и сказала, что те нас ждут и чтоб мы ни в коем случае не наедались дома, так как папа готовит шашлык. Лидочку я знаю, она сначала работала у Люси в отделе простым специалистом, а потом стала её заместителем. Лидочке 35 лет, и она уже лет десять как работает с Люсей. Моя подруга её высоко ценит как профессионала и как человека, и очень сокрушалась, что Лидочка разошлась с мужем. Они были женаты почти семь лет, вместе учились в институте на одном курсе, но детей так и не родили, муж ей начал изменять, хотя и клялся в вечной любви. Лидочка уверяла всех вокруг, что Ромка — хороший человек, но

у них начались трения в отношениях, и уже несколько лет как они не живут вместе. Лидочка бывала с мужем на семейных торжествах у Люси, и я их обоих прекрасно помню. Мне казалось, что они очень гармоничная пара. Родители Лидии хорошо знали Люсю и с нетерпением ждали её. Они купили в Морегорске домик в старой части города лет пять назад, как Лидин папа — Николай Земцов — вышел на пенсию, а три года назад переехали окончательно.

Вот к ним мы и собрались в гости, люди нас ждали. Я взяла бутылочку коньяка и коробку конфет, понимая, что мы там засидимся: просто так, без угощения нас не отпустят, а с пустыми руками в гости не ходят. Я вызвала такси, и мы поехали.

Нас явно ждали. Запах ароматного мяса раздавался уже у ворот, а дым облачком поднимался вверх. Люся обнялась с Надеждой, мамой Лидочки, потом они крепко трясли друг другу руки с Николаем. Люся только собралась представлять меня, как Николай громко сказал:

— Знаем, знаем. И представлять не надо, это Эллочка. Лида нам все уши прожужжала, рассказывая про вас.

— Ой, Люсенька, наконец ты выбралась к Эллочке. Дочь говорит, что вы такие близкие, такие близкие, а уже давно не виделись, — заохала Надежда, мама Лиды.

— Ты знаешь, Надюша, еле недельку урвала. Лиду оставила бдеть, — Люся была на «ты» с родителями Лиды.

Но они были ненамного старше нас, одно с нами поколение. В наших жилах текла кровь Советского Союза, и наше воспитание было оттуда, из СССР.

— Эллочка, милая моя, давайте и мы будем на «ты», — ворковала Надежда. Во всём её облике чувствовалось благородное происхождение. Первое впечатление не бывает обманчивым. Потом, узнав историю жизни Надежды, я поняла, что не ошиблась.

Мы уже сидели за столом под виноградником, грозди свисали и просились в рот. Люся не удержалась и сорвала кисточку.

— Красота, Надюша, красота, — только и успевала восхищаться моя подруга.

— Ой, Люсенька, только закончили ремонт. Домик старенький, сама видишь. То трубы поменяй, то крышу, то одно, то другое. В этот сезон и двор привели в порядок, даже мангал стационарный Коля сделал.

— Слышу, мать, как ты меня хвалишь, — Николай подошёл к нам с шампурами мяса, источающими такой аромат, что невольно слюнки потекли, — настоящая жена. Подай мне блюдо большое, выложу. Сейчас и овощи принесу. А ты, мать, за водочкой сходи, в холодильник положил, и «Нарзанчик» там. Люсины вкусы я знаю. А ты как, Элла? Ничего, что я на «ты»?

— Я с удовольствием на «ты», очень рада. А с шашлыком, да ещё с таким, только водочку холодненькую и надо пить.

— Наш человек. А, Люся? Подруга твоя — красotka. Жаль, что я женатый, — и подмигнул нам, да так озорно, что я расхохоталась.

— Всё слышу, — Надюша шла с бутылками в руках. — Зачем ты ей нужен, хрыч старый, отвоевался уже. За ней, небось, молодые ухлёстывают. Вот красotka какая.

Я смеялась от души так, что слёзы брызнули из глаз. Я всегда смеюсь до слёз. Какие хорошие люди, позитивные, добрые, хотят мне приятное сделать — комплименты говорят.

Времена меняются, а люди остаются теми же в своих поступках и чувствах, и эти милые Земцовы нисколько не изменились со времён своей молодости — такие же порядочные и благородные, и видно это невооружённым взглядом.

Шашлык был очень вкусным, мясо буквально таяло во рту. И овощи на мангале — чудо как хороши. Я выпросила у Николая рецепт маринада для шашлыка, с удовольствием всё выслушала и даже записала на телефон. Глеб мне когда-то создал такую функцию, как «блокнот», на телефоне, и я туда записываю всё, что мне придёт на ум, или оставляю заметки для моих будущих книг. Думать я предпочитаю на бумаге, есть в этом какая-то магия, как будто сам Господь водит твоей рукой. Но когда под рукой нет листа бумаги и карандаша, то предпочитаю гаджеты.

Хозяева, видя, как гости уминают еду, были очень рады. Я давно заметила, что есть два типа хозяев, принимающих гостей. Первый тип — это те, кто просто счастлив, что гостям нравятся их блюда, и когда стол пустеет после таких прожорливых гостей, они получают истинное удовольствие. А второй тип — это алчные и жадные хозяева, заглядывающие буквально в рот гостям — не дай Бог лишний кусок съедят. Зачем тогда зовут, зачем готовят вкусняшки? Видно, вынужденная мера. Николай и Надежда относились к первому типу и хотели закормить нас, и не потому, что Люся — начальница их дочери, вовсе нет. Просто они были такими по своей натуре.

— Николай, а почему именно в Морегорске купили дом? Мест других много, ещё более красивых, — поинтересовалась я.

— А потому что Морегорск — моя родина малая, я здесь родился и жил до 12 лет, пока отец в кадетское училище не устроил в Москве. Отец у меня фронтовик, орденосец был. Герой. Оба родителя здесь похоронены.

Николай как-то сник, командирский голос стал потише. Необъяснимая штука душа... Никто не знает, где находится, но все знают, как болит.

— На похороны отца я успел, лейтенантом был молодым. Хоронил его город с почестями. Умер в Советском Союзе,

вот родина и похоронила своего героя должным образом. А маму не смог похоронить, не успел... Надя с маленькой Лидой в Москве были, они приехали. А я в Средней Азии — волнения там, меня начальство не отпустило, да и вылететь никакой возможности не было. Вот такая новая Россия не дала сыну мать проводить. Время было суматошное. Середина 90-х. Выпьём, девочки. Помянем наших родителей, — Николай разлил нам по рюмашкам водки, и мы молча выпили.

— А родительский дом как же? Продали, что ли? — я прекрасно понимала, что веду себя бестактно и слишком любопытна, но ничего не могла с собой поделать — мне очень интересны личные истории каждого человека.

— Дом сестра Колина продала, уже позже, через несколько лет, — ответила Надя вместо мужа. — Она мать дохаживала, и Коля не претендовал на дом. Оставил ей, сестре своей. А когда её дочь с семьёй собралась в Германию эмигрировать, она и продала дом. Коля ругался, кричал, мол, хоть в Зимбабве, но только не в Германию к фашистам. А что Таня, сестра Коли, поделает, если дочка с мужем едет?.. Продала дом и отдала дочке деньги. А сама уехала, когда внук у неё там родился, помочь дочери, да и осталась там.

— Ладно, Коля, — Люся повернулась к мужчине, — им там хорошо, и слава Богу. Сколько народа нашего уехала в Германию. Мир изменился, и немцы изменились. Надо простить им злодеяния их отцов и дедов. Не загоняй себя в рамки условностей, Коля. Жизнь многогранна. Я понимаю, что генетическая память существует и она есть у нас у всех, чьи отцы и деды воевали. Но пойми и ты свою сестру, она поехала к дочери, а та искала лучшей жизни, может, в Германии и нашла.

Люся у нас известный миротворец, она хочет всех примирить, не терпит конфликтных ситуаций, сглаживает все

острые углы — настоящий последователь Льва Николаевича Толстого. «Непротивление злу насилием» — это её девиз. Люся умеет слушать человека, а это редкое качество. Я вообще не такая.

— А почему вам дом родительский не продали? — я обратилась непосредственно к Николаю. — Вы, наверное, хотели его купить?

— Догадлива ты, Эллочка, догадлива. Вот именно, что отцовский дом хотел купить. Он стоит в таком прекрасном месте, на высоком берегу. Выйдешь во двор, глянешь — и море видишь, вокруг себя крутанёшь — а вон они и горы. Красота. Домик старенький был, саманный, но двор огромный, сад, огород. Родители встретились после войны. Отец вернулся героем, а мать — красавица. Влюбились, женились, нас родили, дом потихоньку строили. Жизнь налаживалась. А сестра родительский дом продала богатым нуворишам. Они деньги за землю платили, им ни дом, ни сад не нужны были. Все переломали. Громадный дворец отстроили, а живут три человека, и то не круглый год. Деньги некуда девать, — Коля, даже не предлагая нам, опрокинул ещё стопочку. Надя на него тревожно взглянула.

— Чего смотришь, мать? — Коля ухмыльнулся. — Диабетикам водку можно.

— Можно, можно, — подтвердила я. — Я ведь тоже диабетик. Мы с тобой братья по несчастью, — я призадумалась, — или сёстры. Точно не знаю, как сказать, Коля...

— Скажи лучше, что мы люди среднего пола. «Оно». Гендерная политика какая-то сейчас в Европе — ни тебе мужиков, ни баб. Все одинаковые. Твою ж мать! Что они там себе придумывают?! Не дай Бог к нам дойдёт.

— К нам не дойдёт — вы, мужики наши, не позволите. Вы ведь у нас главные, и всё, — успокоила я Николая.

И все дружно рассмеялись.

Посылочку передали, поели, попили. Миссию свою выполнили. Люся обещала зайти к ним после Ялты и тоже забрать передачку, но я стала возражать и пригласила их в гости сразу после нашего приезда, заодно и полковника угостим. Люсе он понравился. Она ценит в людях человеческие качества, а не внешние данные. Люся очень проникательна и мудра, она говорит, что работа с пенсионерами научила её терпению. Как-никак больше 25 лет в Пенсионном фонде работает и общается со стариками. Я бы с ума сошла...

Глава 2

На следующее утро мы уезжали в Ялту. Провожал нас мой неизменный друг — полковник. Я на всякий случай передала ему ключи от дома, и мы отправились навстречу радости и блаженству. Я так стремилась в Ялту, как разлучённые влюблённые друг к другу. В моих воспоминаниях это самый лучший город на Земле. Там мы провели свой медовый месяц с мужем. Снимали комнату у приятной женщины. Тогда она мне казалась старушкой, а сейчас понимаю, что она была моей теперешней ровесницей — только-только вышла на пенсию. Тётя Люба пожалела нас, молодых и беспечных, приехавших наобум, и отдала комнату внучки в доме. Остальные постояльцы жили во флигеле во дворе и ещё в какой-то пристройке. Приехали мы в конце августа сразу после свадьбы и остались на две недели. Наш медовый месяц продлился целых 15 дней. Потом мы с мужем часто вспоминали это счастливое время. Где только мы ни были с ним, что только ни повидали, но слаще тех дней не было в моей жизни. Тогда ведь ни Букинга, ни Авито — забронировать жильё нельзя было. А мы с дорожной сумкой в Сашиной руке и сумочкой в моей ходили по улицам и спрашивали комнатку для молодожёнов. Решили, что в случае чего переночуем на пляже — таких молодых и беспечных было много в то время. Вот тётя Люба нас и приняла. Она была украинка, поговору было видно и по рубашке-вышиванке, муж — грек, тоже в вышиванке. Очень колоритная пара. Нас пустили на постой, кормили как на убой, советы давали, фруктами, ягодами бесплатно угощали. Дети их жили в Киеве, иногда на лето приезжали или внуков подкидывали. Тёте Любиному

мужу было скучно, и он учил нас жизни, а мы, воспитанные в кавказских традициях, молча выслушивали его.

Всё это я рассказывала Люсе, пока мы ехали.

Ялта нас встретила ярким, брызжущим в глаза солнцем, шумом улицы и дурманящим запахом цветов. Хоть мы и приехали днём, но той изнуряющей жары, которая иногда бывает на побережье Чёрного моря в сентябре, не было. В Ялте в свои права вступил изысканный и благородный бархатный сезон. Бархатных нарядов своих мы не привезли, но красивые платья прихватили. Будем гулять, на людей смотреть, себя показывать. Наш отель находился на набережной. Дорогой отель, но мы решили себя побаловать на старости лет. А то всё детям. Можно хоть три дня почувствовать себя королевами. Рядом с нашим было много других таких же фешенебельных отелей, но мне запомнилась «Вилла София» — отель известной певицы Софии Ротару. Наш номер был большой, с двумя спальнями и холлом, великолепной ванной, а главное — вид на море. Громаднейший балкон, на котором можно было в футбол играть, выходил на море. На балконе стояла ротанговая мебель, цветы в кадках. Красота! Мы радовались как дети. У отеля был собственный пляж — всё-таки это спа-отель. Мы сразу записались на несколько приятных и полезных процедур. Вечером, разнарядившись, решили совершить вечерний моцион. Люся капризничала:

— Элла, в отеле так классно, даже выходить неохота. Ты не устала? Куда собралась?

— Ну Люсенька, пойдём посмотрим тут кое-что. Я хочу походить, повспоминать.

— Ясно, — Люся обречённо стала собираться. — По местам боевой славы.

— Да, ты права. А потом там же и поужинаем. Идёт? — уговаривала я подругу.

— Идёт. Куда мне деваться? Только чур не расстраиваться. Ты, когда начинаешь Сашу вспоминать, то у тебя то давление поднимается, то сахар, — поучала меня подруга. Люся на несколько лет младше меня, а ведёт себя со мной как старшая сестра: бережёт, беспокоится о здоровье. И, признаюсь, мне это приятно.

И я повела Люсю по памятным для меня местам. В городе произошло не так много глобальных перемен. Набережная изменилась в лучшую сторону. Она, как и прежде, обрамлена пальмами и платанами и заполнена чередой баров, кафе, ресторанов и аттракционов. Разнообразные стили переплелись в архитектуре главной прогулочной улицы Ялты. Немного погуляв по набережной, сфотографировавшись у пятисотлетнего платана, я решила найти свой фонтан (так его я называю), на бортике которого мы с Сашей сидели и обнимались. И я нашла его. Фонтан оказался на месте, но уже был совсем старый, весь в морщинах времени, но живой, журчащий, пахнущий. Я присела на его бортик и призадумалась. Люся не стала меня тревожить, села на лавочку и стала копаться в телефоне. Я сидела и размышляла о том, что жизнь иногда с нами проделывает такие виражи, что даже моему богатому воображению невозможно представить. Когда-то мы мечтали с мужем приехать сюда на нашу серебряную свадьбу и провести новый медовый месяц. Но жизнь распорядилась по-своему: до серебряной свадьбы мой муж не дожил. И вот через тридцать лет я приехала сюда с подругой, которая как никто понимает меня.

Но голод не тётка, и я предложила Люсе сходить на поздний ужин в ресторан «Корвет» — излюбленное место гостей Ялты. Ресторан представляет по форме античное судно и располагается над водой. Заведение оказалось заполненным, и мест не было, но после того, как я сказала администратору, что мы, две деловые женщины из столицы, хотим

покутить, нам поставили столик на террасе, откуда был обалденный вид на бухту. Официант быстро накрыл столик, положил перед нами меню и как штык стоял, ожидая наших распоряжений. В меню мы даже не стали заглядывать. Люся начала издалека:

— Молодой человек, какой вы симпатичный. Эх, где мои семнадцать лет...

— На Большой Каретной, — хихикнула я.

— Красавчик, — не обращая на меня внимания, продолжала Люся, — бутылочку прозрачной, как слеза младенца, холодной, как горный ручей, водки — это раз. И холодного «Боржоми». Есть?

— Есть всё. А какой водки?

— Хорошей. И большую сковородку свежайшей разнообразной вашей рыбки. Да, и, конечно, ассорти солений к водочке, — Люся была неповторима.

— Я бы заказала салаты именно с ялтинским луком, — вступила в игру я. — На ваш вкус, Юрий, — я прочла его имя на бейджике, — есть что-нибудь хорошее?

— Есть, конечно, — Юра аж возмутился. — У нас всё есть, наш ресторан самый лучший в Крыму, а не только в Ялте.

— Я и не сомневаюсь, потому мы и пришли сюда, — подержала я парня, — принесите два салата с этим обожаемым мною луком, разного вида. И хлеб, конечно, ваш фирменный. И мидии черноморские фирменные, только в вине белом.

— Что-нибудь ещё? — Юра наготове держал блокнотик.

— Нет, Юрочка, — Люся запомнила его имя, — пока всё. Потом видно будет. Несите воду, и водку, и соления.

Юра рванул так быстро, что мы рассмеялись.

— Надо парню дать хорошие чаевые, — Люся всё ещё улыбалась.

Мы пировали, кайфовали, танцевали, смеялись до слёз. Вспоминали свои разные проделки, потом снова выходили на танцпол выкаблучиваться — в общем, девок, то есть нас, понесло. Два нетрезвых мужчинки подкатывали к нам, а мы от этого ещё больше веселились. Танцевали с ними какой-то разухабистый танец — смесь гопака с твистом или рок-н-ролла с кадрилию. Мужчинки рассчитывали на продолжение знакомства, но мы распрощались и честно им сказали, что не получится, пусть ищут себе других дам. Потом я с подругой долго вспоминала этот вечер в прекрасном ресторане «Корвет».

Отель наш находился тут же, на набережной, благо идти недалеко. Вернувшись в отель, мы тут же завалились спать. Утром нас разбудила администратор, она обратилась к Люсе: — Вы просили сказать, когда будет хорошая экскурсия в Ливадию?

— Да, — Люся почти проснулась, — мы хотим съездить посмотреть Ливадийский дворец и округу, только не на целый день. Ну, конечно, вы сами понимаете, что, учитывая наш возраст, чтоб всё было комфортно.

— Вот потому я к вам и пришла, — девушка-администратор была очень милой и корректной. — Возраст ваш молодой. Вы не похожи на взрослых тёток — вполне современные девушки.

— Спасибо, милая, — не удержалась я и крикнула со своей спальни, — это суперкомплимент.

Люся хихикнула.

— Так вот, — невозмутимо продолжала девушка, — очень комфортный микроавтобус на 10 пассажиров с нашим самым одарённым гидом выезжает через пару часов в Ливадию. И там проведёте максимум часа два. На экскурсию едут только гости нашего отеля. Уверяю, вам очень понравится. Записывать вас?

— Я думаю, да. Элла, поедем? — крикнула Люся мне.

— Конечно, едем.

— В таком случае оденьтесь удобно. Ровно через два часа вас будет ждать в холле экскурсовод. А сейчас вы можете пойти позавтракать, всё это включено в услуги отеля. Ресторан на втором этаже. У нас замечательные завтраки с учётом вкусов наших гостей.

— Девушка, деньги за экскурсию вам? — Люся всегда точна в денежных вопросах и не любит оставаться в долгу ни перед кем.

— Нет. Экскурсоводу. Я просто хотела сделать вам приятное.

— Спасибо, Дашенька, — Люся наконец увидела её имя на бейджике.

А я пошла в ванную. День начинался хорошо. Эта милая девушка, приятная и учтивая, сделала наш день. Говорят, что счастье надо приносить в этот мир разумно. Сегодня эта девушка принесла небольшую порцию счастья просто своим существованием, своей заботой, своей рассудительностью. Может быть, это её работа — делать гостей отеля счастливыми, но случайно услышав наш разговор с Люсей о том, что мы хотим поехать в Ливадию, она не забыла это, а пришла и предложила нам эту экскурсию. Осчастливила нас, скажем так.

Ливадия встретила нас солнцем и ароматом экзотических деревьев и цветов. Ливадийский дворец — одна из самых ярких жемчужин Крыма. Роскошная летняя царская резиденция оставила неизгладимое впечатление. Экскурсовод и в самом деле оказалась очень замечательной, рассказывала интересно, захватывающе. Мы прогулялись и по Царской тропе, и сфотографировались у памятника монстрам большой политики. Памятник Великой Тройке очень величественный, большой, как они сами. Я хотела было взобраться на колени к отцу всех времён и народов товарищу Иосифу

Виссарионовичу Сталину, но уж очень скользко там было и высоко — просто притулилась и постояла. Я Люся же благоволила Черчиллю, прислонилась к нему, призадумалась.

В отель мы приехали возбуждённые, полные впечатлений. И даже самое синее Чёрное море не остудило наш пыл. Решили на следующий день съездить на фрегате «Херсонес» к «Ласточкиному гнезду». Фрегат — настоящее учебное парусное судно, проще — парусник с юными моряками на борту, которые под руководством своих наставников учатся морскому делу.

Милая администратор отеля Дашенька узнала для нас, что парусник будет завтра совершать экскурсию в Гаспру к «Ласточкиному гнезду», что бывает нечасто, и даже забронировала нам места, за что мы были премного ей благодарны, что Люся искренне ей и высказала. У моей подруги есть очень хорошая черта: она благодарный человек, и может от души поблагодарить человека независимо от ранга и статуса. Да так это сделать, что человек почувствует себя счастливым.

На парусник я ступила с трепетом. Мечта побывать на настоящем фрегате жила ещё с тех пор, как увидела фильм «Алые паруса» с гениальными актёрами Анастасией Вертинской и Василием Лановым. Всю юность свою мечтала встретить капитана Грея. Этот величественный парусник так и притягивал меня, и оказаться на его палубе, прокатиться на нём было для меня невероятным счастьем.

— А может, ты сейчас встретишь своего Грея? — проронила Люся.

Подруга меня не подкалывала, она совершенно искренне желала мне этого. У неё есть сердечный друг, хороший и добрый человек, который уже очень много лет ухаживал за ней, и наконец она дала ему отмашку на возобновление серьёзных отношений. Люся очень хотела, чтоб и у меня появился друг, близкий мне по духу. Грея я не встретила на

фрегате, да и на экскурсии тоже. Все Греи моего возраста были со своими Ассоями, а одинокий Грей, видимо, уплыл на своих «Алых парусах».

От пристани подниматься к «Ласточкиному гнезду» было крайне тяжело. Подъём был крутой, хоть лестницы и были отреставрированы, мы с трудом их одолели. Но это того стоило. Перед нами открылась непередаваемая панорама моря. Сверху с Аврориной скалы, с высоты 40 метров, смотреть на любимое море — это блаженство для меня и улада для моих глаз. Замок «Ласточкино гнездо» — эмблема Крыма. Он расположен на самом краю скалы, и оттуда открываются шикарные виды. Замок имеет интересную историю, и экскурсовод захватывающе всё нам рассказала. Назад в Ялту мы поехали на автобусе. Каждая из нас осталась довольна проведённым временем. Так хорошо мы давно вдвоём не отдыхали. Три дня в Ялте пролетели быстро и незаметно. По дороге в Морегорск мы делились впечатлениями, шутили, смеялись. Люся расстроилась, что смогла вырваться только на недельку. Ещё пару дней в Морегорске, и ей нужно улетать. Мне было грустно.

— Ты чего это, мать, грустная такая? Ещё почти два дня я с тобой в Морегорске, — Люся хотела поддержать меня: она видела, как скучаю по Москве, по детям. — Я укачу, и Глеб приедет к тебе. Или давай домой, в Москву.

— Как мы там все вместе жить будем? Квартира маленькая, сама понимаешь, — пыталась я оправдать своё проживание вдали от дома.

— Пусть молодые снимают жильё, в конце концов, — подруга опять решила вернуться к нашему вечному спору: она очень хотела, чтоб я вернулась в Москву. — Здесь же они тебе снимают.

— Так-то оно так. Но здесь снимают этот коттедж на круглый год по цене однушки в Москве у чёрта на куличках,

да и мне нравится этот тёплый климат, море. Я же южанка. Надоела мне Москва с её сыростью и морозами. Я на Новый год приеду. Снохе рожать в декабре, вот перед родами приеду и останусь.

— Я буду очень тебя ждать, — Люся тоже что-то приуныла.

Развеселил нас полковник. Его красная футболка была видна издалека. Я ему из такси в Морегорске позвонила. Он был опять галантен, обнял, понёс наши сумки, передал мне ключи и уже собрался уходить, но я его остановила и пригласила официально на завтрашний ужин — будем Люсю провожать, а то так и не отметили её приезд, не успели, вот, значит, отметим отъезд. Посмеялись, пошутили. Я сообщила, что будет ещё пара, товарищи Земцовы — бывшие москвичи, а теперь морегорчане.

— Как мы совсем, — улыбнулся полковник.

— Вам они понравятся, полковник, я уверена.

— Спасибо, Эллочка, за приглашение, я завтра буду обязательно, — и тактичный полковник откланялся.

Как только за ним закрылась дверь, Люся стала на меня наезжать:

— Хороший же мужик, Эллка! Сразу видно, что порядочный, и с душой к тебе, а ты нос воротишь. Или забыла, сколько тебе лет? А? Так в паспорт загляни. Пенсионерка уже. Если он захочет, то любую молодуху отхватит. Поверь мне, сейчас мужики на весь золота. У нас страна одиноких баб. Что тебе ещё надо? Скажи мне. Вовремя замуж не вышла: «не могу, детей надо поднимать, чужой мужик в доме, как к мальчикам относится будет» — свои слова помнишь? Самую свою бабушку пору одна прокуковала. А что дети? Тем более мальчики. Женятся — и своя семья уже. Непусти этого полковника. Потом жалеть будешь.

Я смотрела на Люсю округлившимися рыбьими глазами. Такой монолог выдала... Она молчун по своей натуре, может

выслушать человека и слова не произнести. Она умеет слушать. А тут целую тираду произнесла.

— Люсь, я знаю, что он мужик хороший. Но химия, бабочки в животе и всё такое, — мямлила я.

— Какие бабочки, Элла?! Какая химия?! Он тебе подопытная крыса, что ли? Химию захотела и бабочек. Ты что, на уроке биологии в школе? Совсем на старости лет свихнулась. Это для молодых все эти крылатые насекомые, а нам нужен надёжный мужик.

— Но твой тебе же понравился?

— Да, понравился. Только через сколько лет, вспомни. И никакой химии, пока не поняла, что он ради меня на многое пойдёт и руку помощи протянет в трудную минуту. Помнишь или забыла, как он мне помог? Только потом согласилась, — Люся аж присела на кухне, так и не дошла до ванной.

А мои глаза вдруг наполнились слезами, как переполненная чаша с водой под солнцем, вот-вот должна вода вытечь, но солнышко не даёт. Так и я: глаза полные, а слёзы не текут.

— Элка, ты чё, не плачь, пожалуйста. Я за тебя переживаю. Вот доля у нас такая, у женщин, даже у таких якобы сильных, как мы. Не можем мы казаться слабыми, привыкли всё на себе таскать. А ты подумай, подумай, — Люся чмокнула меня в щёку и побежала в ванную смыть дорожную пыль.

— Я быстро, — кричала она уже из ванной. — Потом ты.

— Хорошо, я сейчас что-нибудь сварганю нам перекусить.

Я подошла к холодильнику и тут вспомнила одну историю из моей жизни, которая напомнила мне сегодняшний разговор с Люсей.

Иногда женщинам нестерпимо хочется узнать о своей судьбе, и вот когда-то, когда я ещё была молоденькой, я пошла к гадалке со своей двоюродной сестрой. Она была на грани развода с мужем, у неё рос маленький сын, и она оказалась

на распутье, жить ли ей дальше с таким бабником и терпеть унижения или развестись. Вот поэтому сестра решила поехать к гадалке. Про эту гадалку она узнала благодаря сарафанному радио: кто-то кому-то передал и посоветовал поехать. Сестра взяла меня с собой, так как одна боялась ехать (на тот момент ей было всего-то 28 лет), при этом я ей дала слово, что никому ничего не скажу. Я хотела помочь сестре, да и самой было жутко интересно, ведь я никогда не была у гадалок. Так вот, мы поехали первой утренней электричкой, я осталась ночевать у сестры в ту ночь. Гадалка жила за городом. Дом мы её нашли быстро. Я была поражена. В то время такие дома были редкостью. По моим представлениям в таких хоромах живут звёзды мирового уровня. Двухэтажный, с мансардой, двор благоустроенный, с клумбами, розариями и японскими горками, даже фонтанчик небольшой был. Я была изумлена, когда увидела, сколько женщин сидели на лавках, и очередь ещё тянулась со двора в дом. Такое количество жаждущих узнать о своей будущей жизни меня просто поразило. Женщины были разного возраста, от старушек до молоденьких 16-летних девочек типа меня. Но больше всего я удивилась, что среди такого количества посетителей было несколько мужчин, преимущественно молодых. Сестра заняла очередь и влилась в разговор с жаждущими узнать свою судьбу барышнями. Я молчала, как и положено младшей сестре, но впитывала каждое слово. Уже в прихожей очередь раздваивалась: длинная цепочка тянулась в небольшую спальню, где принимала сама старая гадалка, о которой и шли слухи как о ясновидящей и говорящей правду, а другая вереница состояла из мужчины и парочки девчонок, которые решили не ждать так долго, а пойти к другой — молоденькой снохе старой гадалки. Так как мне строго-настрого запретили обращаться к гадалке, я просто стояла рядом с сестрой. Та очень нервничала, и я её

успокаивала. Через какое-то время открылась дверь одной из комнат и вышла очень красивая молодая девушка, модно одетая.

— Ко мне никого нет? Все хотят к маме? — и вдруг её взор остановился на мне. — Ты тоже?

— Нет. Она вообще не будет гадать, — ответила за меня сестра. — Она ещё молодая, ей замуж рано.

— Разве гадают только на замужество? — молодая гадалка с удивлением посмотрела на сестру.

— Ну, в основном, — сестра смутилась.

— Идём, девочка, со мной. Как тебя зовут? — спросила у меня молодая гадалка.

— Элла, — и я замолчала.

— А меня Тереза, — представилась она. Так я запомнила её имя и через два десятка лет нашла её по наитию и имени.

— Пойдём, — сказала Тереза, — не бойся.

Сестра полезла в кошелёк, чтоб дать мне денег. Тереза помахала руками, мол, не надо. И я последовала с ней. Мы зашли в очень-очень большую комнату, роскошно, по-царски обставленную. Дорогая мебель, в шкафах дорогая посуда, ковры ручной работы — глаза разбегались. Тереза была старше меня лет на пять, не больше. Очень приятная девушка, и одета современно. Она села в одно из кресел в дальнем углу комнаты, мне предложила другое, между нами стоял журнальный столик, на нём было несколько колод разных карт. Вошла женщина, по всей видимости, прислуга, и поставила перед нами две чашки с кофе.

— Не смотри на меня так, Элла, — Тереза улыбнулась, — я не цыганка, я — сербиянка, и мой муж тоже. А дом такой богатый, потому что мой свёкор работает в очень хорошем месте, и муж после института пошёл туда работать. А я медучилище закончила, фельдшер. Но не работала, замуж вышла, ребёнка родила.

— Понятно. Я и не собиралась гадать. Это сестра двоюродная к вашей свекрови пришла. У неё проблемы, а меня она за компанию взяла, — лепетала я. — Зачем вы меня позвали?

— Пей кофе, Элла. И я с тобой за компанию выпью. Добро делать проще, чем кажется, девочка моя. Я хочу карты разложить на тебя, предостеречь от многих будущих ошибок. Их мы все совершаем, но ведь можно же и избежать иногда.

— Мне всего шестнадцать лет, я школу заканчиваю в этом году. Мне в институт надо поступать, я замуж не собираюсь, — возражала я и глоточками пила ароматный кофе.

— А ты думаешь, к моей свекрови приходят смотреть только на мужчин? У людей много других проблем.

— Нет. Я так не думаю.

Тереза разложила сразу три колоды карт. Я изумлённо смотрела на них. Одну колоду карт я прекрасно знала — это наши карты, которыми мы играли в «дурака».

— Что так смотришь? — Тереза улыбнулась. — Что, карты незнакомые?

Я кивнула.

— Вот эти — карты Таро, а эти — индийские руны, — Тереза посмотрела мне прямо в глаза, взяла из моей руки чашку с кофе, взглянула и опрокинула на блюдечко. — Гадать я могу, научилась от свекрови. Да-да, этому учатся, — ответила она на мой удивлённый взгляд. — А вот лечить, как она, не умею. В куче навоза, моя милая, редко найдёшь жемчужное зерно. В институт поступишь сама, но не связывайся с компанией плохой, тебе они будут казаться элитой общества, а они просто навоз. Ты меня поняла? Слушай, что я говорю внимательно. Терпения тебе не хватает, терпения наберись. От любой беды спасает два лекарства: молитва и терпение.

— Тереза, вы меня пугаете... Какая беда?

— Никакой беды, девочка моя. Это я тебе на будущее говорю. Не пугайся. Любовь всей своей жизни встретишь, Сашкой его будут звать. Парень будет бедный, но честный. Замуж за него выходи обязательно. Хорошо жить будешь.

— Спасибо, Тереза большое. Я запомню ваши слова.

Тереза заглянула в чашечку с кофе. Внимательно вглядывалась, заставила большим пальцем дно потереть.

— Ну вот, моя девочка, — Тереза что-то там углядела в кофейной гуще, — всё у тебя будет прекрасно, как ты хочешь, только слушай своё сердце, только себя. В крайнем случае обращай к Богу, прямо к нему, не ищи посредников между собой и Богом, поговори с ним, в любом месте можешь говорить, для этого в храм идти не надо. И Бог тебе подскажет.

Вспоминала я слова этой девушки, сербиянки Терезы, часто. Как только я просила у Бога совета, то сразу находила ответ на свой вопрос, он мне подсказывал, надо было просто уметь понять эту подсказку.

И сейчас я вспомнила слова гадалки: «Слушай своё сердце, моя девочка!» А сердце моё молчало, когда я видела полковника, — только дружеские отношения питала я к нему, а без любви к мужчине я никогда не смогу с ним жить. Притворяться я не могу, да и ни к чему это. Полковник — очень хороший человек, зачем обманывать и себя, и его.

Вечером мы с Люсей пошли шататься по городу. Подруга делала покупки внучатам. Я тоже кое-что приобрела для снохи, чтоб Люся передала. Болтали, веселились, и никто нам не был нужен. Все меняются в лучшую сторону после путешествий и полученных впечатлений, и мы как будто стали веселее и добрее. Общие воспоминания очень сближают людей.

Был такой прекрасный вечер. С балкона второго этажа море не видно ночью, оно слилось с небом — только слышна

тихая музыка волн и ярко светят звёзды. Мы пили домашнее вино полковника. Без преувеличения оно было очень вкусным, а послевкусие оставалось таким чарующим, что хотелось ещё глоточка.

— Люся, я закурю.

Люся не переносила курильщиков, а меня ругала на чём свет стоит.

— Элка, ты же бросила, ты же сама сказала! — возмутилась подруга. — Зачем тебе это надо? Ты же не куряка — просто балуешься, дурака валяешь.

— Поваляю полдурака, — рассмеялась я.

— Как это «полдурака»? — всё ещё сердитая Люся допрашивала меня. Она за здоровый образ жизни, но в меру, не до фанатизма.

— Полсигаретки выкурю, они с ментолом, дымок приятный, — оправдывалась я.

— Да что с тобой поделаешь! — Люся притворно вздохнула.

Утром меня разбудил звонок, а вставать совершенно не хотелось. Я ещё купалась в своих бело-голубых облаках сна.

— Эллочка, доброе утро, — звонил полковник. — Я вас не разбудил?

— Нет, — сонным голосом ответила я и глянула на часы. Семь часов утра, чего ему не спится?

— Извините, Эллочка, — смущённым голосом оправдывался полковник, — но я иду с рыбалки, наловил целое ведёрко барабульки, хочу вам отдать, у вас же сегодня гости.

— Ой, спасибо, приготовлю по вашему рецепту, — я разом проснулась, — по-солдатски, я помню.

— Тогда, Эллочка, открывайте калитку, я у ваших ворот.

— Бегу, бегу, одну минуту, — я накинула халат, ополоснула лицо и побежала.

Полковник сидел на лавочке у ворот, я тоже присела рядышком.

— Гостя спит? — спросил он.

— Да. Пусть поспит. А то приедет домой, а там работа, дом. Успеет намаяться.

— Тяжело работающим женщинам, — вздохнул полковник. — Я понимаю. Вот вам, Эллочка, смотрите, сколько барабульки я наловил. Сегодня ловилась как никогда. Я в четыре утра пошёл на лиман.

— Всё мне? А вам?

— Так я ж у вас буду вечером. Всё пожарьте, как я вам объяснял. Как семечки будут щёлкать.

— Ой, спасибо. Всё нажарю в огромном количестве масла, туда же картошку и лук целиком, как вы мне и объясняли.

— Да. По-солдатски. Всё в одном котле. А мелкая картошка есть? А лучок? — забеспокоился полковник.

— Я сейчас позвоню этому мужчине-азербайджанцу, который нам овощи-фрукты поставляет, он всё привезёт свеженькое нам.

— Котелок вам принести свой, маленький, походный? — всё переживал заботливый сосед.

— Спасибо, полковник. У меня есть чугунная утятница, глубокая. Она как котелок сгодится.

Мы посидели ещё на лавочке, поболтали о погоде и разошлись.

Гости наши пришли вовремя — вот что значит военная закалка. Полковник и Николай Земцов, оба — бывшие военные. Надюша Земцова пришла с огромным пирогом с капустой, он был такой красивый, что не верилось, что это произведение хрупких женственных рук. Мы с Люсей обе замерли от восхищения: таких пирогов мы не готовим, просто не умеем.

— Это меня бабушка научила, — как будто оправдывалась Надюша, — а её — няня, — и засмушалась.

Мужчины быстро нашли общий язык, им было о чём поговорить. А мы накрывали стол. Я сервировала большой стол в парадной гостиной, а Люся всё несла закуски из кухни.

— Надя, отгадай, что мы привезли из Ялты? — Люся хотела удивить Надюшу.

— Неужто лук, Люсенька?

— Как ты догадалась? — подруга засмеялась своим переливчатым смехом.

— Мы с Коленькой были там лет 35 назад, нет, больше, уже 37 лет. В свадебное путешествие ездили, тогда это было модно.

— Ой, Надюша, а я 32 года назад была с мужем, и тоже в свадебном путешествии.

И мы все втроём рассмеялись. Нам было просто хорошо.

— Люся узнала несколько рецептов салатов с ялтинским луком и вот сварганила нам. А рано утром полковник барабульки принёс, я нажарила по его рецепту. Надеюсь, что он одобрит, — я улыбнулась.

— Люся, ну зови мужчин, а то остынет всё.

— Люсенька, передашь этот пакет Лидочке? — Надя опять потупила взгляд. — Не хотела тебя утруждать. Если сможешь, конечно. Но я ей пару обновок прикупила, хочу её порадовать чуточку. А на Новый год уже в Москву поедем, встретим все вместе.

— О чём ты говоришь, Надя! Конечно, передам. И Элла на Новый год в Москву поедет. Все вместе встретимся на новогодних праздниках, уже у меня, пообщаемся, — Люся взяла пакет. — Что у тебя здесь булькает, Надя?

— Ой, голова дырявая? — засмеялась Надя. — Что там может булькать? Водка, конечно. Что Коля может положить? Не вино для дам, это точно.

Надюша вытащила из пакета бутылку с водкой и передала мне.

— Вино домашнее принёс нам полковник, вкусное. Пью как компот, а пьянею как от водки, — стала хвалить я соседа.

Люся пригласила гостей в дом. Мужчины хвалили наши с ней блюда. В природе практически нет плохой пищи, есть только неправильно приготовленная и чрезмерно употребляемая. Все были в восторге от Надюшиного пирога, а полковник аж замер в удивлении, когда его увидел.

— Ну, Николай, повезло тебе с женой. Это же шедевр, ёшкин кот. Красота! Последний раз что-то такое видел, когда ещё моя бабуля была жива.

— И меня моя бабуля научила, — тихо произнесла Надюша. — А дочка не желала учиться кулинарии домашней, так и говорила, и до сих пор говорит. «Не нужна мне ваша доморощенная кулинария, сейчас всё есть в магазинах, некогда время на это тратить».

— Зато, Надя, она прекрасный специалист. Сейчас редко таких встретишь. Умница. Я спокойно оставила на неё громадный отдел и уехала. Уйду на пенсию окончательно — рекомендую её на своё место.

— Спасибо, Люся, на добром слове, — Николай аж закашлялся. — Единственная дочь, очень приятно. Ещё бы внуков нам. Что-то тишина. Уж лет пять как с Ромкой развелась, да так всё одна да одна.

— Не нашла своего, наверное, — изрёк задумчиво полковник. — А иногда бывает так: найдёшь, а она не хочет, всё «милый друг, милый друг».

Я захихикала, а Люся сдержалась.

После третьей рюмочки холодной водки полковник встрепенулся:

— Николай, а сколько лет твоей дочке?

— 35. А что? — Николай глянул на полковника ледяным взглядом. — Она тебе в дочери годится.

— Я-то при чём?! — полковник аж рот раскрыл от неожиданности. — Я про Сашку говорю, нашего майора.

— Точно, полковник! Александру Сергеевичу подойдёт, — я вдруг расцвела. — Какой он золотой человек, хороший парень, а родители какие прекрасные!

— Серёжа — отец Саши — мой друг, в одной дивизии служили. И парень настоящий.

— Элла, это капитан Золотарёв? — Люся обратилась ко мне.

— Бери выше, он уже майор, и после Нового года его должны перевести в Москву, но местное начальство тянет, не хочет отпускать.

— Элочка, это дело в ваших руках, — полковник явно мне льстил — никакой хватки свахи у меня не было.

— Оба прекрасные ребята — и Золотарёв, и Лидочка, — я её знаю.

Надюша умоляюще на меня посмотрела.

— Надя, Люся, обещаю: переговорим и решим этот вопрос. Пора им обоим обжениться, — и я радостно рассмеялась. Вообще, у меня сегодня был день смеха.

Пирог Надюши никто не решался разрезать. Я принесла холодный компот, и он хорошо пошёл, особенно с этим великолепный пирогом. За дело взялась Надюша. И, вкушая это блаженство, мы слушали её историю жизни, такую же изломанную судьбу её семьи, как и нашей страны. Далее я всё пишу от имени Надежды Земцовой.

Глава 3

*М*ою бабушку звали Надеждой. Меня назвали в честь неё. Но она была Надеждой Белогорской — это её девичья фамилия, и она её не меняла никогда, на то у неё были причины. Но расскажу я всё вам по порядку. Вы спрашивали, как у меня такие пироги получаются? Меня научила их готовить моя бабушка, а её в свою очередь научила Няня. Няня с большой буквы, потому что она моей бабушке заменила всех родных. Начну сначала. Произошла революция, в России переворот, сумятица. Семья моей бабушки жила в Москве. Отец её работал чиновником в Министерстве путей сообщения, был очень уважаемым человеком, прекрасно знал всю инфраструктуру железнодорожных путей сообщения, курировал финансирование новых путей. Тогда само министерство находилось в Санкт-Петербурге на набережной Фонтанки, а в Москве был департамент инспекции. Мама моей бабушки — из дворян, она была очень одарённым человеком: писала стихи, играла на фортепиано, знала языки, получила прекрасное воспитание и образование, чему и учила своих дочерей, у них были гувернантки и приходящие педагоги. У родителей бабушкиной мамы была усадьба в Нижегородской области, где на тот момент они и жили. Бабушка Надя помнит, как они ездили из Москвы к своим бабушке и дедушке, туда же приезжал её дядюшка со своей семьёй, как они играли и дурачились со своими двоюродными братьями и сёстрами. В саду у родных чего только ни росло — невероятное количество ягод и фруктов. Взрослые женщины варили варенье и морсы, делали многочисленные заготовки. На время пребывания в усадьбе их освобождали от всех занятий. Это

было самое лучшее время в жизни у бабушки. Она его часто вспоминала и рассказывала мне, вспоминала какие-то мелочи из той дачной жизни, шалости своих братьев и сестёр. Им разрешали играть с деревенской детворой и сажали за один стол, угощали тем же, что ели и барские дети. Бабушкин дед был очень прогрессивных взглядов, даже создал начальную школу для детей крестьян. Старики очень скучали по своим внукам. Одни жили в Москве, другие — в Киеве, а дед с бабушкой проводили круглый год в усадьбе. Эти счастливые дни своего детства бабушка Надя вспоминала с болью в сердце — самые яркие воспоминания о родных людях. И тут грянула революция. Для бабушки это был как гром среди ясного неба. Она была подростком и многого не осознавала.

Вдруг в один из октябрьских дней к ним в московскую квартиру вломилась бравые революционеры и стали требовать отца. А надо сказать, квартира у них была громадная, что соответствовало рангу чиновника такого уровня, как бабушкин отец, и занимала весь второй этаж старинного дома на Остоженке. С ними в этой квартире жили и няня, и прислуга. Революционеры подняли такой ор, что разбудили весь дом. Младшая сестрёнка стала плакать, средняя подвывала, увидев вооружённых людей, только моя бабушка поняла, кто это. Бабушке на тот момент было уже 13 лет, она была большая барышня, как любил говорить её отец, и присутствовала при разговорах взрослых. У бабушкиной мамы не дрогнул ни один мускул на лице, она держалась стойко. Няня увела младших девочек. Какой-то комиссар в кожаном пальто приказал папе собираться.

— Вы нам нужны. Нам необходима ваша помощь в том, чтобы разобраться в хитросплетениях железнодорожных путей в Закавказье. Нам нужна нефть в Москве и Питере, а она застряла на запасных платформах в Баку. Как можно

обойти белогвардейские войска, которые заняли основные железнодорожные станции? Говорят, что есть старые пути?

— Увольте, господа, но я не инженер-железнодорожник. Я только финансовый инспектор. Может быть, вам стоит найти главного инженера?

— Это мы и без вас знаем. Его уже ищут по всему Петрограду и не могут найти. Все специалисты вашего министерства удрали или спрятались. Собирайтесь. А там видно будет.

— Хорошо, — отец понял, что спорить с ними не имеет смысла ради безопасности своей семьи. — Я и не собирался прятаться или убегать.

Вдруг один из солдат обратился к дородной кухарке Зинаиде:

— А вы что здесь делаете? — указал он штыком на её дочь, пугливую девицу Полюшку.

Полюшка вздрогнула и запричитала.

— Мы работаем у них. Я кухарю, слежу за всем. А моя дочь, — Зинаида приобняла Полюшку, — убирается, помогает мне.

— А, прислуживаете буржуйам! Вот рабское отродье! Пусть сами работают, — солдат с ненавистью глянул на мать.

— Они хорошие, нас не обижают, — заплакала Полюшка.

— Хватит на них работать, езжайте к себе. Откуда сами? — солдат устроил им допрос.

В просторном вестибюле квартиры остались бабуля со своей мамой, Зинаида с Полюшкой и солдат. Комиссар ушёл с отцом в кабинет. Видно, поэтому солдат разошёлся, хотел власть свою показать.

— Да мы из Подмосковья, из деревни Грязево, что на Истре, — бедная Зинаида покраснела вся. — Чего ты нас гонишь? Работаем и работаем. Нам здесь хорошо.

— К себе езжай, ясно? Эту квартиру советская власть отберёт у этих буржуев. Слишком большая для них. Завтра людей пошлём, им две комнаты оставим, и хватит. Ты поняла, старая? — солдат чуть не проткнул штыком толстый живот Зинаиды.

Мама бабушки стояла молча и держала её за руку. Вышел отец бабушки, одетый в свой мундир чиновника железных дорог, с какой-то папкой в руках, следом за ним комиссар. Отец подошёл к жене и дочери, поцеловал обеих и тихо сказал, и в его голосе была такая беспроглядная грусть:

— Милая, если меня не будет больше трёх дней, собирай детей и езжай к своим родителям. Бери самое необходимое, я вас там найду. Надо было нам раньше уехать отсюда. Не переживай, милая. Береги девочек и нашего будущего малыша.

Бабушка всё это слышала. Комиссар торопил отца.

— Что это вы прощаетесь? Завтра уже будете дома.

Но на следующий день отец не пришёл. Зато после обеда появилась живописная группа во главе с нашим дворником Никодимом.

— Вот они, — Никодим услужливо говорил какому-то мужику в тулупе. — Барыня, вас расселять пришли.

— Как это расселять? — возмутилась бабушкина мама. — Эта квартира подарена моему мужу министерством путей сообщения за его заслуги в деле служения Отечеству, и пока муж не придёт, я не пущу посторонних в свою квартиру.

— Товарищ барыня, помолчите, пока я вас отсюда совсем не выгнал, — и мужик в тулупе бесцеремонно оттолкнул мать. Она чуть пошатнулась, няня подхватила её. — Вам положены две комнаты, выбирайте, пока я добрый. А то десять комнат у них, буржуи недорезанные.

— Здесь есть и моя комната, и я буду здесь жить, — заговорила няня. — Я ведь не барыня, я обслуга.

Мать взглянула на няню недоумённым взглядом. Она всегда считала её членом семьи.

— И наша есть, — Зинаида стала повторять за няней. — Мы тоже обслуга, — а потом, чуть подумав, добавила: — Нам солдат советской власти дал разрешение вчера.

— Хорошо, — подумав, сказал человек в тулупе. — Значит, четыре комнаты заняты, остальные будем распределять — я ведь всё-таки управсовкомдом.

Все женщины этого дома удивлённо посмотрели на него — такой аббревиатуры они не знали. А бабушка была маленькая и прыснула от смеха.

— Хорошо, мы бы хотели забрать свои личные вещи из комнат, — сказала мама.

Они долго говорили с няней. Мама сразу поняла, почему няня так сказала: чтоб сохранить за ними три комнаты. Оставили за собой папин кабинет, родительскую комнату и большую детскую. Стали переносить вещи в эти три комнаты и в Зинаидину комнату тоже. Мать дала дворнику Никодиму деньги, чтоб он пошёл в скобяную лавку и купил новые замки в комнаты.

Зинаида вдруг всплеснула руками:

— Барыня, а припасы?! Эти ироды, оглоеды всё унесут! Чем детей кормить будем?

И Зинаида, и Полюшка, и няня, и бабушка маленькая стали таскать всю еду, что у них была, и из кладовой, и из кухни, и из столовой в детскую комнату. Полюшка тащила столовое серебро и фарфор, скатерти и салфетки и всё перечитала:

— Где кушать-то будем? Все вместе, что ли?

Квартира мигом наполнилась непонятым народом. Даже в большом парадном зале кто-то улёгся на бархатных диванах прямо в сапогах. Это уже была не их квартира, это был человек.

Так началась их общежитская жизнь в собственной квартире. Прошло три дня. Суматошных, страшных, в визгах и песнях посторонних людей. На кухне в уголке у Зинаиды висела икона и стояла лампадка. Кто-то сорвал икону и затоптал ногами. Когда Зинаида это увидела, то так стала орать, что на её истошный крик вышли все старые и новые жильцы квартиры. Зинаида в шесть утра готовила кашку для маленькой дочери хозяев и, увидев это кошунство, не смогла сдержать своего гнева.

— Это сатана сделал, не иначе. Сатана сам говорит, что насильно нельзя отучить людей верить в Бога, но можно погрузить их в мрак и тьму, и в суету сует.

Зинаида сидела на кухонном полу и причитала. Какая-то молодая парочка комсомольцев стояла над ней и смеялась. Полюшка и няня подняли кухарку с пола и отвели в комнату, мать дала ей успокоительных капель, так и пролежала Зинаида целый день в кровати.

Самое трудное — уметь ждать и при этом соблюдать спокойствие. Мама ждала, занималась с дочерьми французским языком и музыкой, няня им читала умные книги и занималась грамматикой. На пятый день мама не выдержала и решила пойти в департамент. Конец октября, снег ещё не выпал, но было не по-осеннему холодно, свистел ветер, завывал в трубах, крутил на улицах прохожих в разные стороны. Как няня ни отговаривала маму, она всё-таки пошла. Её не пустили в здание солдаты-караульные, там находился какой-то комитет новой власти. Она хотела найти того комиссара в кожаном пальто, но не знала его имени. Долго простояв на улице, мама замёрзла и вернулась домой. На следующий день с утра она отправилась домой к сослуживцам мужа, к тем, кого она знала и с кем они дружили семьями. У одних были заколочены входные двери, у других оставалась прислуга, которая узнала барыню и по секрету сказала, что они

все удрали в Европу, эти проклятые эксплуататоры. Старая прислуга жила в одной из комнат квартиры друзей, работать уже не могла, но так как она была одинокая, хозяева её содержали и оставили у себя. И мама совсем не ожидала, что этот старый человек будет так пренебрежительно говорить о своих благодетелях. Доброта — это сознательный выбор каждого, и в каждый момент, и в каждой ситуации она должна быть разной. Доброта — это то, что может услышать глухой и увидеть слепой. За доброту эта старая женщина ответила своим благодетелям плохо скрытой ненавистью.

Мама пришла домой ни с чем, она не знала, что делать, закрылась у отца в кабинете и прорыдала весь день. Бабушка уже была взрослой девочкой и понимала, что мать не нашла отца. И она тоже ткнулась лицом в подушку и заплакала. Отец был для неё всем, он понимал её сущность, как и всё на свете. Няня не знала, что делать с ними, но понимала, что они так долго не протянут — запасы еды заканчивались, денег не было, необходимо было уезжать в Нижегородскую губернию к родителям барыни. Но та упёрлась, ни в какую не хотела уезжать без мужа или хотя бы без каких-либо сведений о его судьбе. Тогда няня решила сама предпринять некоторые шаги. Она знала, что в их, теперь коммунальной, квартире живёт друг того самого солдата, который приходил с комиссаром и уводил отца. Поговорив с тем самым другом, она выяснила, где живёт солдат, и пошла к нему в надежде хоть что-то узнать об отце. Солдат вообще не владел информацией, но зато сказал фамилию комиссара и указал место, где он служит, даже не взял пачку галет и плитку бельгийского шоколада, которыми хотела его задобрить няня. Только пробубнил, что времена сейчас голодные и им самим пригодится. Няня была крайне удивлена таким поведением солдата. Люди ведут себя по-разному, порой неожиданно, и этот грубый

солдафон показал свою лучшую сторону души. Может быть, Бог смилостивится над ним и простит ему грехи его неразумного поведения.

На следующий день мама отыскала комиссара. Он очень удивился, увидев её. На её вопрос о муже он долго смотрел на неё, после чего сказал, что его командировали на Закавказскую железную дорогу и он не скоро появится в Москве. Комиссар рекомендовал ей найти работу, чтоб не голодать, так как жалование её мужу никто платить не будет. Когда мама вернулась домой, она уже приняла решение: надо ехать к родителям — вместе легче перенести это смутное время. Она была уверена, что и муж туда приедет. Мама и няня стали спешно собираться. С собой решили взять самое необходимое, рассудили, что драгоценности лучше спрятать на себе и девочках — это был единственный их капитал. Зинаида им наготовила много еды на дорогу. Мама передала кухарке ключи от комнат и попросила дожидаться барина. Обе — и Зинаида, и Полюшка — горько плакали, когда прощались с девочками. Няня на них прикрикнула и сказала, что скоро приедут, долго это продолжаться не может. Мама надеялась только на начальника станции железной дороги: он хорошо знал папу, тот инспектировал его участок дороги и говорил, что он порядочный человек, и каждое лето, когда они ездили к родителям, им был предоставлен спецвагон. Только уповая на этого человека, они поехали на станцию. Там творилось что-то невероятное. Люди, солдаты, комиссары, нищие и бродяги пытались сесть в любой поезд, лишь бы уехать из Москвы. У мамы опустились руки. Но они всё равно пошли в здание вокзала искать начальника станции. Дети с няней остались у дверей кабинета ждать его, а мама металась по всей станции, пытаясь найти его, и нашла-таки. Он завёл всех к себе в кабинет, велел располагаться и ждать здесь, дал маме ключ, чтоб она

закрылась изнутри и никого не пускала — боялся за них. Ушёл, пришёл, снова ушёл. Дети и поели, и поспали. Наконец он появился, махал руками, цокал языком, пыхтел как паровоз, всё сокрушался за отца. Потом объявил им, что ночью будет поезд, идущий до Томского округа, он их посадит в общий вагон, договорится с начальником поезда — тот его друг. В Нижнем они сойдут. Они должны сидеть тихо и не привлекать внимание пассажиров. Так он и сделал, и денег у мамы не взял. Мама потом долго вспоминала его добрым словом. Наконец они доехали до Нижнего Новгорода. Дети устали, капризничали, мама и няня утешали их, уговаривали потерпеть. Кое-как на перекладных они добрались до усадьбы маминых родителей.

Когда дети увидели дом своих родных, они стали усердно хлопать в ладоши и кричать от радости. Но, к их удивлению, им навстречу никто не вышел. Мама с няней так и остались стоять посреди двора в окружении детей и баулов. Они были потрясены зрелищем, которое увидели. Даже младшие дети замолчали от удивления. Прекрасный дом был разгромлен, разбит и разграблен. Мама не могла даже сделать шаг и подняться по когда-то величественной лестнице.

— Кто эти варвары? Что они сделали? Где родители? — всё это мама сказала вслух, обращаясь к няне.

Няня пошла к дому и уже стала подниматься, когда им навстречу из маленького домика, что стоял в саду, выбежали садовник и его жена, пожилые люди, которые всегда ухаживали за двором, и мама их помнила с детства.

— Барышня, барышня, — они до сих пор называли маму барышней, как юную девушку, — вы приехали? А ваши бабюшка с матушкой не дождались, всё ждали-ждали и не дождались.

— Что это такое, Фёдор? — мать указала на дом. — Где родители? Пелагея, голубушка, что это ты плачешь?

— Ох, и горе у нас такое, барышня, нет ваших батюшки и матушки, — запричитала Пелагея.

— А где они? — до матери ещё толком ничего не доходило, а няня сразу всё поняла, всплеснула руками и заплакала, что-то бормоча себе под нос.

— Что ты там бормочешь? — цыкнула на неё мать. — Пелагея, ты можешь толком сказать, куда они уехали? К брату моему в Киев?

— Нет, барышня, — заговорил Фёдор, видя, как его жена растерялась, — они туточки, в усадьбе лежат.

— Заболели, что ли? Неужели этот грипп-испанка и сюда дошёл?

— Нет, барышня, не заболели, — неожиданно даже для самого себя сказал Фёдор. — В земле они лежат сырой, мы с женой их схоронили здесь.

Мама охнула, закрыла рукой рот, чтоб не закричать и не напугать детей. Пелагея взяла младших девочек за руку и повела за собой, за нею следом, медленно ступая, пошла няня. Бабушка же осталась со своей мамой, крепко держа её за руку. Фёдор рассказал страшную историю о том, что пришли большевики во все близлежащие деревни их уезда, стали устанавливать советскую власть, многие усадьбы были разгромлены, но их дом не трогали из-за деда — крестьяне за него вступились, так как он организовал учёбу их детям, вёл просветительскую работу, помогал с будущим образованием одарённым крестьянским ребятам. Он считал, что Россия будет сильна только своими умами, и всё время приводил в пример Михайло Ломоносова. И всё было бы хорошо, если бы вдруг не пришли «зелёные» (и такая партия была в то лихолетье). Эти зелёные — то ли анархисты, то ли либералы — себя по-разному именовали, но грабили, как настоящие бандиты. Горькая участь не миновала и их усадьбу. Дед принялся их главаря увещевать, и его просто застрелили. Когда, увидев

это, тихая, интеллигентная бабушка бросилась на них с кулаками, её тоже застрелили. Потом стали грабить усадьбу, гонять прислугу, пожилы несколько дней здесь, крушили всё подряд, выпили и съели всё, что можно было, и ускакали восвояси. Здесь же, в саду, и похоронили родителей мамы. Жизнь и смерть — это не то, чем мы можем управлять и манипулировать. Кому же там наверху понадобилось, чтобы так, по-зверски убили этих добрейших людей? Нам это неизвестно и не нам это решать.

Они пожилы несколько дней в усадьбе, и мама приняла решение ехать в Киев к своему брату. Добирались мучительно долго, но добрались. Уже на дворе стояли лютые морозы. Когда они подошли в дому брата, мамино сердце сжалось от плохого предчувствия. Во всех окнах было темно, дом стоял как укор всем тем, кто пустил чужие жизни под откос. Мама долго звонила в колокольчик, трясла ворота, дети били ногами... наконец послышались шаги. Спасибо тебе, Господи, кто-то есть живой в доме. Им навстречу шёл дворецкий брата, по-прежнему подтянутый, несмотря на возраст. Он сразу узнал сестру своего хозяина.

— Барыня, проходите, как я рад вас видеть. А ваш брат ждал родителей, предупредил меня на всякий случай. А тут вы. Он думал, что вы из Москвы уехали или в Германию, или во Францию. Был уверен, так как вам телеграфировал.

— Мы ничего не получили? А где брат, семья? Дети где?

— Уехали в Ниццу, успели на последний пароход из Одессы. Я тут остался на хозяйстве и родителей ваших ждал. Он им тоже телеграфировал, ждал их.

— Ой, горе у нас, милый, — и мать дала волю слезам.

Няня хозяйничала на кухне, ведь всё здесь знала — они часто бывали в гостях у брата хозяйки. Накормив детей и уложив спать, они уселись на семейный совет, допустив и бабушку — она уже большая, всё-таки 13 лет. Пригласили

и дворецкого, так как он преданный их семье человек и знал обстановку в Киеве. Дворецкий сообщил, что никого из сослуживцев и близких друзей её брата в городе не осталось, некоторые из них приходили домой и спрашивали его. Остаётся одно: или здесь остаться до весны и дожидаться, когда пойдут теплоходы из Одессы до Марселя, или ехать в Москву. Тут влезла в разговор взрослых бабушка, хоть она и была маленькая, но росла довольно умненькой.

— Мама, а помнишь, как мы в Ниццу, во Францию, ехали в гости года два назад? Мы встретились с дядей в Варшаве, они из Киева приехали на поезде, а мы из Москвы.

— Да, доченька, помню. Какая ж ты у меня умная. Надо нам ехать отсюда в Варшаву. А оттуда — через Германию во Францию к брату. Господи, как ты надоумил моего брата там дом купить? А мой муж всё не хотел. «Зачем нам нужна недвижимость за границей? — всё говорил. — Я из России ни ногой». И спорили с братом всё.

— Они ж друзья были великие, барыня, — дворецкий улыбался, вспоминая споры этих умнейших людей, совести России, тех, кто сделала страну великой.

— А ходят сейчас поезда? — практичная няня прервала воспоминания дворецкого.

— Я даже не знаю, — дворецкий задумался. — Надо на вокзал пойти узнать.

— Царство Польское ещё пока в составе Российской империи, хотя и австро-венгры там сидят, — рассуждала вслух няня, — но ходят слухи, что они сегодня-завтра покинут Россию. Не хотят, не любят нас, хоть мы им столько сделали хорошего.

— А вы откуда так информированы? — мама с удивлением глянула на няню.

— А я в нашей квартире газету читала, что эти молодые революционеры приносили. Зинаида решила в неё селёдку

завернуть, а я не разрешила — думаю: ещё заругают за свою газету, — вырвала у неё из рук и прочла.

— Может, и враньё там — что они, эти революционеры, писать могут? — дворецкий с недоверием посмотрел на няню.

— Тогда давайте так: может, и на этот раз нам повезёт. Начальник вокзала остался прежним, так он и брата, и мужа знает и помнит, и нам поможет. Завтра с утра пойду всё разузнаю.

— Я с вами, одну не отпущу, — решительно сказал дворецкий и отправился готовить ванну для барыни (как ни странно, но вода была).

На том и порешили. С утра мама с дворецким пойдут на вокзал, а няня останется с детьми.

Ночь спали плохо: в Киеве, как и в Москве, всю ночь стреляли, бегали, кричали, шумели. Странная, непонятная революция.

Дети ещё спали, когда мать с дворецким потопали на вокзал. Им просто сказочно повезло. Начальник узнал мать, расспросил её о муже и брате, об обстановке в Москве, а самое главное — он обещал им помочь. Пассажирские поезда на Варшаву стали ходить крайне редко, но на днях должны пустить товарняк с солдатами — в Польше неспокойно, — и туда поедут бойцы новой Красной Армии наводить порядок. Будет два прицепных пассажирских вагона, в одном поедут новые красные командиры и комиссары, а в другом — пассажиры, и там он обещал сделать им места. Через два дня они уехали. Маме была важна географическая близость семьи. Это её психологическая поддержка, а из семьи у неё остался на этой земле только брат. Про мужа она уже всё понимала, но, боясь чего-то страшного, предпочитала не знать правду — так хоть где-то в глубине души теплилась надежда, что он жив и что комиссар не врал ей,

хотя его стальной взгляд говорил о другом. В этих хлопотах и перипетиях судьбы она даже забыла, что беременна, она не чувствовала, как в ней растёт новая жизнь, и ребёнок сидел смирно у неё в животе, не мучил свою мать, как будто понимал, что маме сейчас не до него.

В Бресте стояли долго. Младшая сестрёнка капризничала, у неё начался жар. Мама хотела выйти и постараться найти фельдшера на станции или хотя бы в солдатских вагонах, чтоб осмотрели сестрёнку, но няня решила пойти сама, обещала обязательно вернуться с фельдшером. Её не было очень долго, сестрёнка всё плакала, мама как могла её утешала, очень боялась, что их могут высадить: решат, что у сестрёнки грипп-испанка, который тогда охватил всю Европу. Эпидемия была страшная, солдаты Первой мировой войны почувствовали это на себе. Об этом не афишировали, но Испания объявила об этом страшном гриппе, уничтожающем всё вокруг, первой, потому и грипп назвали «испанкой». У всех эпидемий были три волны, которые растягивались на годы, в России началась вторая волна, в Европе — третья. Мама боялась самого страшного. А няня всё не шла. Мама молилась, чтоб поезд поскорее поехал — до Варшавы совсем недалеко, а там она найдёт врача. Бог услышал мамыны молитвы, и поезд вдруг резко тронулся с места, моя маленькая бабушка вскочила с места, накинула свою шубку и побежала в тамбур, прыгнула с вагона и мчалась вдоль перрона, зовя свою любимую няню. Поезд набирал скорость, и она, моя маленькая бабушка Надя, только успела увидеть в грязном окне вагона мамино лицо со смертельным ужасом в глазах. Больше своих мать и сестёр она никогда не видела...

Когда няня появилась на перроне с каким-то мужчиной в белом халате, накинутом сверху на пальто, она чуть не лишилась рассудка — поезда не было. Фельдшер махнул рукой, развернулся и ушёл. Няня осталась стоять как изваяние: её

семья уехала, а она осталась одна. Семья бабушки была для неё тоже семьёй, хоть они и не имели кровного родства. Но разве в любви имеет значение состав крови, главное — всеобъемлющая любовь няни к детям, большая и чистая, которую словами трудно передать, и никто ещё не смог это описать словами, только поступки людей могли доказать это. Когда няня увидела ребёнка, стоявшего на перроне и горько плачущего, она обомлела.

— Наденька, что ты здесь делаешь? Почему ты здесь?

— Я выбежала за вами, поезд тронулся и быстро поехал, — всё продолжала плакать девочка. — А они там, в поезде. Мы их потеряли.

— Не плачь, моя голубка, мы их догоним. Я уверена, что мама нас будет ждать в Варшаве.

И они на перекладных поехали в Брест. В Бресте им сообщили, что поезд с солдатами развернули назад, что Польша отделилась от России и границы временно закрыты. Последними через границу пропустили бывших граждан России, которые решили эмигрировать, и в этом им помог «Союз русской эмиграции». Няня моталась по всей польско-российской границе в надежде, что, быть может, мама с детьми где-то спряталась и их ждёт, но увы. Потом один российский пограничник смилостивился и сказал, что женщина с двумя детьми, один из которых серьёзно болен, перешла границу, так как ей нужен врач, а он только на польской стороне, и им помогала одна благородная дама из эмигрантов. Няня немного успокоилась и слёзно просила пропустить их в Польшу, но никто их не слушал: граница закрыта, а документов у них не было — все вещи и документы остались у матери. Тогда няня зашла в какой-то деревянный туалет (бабушка её охраняла) и достала из своих необъятных одеяний кольцо с громадным рубином и бриллиантами из маминого шикарного гарнитура. Няня проявила кипучую деятельность,

нашла старшего пограничника, дала ему взятку в виде этого кольца и попросила пропустить без документов. Этот пограничник — бывший крестьянин, а ныне солдат Красной Армии, пламенный революционер — зло глянул на няню, отвёл в сторону, няня взяла девочку за руку и пошла с ним. Плата за услугу позволяет сохранить чувство собственного достоинства.

— Послушай меня, буржуйка недорезанная: вас двое, а кольцо одно. Что к нему есть, давай ещё, а то ни хрена тебя не пропущу и скажу начальству, что ты хочешь обманным путём пройти границу, в каталажку тебя посадят, а девочку в приёмник для малолеток.

— Хорошо, хорошо, — няня изменилась в лице, — приду через полчаса.

— Давай быстро, старая, — солдат грязно выругался им вслед. — У меня напарник есть, понятно?

Няня терпела всё, лишь бы перейти границу и воссоединиться с семьёй.

Серьги от этого гарнитура солдат тоже взял, быстро положил в карман, оглядываясь, чтоб никто не заметил.

— Иди, где-нибудь перекантуйся до 12 ночи. Здесь не маячь, — солдат чувствовал себя героем-освободителем. — Придёшь сюда. Я вас переведу.

В 12 ночи его не было, и никто не знал, где он. Другие солдаты их гнали, пока не пришёл комиссар и не отвёл их на заставу в какую-то будку. Там комиссар сказал няне, что если она сейчас не уйдёт и будет околачиваться здесь, то он её посадит, а девочку сдаст в детприёмник. И даже если у них были бы документы, то в ближайшие полгода гражданских лиц в Польшу впускать не будут, пока не наладят дипломатические отношения. Комиссар излагал всё чётко, ясно, у него была правильная речь. Видно было, что он образован и хочет помочь этой несчастной женщине.

— Вы голодны? — спросил он у няни.

— Девочка голодная, это так.

— А вы что, сыты?

Няня опустила глаза.

Комиссар налил им горячего чая, дал сахар, баранки.

— Пейте, ешьте, я сейчас найду машину, и вас отвезут на станцию, оттуда доберётесь домой. Вы откуда сами?

— Из Москвы, — ответила девочка.

— Вот и сделайте в Москве новые документы, а потом уже решите для себя, хотите ехать или нет.

— Хотим, хотим. Там моя мама и сёстры.

— А в Москве кто?

— А в Москве папа.

— Вот и езжайте к папе.

Няня не вступала в их диалог. Она молчала и что-то обдумывала. Потом встала, поблагодарила:

— Спасибо вам большое. Бог вознаградит вас за вашу доброту.

— Бога нет, — сказал комиссар.

Девочка на него удивлённо взглянула: какие страшные слова он говорит.

— Бог у каждого в сердце, — няня произнесла это с болью в голосе, повернувшись к девочке и сказала: — Этого солдата, который нас так подло обманул, Бог накажет. У Бога всё вовремя, так что учись ждать, деточка!

Комиссар уже ничего этого не слышал, он пошёл на поиски какого-нибудь транспортного средства, которое их довезёт. С горем пополам они кое-как добрались до Москвы. Бабушка очень надеялась, что в Москве, в их квартире, их ждёт папа. Но там их встретили Зинаида и Полюшка, папы не было. Из трёх комнат им оставили только одну, которую Зинаида отстояла, — папин кабинет. И няня показала бабушке хорошо спрятанный сейф, где лежали папин Императорский

орден Святого равноапостольного князя Владимира, которым наградили её отца за безупречную службу Отечеству к 300-летию дома Романовых. Отец очень гордился этим орденом и надевал его только по праздникам на парадный мундир. В этот сейф няня и сложила драгоценности, которые были на них.

— Это всё теперь твоё, это твоё приданое. Продашь их только в крайнем случае, когда нужда заставит. А встретишь маму или папу — отдашь им, — поучала няня мою бабушку Надю.

— Сама отдашь, — возражала ей упрямая девчонка. — Мы через полгода поедem к ним во Францию. Документы сделаем и поедem, сама же сказала.

— Поедem, конечно. Такой красивый гарнитур с рубинами не сберегла, — сокрушалась няня. — Безбожник этот, солдат, обманул. Запомни, детка: добро должно быть с кулаками. Запомни это на всю жизнь.

Няня забегала по разным учреждениям, чтоб восстановить документы. Ох, нелёгкая это работа во все времена, а в то смутное, непонятное революционное время тем более. Няне приходилось прогибаться чуть ли не под каждого высокомерного хама-чиновника, которого трудно поставить на место. Бабушка ходила вместе с ней, выслушивала унижения, которым подвергалась няня, и терпела всё это вместе с ней. Вот тогда у моей бабушки и появился громадный стержень выживаемости. Не ждите, что кто-то принесёт вам счастье, даже в виде документов, — достигайте его самостоятельно. Долго они маялись, средств к существованию не было. Зинаида стирала бельё некоторым жильцам квартиры за еду, Полюшка устроилась нянечкой в семью одного новоявленного коммуниста, а моя маленькая бабушка учила музыку двух комсомолочек за талоны на хлеб. Так они и выживали. Через полгода наконец-то с большим трудом вос-

становили их документы. Как только они получили их на руки, сразу засобирались в Одессу: решили ехать морем — так пересекать придётся одну границу. Уже сложили свои баулы, когда вдруг нянечке стало плохо — неожиданно резко поднялась температура, начался бред, встать она не могла совсем. Тогда в Москве свирепствовал брюшной тиф. Посоветавшись, бабушка, Зинаида и Полюшка решили никому не говорить о болезни няни, а найти своего доверенного врача. Никого не смогли отыскать... Бабушка пошла к их семейному врачу — оказалось, он с семьёй уехал; Зинаида ходила по соседям, рассказывала небылицы, лишь бы ей врача посоветовали, но так никого и не нашли. Оставалось только идти в революционный госпиталь или везти туда няню.

— Барышня, голубушка, люди, они и есть люди, хоть революционеры, хоть дворяне. Одинаково все болеют. Надо везти нянюшку в их хоспиталь. Я сейчас няню оботру укусом, травки дам, чаю с малинкой, всё ей сделаю как могу. А ты, моё золотко, сходи к аптекарю тому, немцу, к которому матушка твоя ходила, лекарств попроси, может, он что и подскажет.

— Хорошо, Зинаида, сейчас пойду. Лишь бы они не уехали.

— Господь милостив, Надюша, поможет нам. Чай мы не грешны так сильно, чтоб нам не помочь.

Вот так моя бабушка и познакомилась с моим дедушкой Петей (а звали его дома Питером, и был он сыном того самого аптекаря-немца). На момент их знакомства бабушке уже исполнилось 14 лет, а дедушке — 18. Старый аптекарь пришёл к ним домой, не побоялся. Умный человек, он сразу понял, что это не тиф и не испанка — у няни на нервной почве случился паралич и инсульт. Она всё понимала, но вставать и говорить не могла. Её организм дал сбой — столько испытаний она не смогла выдержать. Вот такие гримасы судьбы

случаются в жизни. Благодаря усилиям бабушки и Зинаиды, а также поддерживающим препаратам аптекаря и уколам, которые ставил дедушка Петя, няня прожила целый год. Бабушка потеряла самого близкого человека в её жизни на тот момент, но приобрела любимого, единственного мужчину. Когда бабушке Наде исполнилось 16 лет, она вышла замуж, а через год родила мою маму Лиду.

Наши русские женщины с большим добрым сердцем, способны любить самозабвенно и стать для своего мужчины поистине близким и преданным человеком. Так как все аптеки у дедушкиной семьи экспроприировали, они остались без средств к существованию, и только в аптеке под их квартирой разрешили им работать как служащим. Дедушку назначили заведующим аптекой, поскольку у него было среднее фармацевтическое образование, а его отца — провизором, и платили им грошовую зарплату. Семья дедушки стала для моей бабушки Нади второй семьёй. Она им всё рассказала, а мужу ещё показала сейф со всем содержимым. После того, как отняли аптеки, слегла свекровь — у неё сильно развился диабет, появилась нейропатия, она еле ходила. Кроме дедушки Пети, в семье было ещё трое детей, мал мала меньше. Власть уже стабилизировала свои административные органы, и покинуть страну без разрешения на выезд нельзя было. Бабушка свою девичью фамилию не меняла, всё надеялась, что родственники её ищут и под фамилией Белогорская легче будет найти. Уговорила мужа, чтоб и дочку Лидочку оставить под этой фамилией. Малышку назвали в честь бабушкиной мамы. Как вы уже поняли, у нас в семье у женщин два имени: Надежда и Лидия. Потом у бабушки родился сын — брат моей мамы, — но он умер в младенчестве. На бабушку и дедушку навалилось много бед. Друг за другом умерли дедушкины родители. Его сё-

стры и брат остались на нём, и бабушка с ними возилась и воспитывала.

Разрешение на выезд дали дедушке, его младшим сёстрам и брату, так как они немцы, а бабушку с ребёнком не пустили. Началось хождение по инстанциям, которое ни к чему не привело. Естественно, дедушка никуда не уехал.

Время было очень голодное. Некоторые горожане отправлялись в деревни к родственникам в надежде прокормиться там, а деревенские, наоборот, приезжали в город, так как продразвёрстчики забирали последнее. Бабушка потихоньку продавала драгоценности — надо было как-то кормить большую семью, её мужу было очень тяжело. Советский Союз тех лет было ещё не стабильное государство. Бабушка часто думала о своих родных, она не могла поверить в то, что мама её не ищет. Но почему тогда они не отвечают на её многочисленные запросы?.. Бабушка находила людей, которые уезжали во Францию по тем или иным причинам, передавала на словах своим родным, что она жива (письма люди не брали), но ответа так и не дождалась. Это её мучило. Шли годы. Пену дней потихоньку смывала река времени. Дедушкины сёстры подросли и почти одновременно выскочили замуж за русских ребят, поменяли фамилию и уехали с ними, одна на Дальний Восток, другая в Сибирь. Я помню, что бабушка получала от них красочные открытки к праздникам 7 ноября и 1 мая. А дедушкин младший брат влюбился в этническую немку, дочь друзей их семьи, и переехал с семьёй жены в Германию. Это было задолго до начала войны. Бабушка написала им на малюсеньком листочке все данные о своих родных и просила отыскать их во Франции. Когда началась война, моей маме было уже 20 лет, она заканчивала педагогический техникум. Мама была комсомолкой, спортсменкой и красавицей, как и многие девушки тех лет. Она было ринулась в военкомат, собралась на фронт, но

родители категорически ей запретили. Отец сказал, что эта война — какая-то ошибка, что есть пакт Молотова – Риббентропа, и всё это скоро закончится.

Прошло три дня от начала войны, и дедушка решил пойти в военный комиссариат, узнать, чем он может пригодиться на фронте со своими фармацевтическими знаниями. Но не успел этого сделать — ночью за ним пришли из КГБ и забрали. Больше его родные не увидели... Бабушка обивала пороги конторы, мама подключала своих друзей-комсомольцев в надежде узнать, что с её отцом. Но мою бедную маму заклеямили как дочь врага народа и исключили из комсомола. Она это помнила до конца своих дней и запретила мне вступать в комсомол. В тот день, когда наш класс вступал в комсомол, я «заболела» и пролежала неделю в постели — мамина знакомая врач постаралась.

Бабушка была в отчаянии, но она понимала, что арест мужа связан с его немецким происхождением. Тогда бабушка вспомнила про Полюшку, их бывшую домработницу. Она вышла замуж за того самого солдата, который когда-то приходил с комиссаром арестовывать её отца. Солдат за это время достиг высоких чинов и сидел в одном из кабинетов НКВД. Полюшка так и не родила своих детей и часто приходила к бабушке Наде нянчиться с её дочкой. Она нянчила даже меня, ведь была всего на несколько лет старше бабушки. Так вот, взяв с собой взрослую дочь, бабушка отправилась тогда к Полюшке.

— Надюша, что это с тобой? — Полюшка прижала руки к щекам и покачала головой. — На тебе лица нет. Не заболела ли, голубушка моя?

— Нет, Полюшка, не заболела, у меня другая беда.

— Что за беда? Проходите. Васечка на работе, я одна. Проходите, чаю попьём, — Полюшка обняла Лидусю и расцеловала в обе щёки. — А Лидуся у нас как расцвела, а?

Война эта поганая закончится, и замуж отдадим, у меня тут парень один есть на примете, у Васечки работает.

— Ой, Полюшка, не до свадеб сейчас нам, — бабушка расплакалась и всё рассказала.

Женское горе огромно, как океан. Полюшка пообещала, что Васечка всё разузнает и постарается помочь.

Информация — самый ценный товар всегда и везде. На следующий день вечером бабушка опять отправилась к Полюшке. Василий был дома. Бабушка помнила, как няня рассказывала, что молоденький тогда Вася не взял у неё галет и шоколада, которые та давала в качестве взятки за информацию об отце. Потом, уже через много лет, Василий признался бабушке, что её отца расстреляли как саботажника где-то в Закавказском округе, куда его отправили. То ли по ошибке вместе с другими железнодорожниками, то ли специально — это сейчас только одному Богу известно. И бабушка рассказала Василию всё, начиная с того дня, как забрали отца. Когда говоришь правду, всегда легко. Ничего не надо запоминать — просто говоришь всё как есть. Врать не надо, придумывать — тоже. Единственное, что бабушка скрыла, — это про сейф, оставшиеся драгоценности в нём и орден. Она всегда говорила маме: «Это твоё приданое», как когда-то повторяла ей няня. Дедушку арестовали, потому что он немец, как бабушка и предполагала, а ещё из-за того, что его младший брат эмигрировал в Германию. По этим причинам деду дали 10 лет без права переписки и в ближайшее время отправят в Сиблаг по статье 58 — «враг народа». Единственное, чем смог помочь Василий, — это сказал, в какое время его будут этапировать в Сибирь. Бабушка поехала на станцию и издалека смотрела на своего мужа — подойти к нему ей не разрешили. Больше никогда она его не видела. Бедная моя бабушка Надя... что только она ни вынесла... Эта неизвестность её убивала. Мало того,

что она не знала о своей матери и сёстрах, так теперь и о муже никаких вестей не было. Только лет через семь после войны их нашёл один человек. Он пришёл к ним по адресу, который они не меняли — так и занимали одну комнату в бывшей квартире бабушкиных родителей. Уже и я родилась, и бабушке дали маленькую комнатку (бывшую кладовку), а мы с родителями продолжали жить в бывшем кабинете прадеда. Этому человеку я, малышка, открыла дверь. Когда я его увидела, то, держась за бабушкин подол, сразу спряталась за её спину. Незнакомец представился. Бабушка сразу поняла, что человек приехал издалека и привёз весточку от мужа. Она сначала его накормила, напоила чаем и принялась слушать. Бабушка моя умная женщина, она понимала, что мужа уже нет в живых, раз он не вернулся домой по сроку, но надеялась на чудо, как мы все. Деда в лагере любили, он помогал врачам лечить людей, в фельдшерском пункте изготавливал лекарства, перевязывал, даже иногда собирал травы целебные на территории лагеря, чтоб как-то облегчить людскую боль. Состоял он в отряде политических, но у них были и отряды с другими заключёнными, и уже буквально через год после окончания войны один отморозок-наркоман заколол заточкой и деда, и молодого врача-заключённого, требуя у них наркотиков. Наркоманы, они безумны в своём пристрастии, они были всегда, просто при советской власти это не афишировалось. Бабушке об этом не сообщили, потому что дед официально отрёкся от жены и дочери, дабы им не навредить. Но с человеком, который принёс новости, они договорились, что после окончания срока обязательно навещают семьи друг друга. Я хоть и была маленькая, но помню, что бабушка не проронила ни одной слезинки — видимо, у неё уже их не было. И только к приходу с работы моих родителей накрыла праздничный стол в большой

комнате-кабинете, — сервировала парадным сервизом, приготовила много вкуснятины.

Когда мама пришла с работы, а она уже тогда преподавала в школе, то очень удивилась.

— Мама, по какому поводу пир? Я чего-то не знаю?

— Не знаешь, доча. Я хочу, чтоб мы отметили переезд твоего отца в лучший мир.

— Мама, папа жив? — моя мама аж присела на стул, у неё неожиданно подкосились ноги.

— Доча, Бог принял его душу и предоставил самое лучшее место в раю, потому что твой отец был самым лучшим человеком, он помогал людям даже в этом аду советской власти — в лагере, где сидит много безвинных. Скоро этот убийца, ирод, умрёт, немного осталось, и папино честное имя восстановится.

— Мама, я тебя умоляю, здесь ребёнок, не произноси при ней имя. Скажет при ком-нибудь, и нас всех загребут.

— Я имя и не говорю. Его имя известно Богу.

— Мама, ты получила письмо, или кто-то приходил?

Бабушка всё рассказала дочери и зятю.

Ещё раз я такой праздничный стол видела в день смерти Сталина. Бабушка торжествовала. Зять, мой папа, уехал на работу (он преподавал в военно-воздушной академии имени Жуковского), мама была на работе, соседки рыдали. Одна бабушка, закрывшись в комнате, кружила в танце с маленькой внучкой на руках.

Как я уже говорила, когда началась война, моя мама училась в педагогическом техникуме. Дедушку арестовали, мама собралась на фронт. Сначала бабушка объясняла ей, что надо окончить техникум, а там и войне конец. Техникум мама окончила летом 1942 года и пошла в военкомат, намереваясь уйти на фронт, её записали на курсы связисток. Мама, как воспитанная дочь, рассказала дома

о своих планах. Никакие увещевания о том, что бабушка не отпустит дочь на войну, на мою маму не действовали. И тогда бабушка легла на пороге и тихо сказала: «Перешагни через меня, убей свою мать и тогда только пойдёшь на фронт. Проклятая советская власть забрала у меня отца, забрала у тебя отца, теперь ты хочешь оставить меня одну на этом свете. Уйдёшь — прокляну, а сама повешусь. Из рода Белогорских ты одна осталась. У нас благородный дворянский род. Попомни моё слово: так долго не может продолжаться, будет время, и о нас вспомнят. Женщины не должны воевать. На это есть мужчины. Ты нужна и в тылу. Если хочешь, иди закончи свои курсы и работай в Москве. Ты прекрасно владеешь немецким языком, и здесь нужна своей Родине». Так моя мама осталась работать в Москве переводчицей с немецкого языка при штабе одного из спецуправлений. Там она и познакомилась с моим отцом, бравым лётчиком, воякой. Красавцем. Он иногда прилетал с фронта в Москву по каким-то спецпоручениям. Любовь между ними завязалась неземная. Любовь — это великое чувство, сколько прекрасных поступков совершается во имя любви. Во имя своей любви воевал мой отец. Пришёл он с войны не в 1945 году, а только в 1946-м. Долго воевал, зато как приехал: вся грудь в орденах, два чемодана трофейных подарков для мамы привёз и даже свадебное платье. Бабушка продала одну из своих драгоценностей, и сыграли шикарную по тем временам свадьбу. На этой свадьбе папины два фронтовых друга-лётчика влюбились в маминых подружек-училок, и снова были свадьбы. Эй-форию советского народа не передать словами. Народ — победитель, страна — победитель. Молодёжь могла горы свернуть. Восстанавливали страну всем миром. Учились, влюблялись, женились, рожали. Родили и меня в 1950 году. Мама говорила, что отец очень был рад, что родилась

именно девочка, и называл меня своей надеждой на благополучную старость.

— Лидочка, — говорил он маме, — девочка — это хорошо, на войну ей не надо идти, и смотреть за нами будет в старости, и за бабулей тоже, — всё ласково повторял он, глядя на мою бабушку. А бабушка у меня была суровая женщина.

— За мной ухаживать не надо, я ещё сама в силе. А как назовёте? — пристально смотря на дочь, спросила бабушка.

— Мама, а у нас есть варианты? — улыбнулась мама. — Как и должно быть — Надюшей, в честь тебя.

И всё. С тех пор в моей жизни бабушка стала главным человеком. Если бы ей сказали, что надо вырвать своё сердце и отдать внучке, она бы это сделала без промедления. Родители работали, а бабушка уволилась и сидела со мной вплоть до школы, ни в какой детсад она меня не сдала, а сама учила меня всему. Втихую от дочери продавала небольшие драгоценности и баловала меня, возила на море, покупала наряды. Родители зарабатывали неплохо, но всё-таки на отдельную квартиру в новом учительском кооперативе денег у них не хватало. У бабушки из всех драгоценностей, которые у неё оставались, сохранился только самый дорогой, необычайной красоты гарнитур и орден её отца. И тогда она решила продать браслет с изумрудом и бриллиантами из своего любимого гарнитура. Гарнитур был с именными вензелями царского ювелира, принадлежал ещё бабушкиной бабушке по отцу и был подарен бабушкиной маме на свадьбу. В него входили четыре вещи: кольцо с крупным изумрудом посередине и бриллиантами чистой голубой воды, браслет такой же конфигурации, серьги-подвески и перстень. Этот гарнитур бабушка ни разу не надела и маме не велела. Продать в то время было очень трудно — могли бы сразу посадить в тюрьму за спекуляцию. И бабушка через знакомых

знакомых, через десятые руки нашла ювелира, которому можно было доверить оценку изделия и который помог бы в продаже. Деньги дали за браслет громадные. Их хватило и на первоначальный взнос (полностью родители не хотели оплачивать кооператив, боясь лишних вопросов), и в течение нескольких лет по частям погасили весь долг, сделали ремонт и купили мебель. Квартира была в центре города, большая, трёхкомнатная, просторная, потом в ней жила я со своей семьёй, а сейчас — наша дочь Лидочка. Бабушка оказалась с нами переезжать. Сказала, что будет жить в доме своего отца до самой смерти. Она до конца верила: придёт такое время, когда родные найдут её именно в этой квартире. Иногда какими-то странными путями в жизни всё налаживается само собой.

9 мая 1960 года. Пятнадцать лет Великой Победы. Бабушка всегда накрывала стол в бывшем кабинете своего отца — она считалась парадной комнатой, — и к семи вечера мы собирались у неё. Уже несколько лет с нами отмечала этот праздник и Полюшка. Её муж Василий скончался, она сдала, стала часто болеть, и хоть бабушка была младше неё всего на пять лет, она взяла шефство над Полюшкой. Мы, четверо женщин, всё ждали папу, не садились за стол. Мама всё сокрушалась: наверное, в академии задержался, отмечают там, у них гости должны быть, как бы много не выпил.

Полюшка успокаивала маму: «Лидушка, голубушка моя, разве он у тебя пьющий? Ты не видела пьющих. Ну пропустит рюмочку... так заслужил. Орёл! В небесах летает, виданное дело».

Раздался наш звонок (в коммунальных квартирах у каждого свой звонок был). Я побежала открывать.

— Папочка, мы тебя ждём не дождёмся. Мама сердится. Ой, папуля, ты не один. С тобой дядя военный. А я Надя, папина дочка.

Военный засмеялся, снял свою фуражку и надел на меня. Так я и забежала в комнату. За мной — мужчины.

— Знакомьтесь, — папа обратился к бабушке, — я не один. Со мной гость. Герой войны. Лётчик-ас полка Нормандия — Неман. Только сегодня познакомились, а как будто родные.

— Он что, нерусский? — вмешалась мама. — Форма не такая, как у тебя.

— Я русский, только из Франции, — сказал мужчина с лёгким акцентом. — Разрешите представиться — Андрэ Белогор.

Полюшка и бабушка стали усиленно приглашать гостя к столу. Мы уже изрядно проголодались, а мужчинам хоть бы что — они немного выпили, и им было хорошо. Гость прошёл к книжным шкафам, они были высокие, до потолка, и забитые старинными книгами на русском и немецком языках, на французском и латыни.

— Хорошая у вас библиотека, просто шикарная, многие книги в подлиннике. Вы владеете языками?

— Когда-то я читала многие из этих вещей. Это библиотека моего отца, собранная им ещё до революции. Даже в войну я не сожгла и не продала ни одну книгу. Отец всегда говорил, что книга — это пища для ума, это самая большая ценность. Вот моя дочь Лидия свободно владеет немецким и английским, и некоторые книги из отцовской библиотеки у неё дома.

— Лидия? — Андрэ повернулся к отцу. — Ты не говорил, что твою жену зовут Лидия.

— Просто повода не было. Скажу сейчас. Мою жену зовут Лидия, а тещу и дочь — Надежда.

— И мою дочь зовут Надин Белогор. Правда, ей всего пять лет, и назвал я её в честь своей пропавшей сестры, которую никогда не видел. В честь Надежды Белогорской, —

он во все глаза смотрел на бабушку, потом подошёл к ней, взял её обе руки в свои ладони и стал обсыпать поцелуями. — И мою маму звали Лидия. Значит, ты свою дочь назвала в честь мамы? — обратился он к бабушке.

Бабушка молча кивнула.

Папа потёр руки.

— Ты, поняла, Лидочка? — обратился он к маме. — Я чувствовал, моя интуиция меня не подвела.

На бабушку невозможно было смотреть спокойно. Её каждый вздох, каждая пауза, каждое неразборчивое восклицание, выражение лица — всё говорило о её душевном состоянии. Полюшка вдруг встала и подошла к ним.

— Ты кто? — обратилась она к Андрэ хорошо поставленным начальственным голосом служителя порядка (явно переняла от своего покойного мужа). — У Надюши Белогорской не было брата. У неё только две младшие сёстры. Ты мошенник?

Все удивлённо посмотрели на Полюшку — от этой мягкой доброй старушки никто не ожидал такой прыти.

— Я за Надюшу убью кого хочешь. Она — всё, что у меня осталось в этой жизни.

Андрэ подошёл к Полюшке, браво щёлкнул каблуками:

— Разрешите представиться — Андрей Белогорский, — и хотел поцеловать Полюшке руку, но та её выдернула и внимательно посмотрела на бабушку.

— А ваша матушка Зинаида как поживает? — Андрэ всё обращался к Полюшке. Она словно онемела.

— Зинаида умерла после войны, — отвечала за Полюшку мама.

— А няня? У моих сестёр была Няня — великая женщина.

— Няня умерла в двадцатых годах — мама и Полюшка рассказывали, — продолжала моя мама Лида.

Вдруг бабушка подошла к Полюшке:

— Мама была беременна. Я знала об этом, а ты? Мне няня говорила.

— Да. Знала. Мне моя мама говорила. Значит, барыня родила сына, как и мечтала. Наследника для своего мужа. Да... пусть покоится с миром наш барин, хороший был человек.

Бабушка подошла к Андрею, крепко обняла и прижала к себе. Они стояли так очень долго. В полной тишине раздавались только всхлипы Полюшки и тихий плач мамы.

Вдруг бабушка отстранила немного брата от себя и спросила:

— Андрей, как мама? Расскажи мне всё, всю правду.

— Мама умерла сразу после войны. Тосковала очень по России и тебе. Она жила со мной в Париже и похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в окрестностях Парижа. Я ей обещал найти тебя и дочку назвать твоим именем. Твой зять сразу понял, почувствовал нашу связь. Спасибо ему.

Потом Андрей начал свой длинный рассказ. Он знал всё наизусть — мама ему столько раз рассказывала. В Варшаве они задержались на несколько месяцев. Младшая сестра очень болела, эмигрантский союз им много чем помог: предоставили жильё, медицинскую помощь, сестрёнку спасли. Мама всё верила, что няня с Надюшей приедут, ходила в разные иммиграционные службы, надеялась, что, может, без документов их выпустят из России — документы-то остались у мамы. Но всё оказалось бесполезным, граница между Польшей и Россией была закрыта. Маму буквально уговорили выехать в Германию, пока не поздно — только через Германию она могла попасть во Францию к брату. Времена были смутные, трудные. Говорят, что если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Так получилось и у мамы — она рассчитывала родить во Франции.

Но в Германии тоже произошла заминка, задержка с оформлением документов, и Андрэ родился в Германии. Потихоньку мама продавала драгоценности, и они жили на это. Когда окрепла мама и Андрэ, они поехали к дяде в Ниццу. Там и жили несколько лет. Мама и тётя зарабатывали репетиторством, а дядя чем только ни занимался. Дети все учились в хороших школах. На образование детей денег не жалели. Благо был дом свой, то есть дядин. Потом с помощью дяди мама купила небольшую квартиру и они с Андрэ переехали. Мама искала Надюшу, писала куда только можно. Дядя через своих старых московских друзей пытался отыскать в Москве, даже отправляли оказией письма. Бесполезно. Все потеряли надежду отыскать свою Надежду. Все. Кроме мамы. Мама говорила, что её дочь жива и она это чувствует, что Надюша сильная, она выстоит, что Надюша — её первенец, плод большой любви, что у неё ум и характер отца, она не потеряется в этой жизни.

— Вот такие дела, сестрёнка! Богу было суждено, чтоб мы с тобой встретились в нашей родительской квартире. Я ведь знаю адрес, мама мне его буквально вдолбила в память, говорила, что я могу найти там Надю через соседей, что няня и Зинаида тебя не бросят на произвол судьбы, — Андрей на минутку замолчал. — Сёстры обе замужем. Одна за французом, другая — за нашим русским эмигрантом. Я тоже женат на внучке русских эмигрантов из Киева — дядя постарался, — но она плохо говорит по-русски. Дядя жив, старенький уже, но ходит, рассуждает. Жена его умерла. Один из сыновей был в сопротивлении во время войны, героически погиб. Удостоен высшей награды Франции.

Все его молча, затаив дыхание, слушали. Столько десятков лет бабушка искала свих родных, даже не верилось, что это наконец свершилось.

— Андрей, ты ещё сколько дней здесь? Сегодня останешься ночевать у меня?

— Я ещё три дня. У нас командировка на пять дней всего. Мы же приехали на День Победы в составе французской делегации. У нас время регламентировано. Не знаю, каким это чудом твой зять смог меня увести с вечера.

— Приложил массу усилий, — и папа так ярко улыбнулся, он показался мне таким красивым. — Наврал, что хочу Андрею показать Москву, и много ещё чего приплёл — я просто чувствовал, что он нам родня, — потом папа обратился к теще: — Андрею нигде нельзя задерживаться, не то что ночевать. С ними всегда находится куратор, человек из конторы. Это опасно и для него, и для нас.

— Как это, я больше Андрея не увижу? — бабушка чуть не плакала. — Мы наговориться не успели. Мне ещё надо передать тебе, Андрей, одну вещь. Она принадлежит тебе как единственному мужчине в семье Белогорских.

И бабушка подошла к книжным полкам, поколдовала там, появился сейф. Она открыла его и достала оттуда красивую, алую, с золотым тиснением бархатную коробку. Про сейф мы все знали, в нём лежали и Полюшкины украшения — после смерти мужа она их дома боялась держать, и все они были завещаны моей маме.

— Этот отцовский орден? Ты его сберегла? — спросил Андрей, даже не открывая коробку.

— Ты знаешь? — бабушка с любовью посмотрела на своего младшего брата.

— Да, Надюша. Мама мне рассказывала. И сказала, что всё забрала из сейфа, кроме ордена. Она надеялась, что вернётся папа, увидит орден в сейфе и поймёт, что мы его ждём.

— Андрей, он твой, забери его.

Бабушка подошла с коробкой к брату и они вдвоём стали рассматривать орден.

— Этот орден сам Государь Император вручил отцу за служение Отечеству. Я даже помню, как у нас дома был праздник. Это великая награда.

Андрей взял коробочку в руки и вопросительно посмотрел на отца. Тот строго глянул на бабушку.

— Андрей не сможет открыто перевезти орден через границу. Это преступление. Таможенники сразу его найдут. Надо его как-то спрятать, но как, я не знаю. Завтра сходите к своему знакомому ювелиру, — обратился папа к бабушке, — и узнайте у него, как провезти через границу драгоценности. Я уверен, что он в курсе и за небольшое вознаграждение поможет вам.

Бабушка кивнула, она всецело доверяла своему зятю.

— А хоть ночевать Андрей может остаться?

— Да о чём вы говорите? Как бы сейчас нам не влетело за сегодняшнее отсутствие. Их группу курирует человек из конторы и уже точно знает об отсутствии Андрея. Мне придётся что-то врать гэбэшнику.

Полюшка всплеснула руками и стала тихо молиться.

— А завтра, я вам обещаю, — продолжал папа, — я придумаю что-нибудь, чтоб Андрей остался ночевать. Что-нибудь типа рыбалки на зорьке и тому подобное. Ещё не знаю, но, думаю, мне доверяют в конторе и пойдут навстречу. А пока нам пора. Лида, собирайся, пойдём с нами. Оставь ты эту посуду. Так нам доверия больше будет.

— Лидушка, оставь, голубушка, мы с Надюшей сами уберём, — тихо сказала Полюшка. — Господь вас хранит!

— А Надюшка останется с бабушками, — папа вышел из комнаты, за ним следом мама и Андрей, за которого всё держалась бабушка.

Утром я ещё спала, когда бабушка ушла. Полюшка накормила меня завтраком, возилась на кухне, когда вернулась от

ювелира бабушка. В сумке у неё было штук десять больших плиток горького шоколада.

— В Елисейском купила? Хороший шоколад, бельгийский. А что так много, Надюша? — удивилась Полюшка. — Разве ж ребёнку так много можно? Или это Андрюшке? Так у них во Франции свой есть.

Бабушка что-то шепнула Полюшке на ухо. Я и забыла об этом случае, если б на протяжении месяца не уплетала вкуснейший шоколад. Но обо всём по порядку. Ближе к вечеру за нами приехала мама и забрала нас всех к нам домой. Там уже Андрей и папа сидели за столом, выпивали и болтали.

После того, как накануне папа с мамой проводили Андрея, мама объяснила гэбэшнику, что хотела показать французу-герою красоты ночной Москвы — всё-таки он по происхождению русский. Гэбэшник оказался хорошим человеком, поверил. Тем более всю бушевала хрущёвская оттепель. На следующий день Андрея отпустили с отцом на рыбалку и даже разрешили переночевать у нас дома. Гэбэшник проследил за ними до самого дома, видел, как отец с гостем зашли в магазин «Рыбак и охотник» и приобрели для Андрея сапоги резиновые и спиннинг. Папа с Андреем в самом деле рано утром ушли на рыбалку на Язу. Бабушка тоже куда-то ушла, а в холодильнике лежали всё те же шоколадные плитки. Тогда в силу своего малолетства и сладкоежства я не обратила внимания, что в плитке отсутствовала обёртка из фольги, из которой я любила делать колечки. Из дома меня не отпускали даже с подружками — боялись, что я могу им рассказать об Андрее. Так три дня до отъезда Андрея я и сидела дома.

Позже мне бабуля рассказала про орден, когда я вдруг обнаружила его отсутствие в сейфе. Это уже было после смерти Полюшки, на моё шестнадцатилетие — я как раз

получила паспорт гражданина СССР. Бабушка мне отдала золотые часы, которые Полюшка заранее купила мне на эту дату. Она оставила мне и маме свои малочисленные драгоценности, а квартиру после её смерти отобрало ведомство, в котором служил её муж. На старости лет её досматривала бабушка.

Так вот что я хотела рассказать вам о дальнейшей судьбе ордена. Бабушка пошла к знакомому ювелиру, как ей и велел папа, он дал ей адрес старого сапожника, армянина, и написал ему записку. Велел купить несколько шоколадных плиток, вытащить из них фольгу, хорошенько завернуть в неё драгоценность и ещё взять с собой обувь того человека, который выезжает за рубеж, желательно на каблуке, хоть небольшом. Бабушка выполнил все инструкции, взяла с собой сапоги Андрея, благо он уехал на рыбалку в резиновых, и пошла к сапожнику. Сапожник всё ей сделал чин чинарём, и орден оказался в каблуке сапога Андрея.

Папа с братом мамы пришли с небольшим уловом. Уху они уже не хотели — на рыбалке была и уха, и к ухе тоже. Бабушка с Полюшкой нажарили рыбку с картошкой, и мы очень душевно посидели. В 10 вечера гэбэшник как штык стоял у окон нашей квартиры. Папа велел Андрею собираться. Тот надел сапоги, походил, дискомфорта не чувствовал, бабушка успокоилась. Андрею захотелось и коробочку отвезти вместе с орденом. Тогда бабуля придумала такой ход: Андрей покупает золотые часики в подарок для своей жены и берёт справку. А их уже уложат в эту коробочку вместе с чеком и справкой из магазина, где они купили аксессуар. Так и сделали: папа с Андреем пошли в ювелирный отдел ГУМа, где им с большим трудом удалось купить изящные часики, получить справку и чек. Только опыт приносит способность управлять эмоциями, и тогда мысль начинает работать как у моей бабушки.

Уже из Франции на имя начальника военной академии пришло благодарственное письмо от французских лётчиков, где перечисляли нескольких педагогов, которые уделили им много внимания, в том числе и папу. Среди всех подписей была и подпись Андрея. Так мои близкие поняли, что он благополучно добрался домой. Связи никакой не было. Но как-то раз на бабушкин день рождения раздался международный звонок. Все обитатели большой коммунальной квартиры напряглись, а бабушка первой подошла к телефону — она как чувствовала, что это ей звонят. Сколько лет она ждала этого звонка. Все в квартире знали, что бабушка — бывшая хозяйка этой большой шикарной квартиры и она принадлежала её родителям-богачам, нас всех недолюбливали, но бабушку уважали. Как она говорила: «Уважают — значит боятся».

— Надюша, с днём рождения, сестрёнка!

— Андрей, это ты?

— Не только я! Ко мне приехали сёстры, мы специально собрались вместе, чтоб тебе дозвониться и хоть голос твой услышать. Только поздравить, понимаешь? Поздравить. Здесь уже знают, что нашлась наша сестра. Мы попытаемся на 30-летие Победы приехать к тебе. Надеюсь, нас пустят в Союз — мы же русские, и хотим просто увидеть свою сестру, которая не захотела покинуть свою родину. Правда, Надюша? — Андрей говорил как понаписанному. Видно, ему сказали, как надо говорить. В те времена прослушивались все телефонные разговоры из-за рубежа.

— Андрей, спасибо. Я поняла, — бабушка вдруг заплакала. — Это ты, это вы? Я не знаю, что сказать... Как? Как? — Бабушка только плакала и слушала своих сестёр. — Я вас жду, поскорее приезжайте, а то умру и не увижу вас.

Мама принесла бабуле стул и воды. Пока бабушка успокаивалась, мама общалась с Андреем и со своими тётушками.

Соседи выглядывали из-за своих дверей, прислушиваясь к разговору.

9 мая 1975 года бабушка ни на секунду не выходила из дому. Она ждала. Папа и мама ушли на военный парад на Красной площади — у папы было приглашение. Николай — на то время ещё мой жених — тоже был в своей военной академии, где ещё учился. Я никуда не пошла, осталась с бабушкой. Полюшки не было — она уже умерла. Целый день мы с бабушкой поочередно срывались на каждый телефонный звонок, открывали всем, даже если звонили не нам. Но она всё равно ждала. Бабушка переживала и всё рассказывала мне про своих маленьких сестёр и родителей. Я это уже знала наизусть, но слушала. Телевизор показывал праздничные торжества, но мы его не слушали, он работал фоном.

— Моя жизнь, Надюша, напоминает толстую книгу с цветными иллюстрациями, практически такую, как из библиотеки моего отца. Когда я начинаю вспоминать, страницы моей жизни тихо шелестят и переворачиваются сами собой, картинки моего прошлого оживают, и я вижу всё так чётко, как будто это только вчера произошло со мной. Я ведь и не старуха совсем, а столько пережила.

Я заварила бабушке чай с травами — пусть попьёт, успокоится.

— Надюша, я за тебя так переживаю. Замуж тебе надо — не девочка уже. Рожать пора. Мама твоя поздно тебя родила. А ты уж когда? Николай твой хороший парень. Но уж очень принципиальный. Почему он не хочет жить с твоими родителями? Или что-то с отцом не поделили?

— Нет, бабуля. С папой они хорошо общаются, но спорят много. Только обещали ему квартиру от части. Получит, а потом, говорит, поженимся. А что я сделаю, бабуля?

— Ты ничего, детка. А я смогу. Я что-то придумала, и никуда твой Николай не денется.

— Что ты придумала, бабушка? — меня раздирало любопытство.

— Потом скажу. Как Андрей с сёстрами уедет — так всё вам расскажу.

Я только хотела сказать, что они даже не приехали, как раздался звонок в дверь: как положено, два коротких и один длинный — для Белогорских. Бабушка встала с дивана и с прямой спиной и гордой походкой пошла по длинному коридору отцовской квартиры.

— Это мои, внучка. Пойдём.

Я бросилась первая Андрею на шею.

— Надюшка, да какая ж ты большая, — сказал Андрей, и мы оба рассмеялись.

А бабушка внимательно вглядывалась в своих сестёр, одна из которых была в инвалидной коляске. Бабушка сразу их узнала. Женщины плакали и смеялись одновременно. На шум вышли жильцы остальных квартир, подходили к бабушке и поздравляли её.

Всё-таки у нас изумительно душевный народ. У наших людей обострённое чувство сострадания. Бабулины сёстры не понимали, кто эти люди, но обнимались и целовались с ними.

Мама с папой пришли позже. И мама прямо с порога, как девчонка, забежала в комнату (она почувствовала, или ей соседи сказали), и опять всё по новой: слёзы, смех, разговоры, разговоры. Пять дней пребывания бабушкиных родных в Москве пролетели быстро. Провожая родственников, бабушка сказала: «Мы, наверное, в этой жизни не увидимся, но я пойду к родителям на небеса и передам от вас привет. Прошу вас, на маминой могиле поместите и папин портрет. Нет у нас его могилы, так пусть хоть на памятнике будут вместе, и поклонитесь от меня».

...Уже в начале двухтысячных я с Лидочкой — моей дочерью — была в Париже у дяди Андрея, и мы пошли на

могилу к бабушкиной маме в Сент-Женевьев-де-Буа. Бабушкину просьбу её сестры и брат выполнили...

После отъезда родных бабушка несколько дней сидела дома, никуда не выходила — у неё была депрессия, как сейчас принято говорить. Потом взяла себя в руки и в один из вечеров позвала нас всех к себе, даже моего жениха Николая. Мы сидели за столом, и тут она подошла к сейфу, достала свои украшения и положила на стол. Несколько мелких вещей — серёжки, колечки, которые Полюшка оставила маме, — она положила обратно.

— Это мелочь, — сказала она. — Из гарнитура, который достался мне по наследству, остались только три вещи, всё остальное, дорогое, распродано. А этим нет цены. Как ты помнишь, Лида, — бабушка обратилась к маме, — на деньги, вырученные от продажи браслета от этого гарнитура, мы купили вашу кооперативную квартиру. Как только я умру, эту комнату отберут (вы прекрасно это понимаете), хоть я и живу здесь с самого рождения. Эти серьги и кольцо Надюша наденет на свою свадьбу, сейчас можно. А колье очень-очень дорогое, ему цены нет. Я хочу продать его и купить загородный дом в Завидово или Переделкино. Это трудно, но возможно. В доме будем жить я с тобой, Лидуша, и твоим мужем. А дети останутся в вашей квартире. Из-за того, что им негде жить, они не могут пожениться, а я хочу увидеть правнуков.

— Мама, да что ты говоришь?! — моя мама недоумённо посмотрела на бабушку. — Ты говоришь нереальные вещи!

— Я знаю, что продать колье будет трудно, и дом купить тоже нереально официально. Для того чтобы приобрести у нас недвижимость, надо проделать многоходовые комбинации, но я найду выход. Мне не впервой, доченька. Я уже старый человек, и ты уже пенсионерка — сразу проводили тебя на пенсию, как срок пришёл. И муж твой. На природе

нам будет всем хорошо. А прямо сейчас я переезжаю жить к вам. Примете? А Надюша с Николаем будут здесь, отдельно от нас, стариков.

На том и порешили.

...Свадьба у нас была красивая, богатая. Родители постарались. Бабушка долго искала покупателя на кольцо — этим занимался сын её старого ювелира (сам ювелир давно умер). Ювелиру бабушка доверяла и рассказала о своих планах, но только через два года появился достойный вариант. Наследница одного русско-советского классика планировала уехать за рубеж и хотела продать дом в Переделкино. Дом хороший, добротный, с громадным участком, вековыми соснами, яблоневым и абрикосовым садом, верандой и цветником. Бабушка сразу влюбилась в этот дом.

Но мы никак не могли продать ожерелье... И тогда ювелир предложил его той самой наследнице. После нескольких экспертиз она поняла, что приобретает настоящее сокровище, которое по цене дороже, чем её дом, и сделка состоялась.

В этом доме и умерла моя бабушка...

Перед смертью мы долго с ней беседовали, я держала её за руку, физически она была истощена, но работа мозга светилась в её задумчивых глазах, в её осторожном взгляде, который она бросала в только ведомые ей дали, в повороте головы, словно она читала мысли, глядя в твои глаза.

И Лидочку, свою правнучку, она успела понянчить. В этом же доме умерли и мои родители, но Лидочкину свадьбу застали, и серьги с кольцом невеста надела на свою свадьбу. Сейчас эти серьги и кольцо моей прабабушки принадлежат моей дочери — той, которая носит её имя. Они в Москве у неё, в сейфе. Эта реликвия нашей семьи останется у неё. Она сказала, что никогда их не продаст. Это вечная память.

Глава 4

...**Я** долго оставалась под впечатлением от Надинаго рассказа. Уже и гости давно разошлись, а мы всё обсуждали с Люсей жизнь этой сильной женщины — Надюшиной бабушки. Сколько таких людей по России, которым революция и война разрушила жизнь, но только смелые воспряли из пепла. Они потерпели поражение, но нашли в себе силы начать сначала.

На следующий день моя подруга уехала. Я же занялась своей писаниной — долго не писала, соскучилась по своим героям. Я уже жила ими, они мне были как родные, беседовала с ними мысленно.

Дней через десять приехал Глеб — мой младший сын, — аккурат к моему дню рождения, дети решили маму одну не оставлять в этот день. Я очень горжусь своими сыновьями. Когда чего-то добиваются твои дети, это гораздо важнее собственных достижений. Через несколько дней мой день рождения, а я не люблю его отмечать. Прибавляются годы мои, и ничего в этом я не вижу хорошего. Жизнь идёт к закату.

— Пойдём, сынок. Посидим вдвоём в ресторане. И всё. Ты же знаешь, как я не люблю эти отмечания.

— Нет. Мы не пойдём, а поедем, и не в ресторан, а в Абрау-Дюрсо. Ты же мечтала попасть в винные погреба этого знаменитого завода.

— Ясно, сынок. Но мне интересно: на чём мы поедем? Твоя машина осталась в Москве.

— Не проблема. Возьму в аренду.

Рано утром, когда я завезла полковнику ключи от дома, чтоб он приглядел за ним, я ему объяснила, что мы на пару дней едем в Абрау-Дюрсо отметить мой день рождения. Что

Глеб уже забронировал на «Вилла Роза» нам места, что один день проведу на легендарном заводе и буду пить своё любимое шампанское. Полковник расстроился, но виду не подал.

— Эллочка, а я думал, что мы вместе отметим ваш день рождения.

— Полковник, миленький, нам, женщинам пенсионного возраста, совсем не хочется афишировать свой возраст и с грустью отмечать прибавленные годы. Это вы, мужчины, всегда женихи, а мы, тётки, — уже старушки.

— Эллочка, да что вы говорите! — совершенно искренне возмутился полковник. — Да вы красotka, молодым ещё фору дадите.

Мне стало приятно, я даже не успела насладиться словами полковника, этим бальзамом на мою грешную душу, как раздался сигнал машины.

— Глеб уже сигналил, побегу я.

— А машина откуда? Глеб из Москвы на машине приехал? — удивился полковник. — Путь ведь неблизкий.

— Нет. В аренду вчера взял. Какую-то крутую.

— Взял бы мою. Зачем деньги платить?

— Ему неудобно было брать у вас. Ничего, он на пять дней взял. Так, полковник, готовьтесь к своему дню рождения. У вас ведь через неделю. Мы с вами оба ни рыба, ни мясо. Мы — Весы, — и сама расхохоталась своей шутке. — Приеду, будем отмечать, назовёте своих друзей, я привезу несколько бутылок настоящего шампанского Абрау-Дюрсо. Вы наловите рыбы. Уверенна, что Надюша испечёт свои знаменитые пироги и Людмила Семёновна приготовит своё фирменное блюдо. С вас только шашлык. Салаты и всё остальное с меня. Гульнём.

Я передала соседу ключи и ценные указания, чмокнула его в щёку и побежала. Полковник от неожиданности так и остался стоять на месте, покраснел как рак. Он не ожидал,

что я его поцелую. Так я ещё могу смущать мужчин, вводить их в краску! Вот это я даю! Красотка каbare. И я засмеялась. Глеб поинтересовался, чему это я так радуюсь. Я рассказала про полковника. С сыном я делюсь часто своими чувствами и переживаниями.

— Так всем давно известно, что полковник в тебя влюблён. Он думает, что у него тайная любовь, а это явно видно. Послушай, мать, он хороший человек. Может, с ним шурымуры закрутишь? Мы уже взрослые с братом, разрешаем тебе. Помнишь, как после папиной смерти мы запрещали тебе с мужчинами даже разговаривать, а если по делу, то с тобой ездили, охраняли. Вот мы дураки были, мелкие балбесы. А почему ты нам даже замечания не делала?

— Ну, сынок, отвечу тебе на твой первый вопрос. Полковник очень хороший человек, очень. Он хороший друг, и только. А как мужчина он мне не нравится. Придёт время, вот родится у меня в декабре первый внук с Божьей помощью, потом ты женишься, и если совсем не состарюсь, то, может, и в моей жизни появится кто-то. А если и не появится, то у меня есть вы — мои самые любимые мужчины в жизни. А на второй вопрос отвечу так: видишь, сынок, вы уже выросли и сами всё поняли. Зачем мне тогда вам надо было всё объяснять, всё равно вы приняли бы мои слова в штыки. Поэтому я вас с собой повсюду возила. Вы охраняли не меня, а память своего отца. Я вами очень горжусь.

В Абрау-Дюрсо мы приехали засветло. Поселились в отеле «Вилла Роза». Номер был шикарный. Я в спальне устроилась, Глеб — в гостиной на диване. Сын на вечер заказал столик в ресторане при отеле. Этот ресторан славится своей великолепной кухней на всём побережье. Пошли прогуляться на набережную посёлка. Глеб на завтра уже заказал четырёхчасовую экскурсию по знаменитому заводу шампанских вин с дегустацией и посещением их фирменного магазина

на закрытой территории завода. Набережная впечатлила. Особенно поющие, танцующие, а потом горящие факелы цветных фонтанов прямо на середине озера, куда можно доплыть на лодочке, что мы и сделали. Успели к заказанному времени в ресторан, где я оторвалась по полной программе, запивая запечённые устрицы розовым шампанским. Кухня была великолепна, обслуживание на высочайшем уровне. Недаром слава об этом ресторане распространилась уже не только по побережью. Экскурсия по заводу меня впечатлила, особенно мне понравилось, как вдруг из бочки появляется голографическое изображение французского винодела-основателя завода и приветствует посетителей. Винные подвалы ещё царских времён, современное производство и даже сырохранилище произвели на меня большое впечатление. Но больше всего мне понравилось, когда на дегустации вин нам, то есть нашей группе из десяти человек, накрыли фуршет из сыров, мясных и рыбных деликатесов, и все стали меня поздравлять. Шампанское лилось рекой. Глеб обо всём позаботился, заранее договорился с администрацией, а они накрыли стол. А мне было очень приятно, когда незнакомые люди тебя так тепло поздравляют. В фирменном магазине завода мы купили несколько бутылок шампанского и вина. Не передать словами моё ощущение полного счастья. На самом заводе связи не было, но для старшего сына я сняла всё на видео. Домой мы приехали уставшие, но счастливые.

На день рождения полковника собрались все свои — тесный круг, с которыми я общаюсь. Людмила и Сергей Золотарёвы, старинные друзья полковника и родители Александра Сергеевича Золотарёва, моего хорошего друга и самого лучшего сыщика России (так я его называю), Надежда и Николай Земцовы — московские друзья моей подруги Люси, которые переехали в Морегорск и с которыми мы

подружились, а особенно полковник с Николаем, просто не разлей вода, они ведь оба бывшие военные. Были и соседи полковника — Армен Арутюнов со своей милой супругой Катюшей. И я с полковником. Женщины пили только шампанское, что я привезла из Абрау-Дюрсо. Для мужчин этот шипучий компот не подходил — они уже у мангала поздравляли полковника холодненькой со слезой водочкой. Самое завораживающее зрелище — это когда смотришь на текущую воду, на огонь или на то, как работает другой человек. Вот почему все мужчины собираются всегда у мангала или костра. Я запекла кефаль по рецепту полковника. Людмила Семёновна принесла прямо в противне своё «пьяное мясо» — просто пальчики оближешь. Надюша же пришла со своими знаменитыми пирогами по рецепту бабушки. Я ещё сделала пару салатов. Полковник замариновал столько мяса, что мы смеялись, не на роту ли он готовил. Армен же готовил «хоровац», я его просто обожаю, Катюша с Людмилой Семёновной тоже. Надюша не знала, что это такое, и сразу стала донимать Катюшу, выпрашивая рецепт. Такой получился замечательный праздник. Новорождённый раскраснелся то ли от водки, то ли от удовольствия. Все стали меня виноватить, что я зажала праздник, а я хохотала и рассказывала им про Абрау-Дюрсо. Все загорелись на следующий год махнуть компашкой туда.

— А может, без женщин поедем в Абрау-Дюрсо? — вдруг, подхихикивая, предложил Сергей Золотарёв.

— Как это без женщин? Ишь чего выдумал? А кто будет шампанское пить розовое? Вы ж его не пьёте, — возмутилась его жена.

— Твоя правда, — согласился с ней муж.

— Нет. Без женщин нельзя, — философски изрёк Николай Земцов. — Женщины как соль: с ними несладко, но без них невкусно.

Все опять расхохотались. Мы в тот вечер столько смеялись, словно предчувствовали беду, которая вдруг внезапно обрушится на весь мир. Враг пришёл, откуда не ждали. Пандемия. Казалось бы, безобидное слово вначале никого не испугало. А потом, когда закрылись некоторые страны, когда стала стонать и плакать Италия и мужественно принимал удары Китай, наша Россия всё-таки решилась на крайние меры. Был объявлен всероссийский карантин. Эпидемия породила множество противоречивых версий, начиная от поедания одним из китайцев летучей мыши и заканчивая самой ужасающей по своей сути: мол, сильные и злобные люди мира сего задумали сократить численность населения. В то же время природа сама на протяжении всей истории человечества находила разные способы проредить его. Москва стала эпицентром распространения эпидемии. Я сразу запаниковала. У меня там дети, сноха должна через пару месяцев родить. Я не знала, какие предпринять меры. Глеб меня успокаивал, говорил, что эта катавасия продлится недолго, максимум месяц. Полковник тоже нервничал — у него дети и внуки в Москве. Хотя его дочь с ним говорила каждый день по телефону, он не мог принять эту ситуацию. Въезд и выезд из нашего города был закрыт. Отдыхающих отправляли по домам по возможности. Но больше всего переживала Надежда Земцова. В Москве у них дочь единственная, и трудится она в пенсионном фонде, который свою деятельность не прекратил, а работал в обычном режиме. Вот она мне и названивала, интересовалась, что и как мне говорит Люся, моя подруга, по поводу работы, так как Лида — дочь Земцовых — была в подчинении у Люси. Я, как могла, успокаивала Лиду, хотя у самой нервы были на пределе, моя семья разделалась пополам: старший сын со снохой в Москве, я с младшим сыном здесь, в Морегорске. Как только случаются

масштабные вспышки смертоносной инфекции, тут же появляются упаднические настроения в обществе. Наша страна не была подготовлена к этой вспышке болезни. Не хватало элементарных средств защиты: масок, перчаток, санитайзеров. Не хватало койко-мест, врачей, лекарств элементарных. В супермаркетах стали разгребать всё, начиная от гречки и заканчивая туалетной бумагой. Я чуть было тоже не поддалась этой панике, но меня остановил Глеб. Где-то он достал маски, вручил мне и полковнику. Взял с нас слово, что мы ни с кем не будем общаться, только между собой, а иначе он запретит мне вообще с кем-либо говорить, так как я в группе риска — диабет. Полковник дал Глебу свою машину, и сын ездил за продуктами и для нас, и для полковника, и в аптеку за лекарствами, и даже к моему эндокринологу за рецептами. С друзьями мы говорили по телефону.

Эпидемия вируса взбудоражила всё и вся. Оказавшись наедине с самим собой, люди начали задавать вопросы о смысле жизни, о том, что является настоящими ценностями, кто настоящие герои и кого мы должны ценить и благодарить. Это всё с поразительной остротой понимаешь в период самоизоляции. Мы увидели, что именно врачи, медработники, волонтеры, доставщики и много ещё других людей, простых людей, способны на самопожертвование. Самоизоляция — очень странное слово, не поддающееся уразумению. Легче сказать «карантин», но наше правительство этого слова испугалось. Карантин требует определённых действий со стороны правительства, и эти действия выражаются в денежном эквиваленте. Так вот, мы сидели на карантине. У каждого возраста свои запросы в такой ситуации. Мой Глеб работал на удалёнке, созванивался с Москвой и мог часами обсуждать со своим братом рабочие моменты

и много чего ещё другого. Иногда я с ним прогуливалась по побережью, иногда с полковником. В наш дом был вхож только полковник, и то Глеб с него взял честное слово, что он ни с кем не будет контактировать. Полковник своё слово держал. Со своими друзьями Сергеем Золотарёвым и Николаем Земцовым он разговаривал по телефону, я с их жёнами тоже по телефону. Телевизор пугал нас, шли сводки о количестве умерших и больных со всего мира, цифры были ужасающие, напоминали фронтовые сводки. Вечерами полковник приходил к нам, я готовила вкусный ужин, мы ели и обсуждали, потом играли в карты, иногда к нам присоединялся Глеб. Днём я писала, а полковник ловил рыбу. Говорят, что время, проведённое с удочкой, в общий стаж жизни не засчитывается. В таком случае полковник бессмертен — он заядлый рыбак.

— Не поверите, Эллочка, но рыбы так много, у неё никакой самоизоляции нет, — юморил полковник.

— Наверное, рыбаков стало поменьше, — предположила я.

— Да, есть такое, — кивнул сосед головой. — Я ведёрко рыбки оставил в прихожей, во дворе не стал — кошки набегут ещё.

— Полковник, закармлили вы меня рыбкой. Может, посолили бы?

— Я уже столько посолил, нам с вами хватит надолго, да ещё детям в Москву отправим. Эту пожарьте, поедим, да и Глеб ваш любит свеженькую.

— Попрошу его, может, завтра на огне сделает, он любит как барбекю.

— Отлично, Эллочка, завтра и поедим. И винца принесу. Ещё немного осталось у меня.

— Ой, полковник, как хорошо, что мы соседи, а то иначе как перенесли бы эту чёртову самоизоляцию.

— Хорошо, у нас пока спокойно. Хотя я в это не верю. Это затишье перед бурей, — полковник нахмурился, и он был прав.

Через неделю у нас в городе появились устрашающие цифры, вдруг больных оказалось несколько десятков, потом счёт пошёл на сотни, потом пошли смертельные случаи. И всё это устроила одна женщина, причём врач, которая инкогнито отдыхала в Италии, приехала оттуда через Москву, не соблюла как положено две недели карантина. Вышла на работу, заразила коллег и своих без того больных пациентов, и пошла цепочка заразившихся. Врач оказалась нулевым пациентом у нас в Морегорске. Город охватила паника. Глеб категорически запретил мне выходить из дома, такие же условия поставил полковнику, если он хочет общаться со мной. Всё, что было необходимо, Глеб покупал нам сам, при этом соблюдал все меры предосторожности. Смешно, когда люди ропщут на самоизоляцию. Ведь они дома, сыты, в тепле, вместе со своими близкими. Надо просто потерпеть немного, и это совершенно несложно в нынешних условиях. Происходящее — повод остановиться и подумать о жизни, проанализировать. Единственное, что меня мучило, — это то, что мой старший сын с женой далеко от меня, а ещё и снохе через два месяца рожать. Мы ждали мальчика. Я надеялась, что до родов успею прилететь в Москву, что всё наладится, вирус исчезнет, эпидемия пройдёт. Я хотела верить в сказки...

Многие люди из этой пандемии выйдут более организованными. Но те, которые живут как сорняк, так и будут продолжать существовать, а на думающих людей такой образ жизни окажет положительное влияние.

Как гром среди ясного неба грянул звонок Надежды Земцовой. Я еле уловила смысл её слов, она всхлипывала, что-то неясно говорила. Когда же я наконец поняла, что про-

изошло, то сразу перезвонила своей подруге, а она в свою очередь Лиде Земцовой, своей подчинённой. Потом я подключила полковника, а он Сергея Золотарёва. А всё дело в том, что несколькими днями ранее Николай Земцов пошёл в поликлинику к своему эндокринологу за рецептом на инсулин, а оттуда в аптеку за лекарством. Через пару дней он слёг с небольшой температурой, теперь занимается самолечением и категорически против вызова врачей — боится, что его заберут в больницу и там он в самом деле заболеет той самой страшной болезнью. А то, что он уже болеет, Земцов исключает. К вечеру снова раздался звонок.

— Эллочка, спасибо вам большое, — звонила Надя Земцова.

— За что, Надюша?

— Это же благодаря вам Лидочка узнала, то отец приболел.

— В общем-то, да, — стала оправдываться я. — Я общилась Люсе, а она вашей дочери. Надо, чтоб Лида знала правду и уговорила отца вызвать врачей. Неизвестно, чем это грозит ему. Вы уж извините, может, мне не надо было вмешиваться. Но он в группе риска.

— Что вы, Элла, я наоборот хочу вас поблагодарить.

— Вызвали врача?

— Да. Завтра придёт участковый.

— Хорошо. Держите меня в курсе.

Позвонила полковнику, рассказала ему всё о Николае. Сосед не преминул сам явиться, чтоб услышать всё из первых уст, то бишь от меня. Я пересказала всё в лицах. От и до.

На следующий день ближе к вечеру перезвонила Надежда, сообщила, что приходил участковый терапевт, послушал Николая, качал головой и ругался, что не вызвали врача сразу, что-то пробурчал про одностороннюю пневмонию, вызвал машину скорой помощи, и Николая увезли в инфекционную

больницу. Посещения запрещены, и она не знает, как быть. Без Николая она была как без воздуха, как будто ей закрыли доступ кислорода, так он ей был нужен. Я её еле успокоила.

— Надюша, раз он с вами общается по телефону, то это не страшный вирус. Поколят антибиотиками и выпустят. У вас не взяли мазки на вирус?

— Нет, не взяли. И у Николая не взяли. Не переживайте.

Но Надя ошибалась, вернее, не знала, что у мужа взяли мазки и отправили аж в Новосибирск на анализ — у нас ещё не могли определять этот смертельный вирус. Лида хотела прилететь, но наш город закрыли. Девушка переживала за родителей.

— Лидочка, не переживай так. Папа скоро выздоровеет, вернётся домой, и мама успокоится. Как у мамы с продуктами? Ведь в магазины и аптеки ходил папа.

— Ой, Элла, мама ведь гипертоник и сердечница. Лекарств у неё ещё на месяц. А за продуктами ходит Рома.

— Что за Рома, Лида, ты его знаешь?

— Это мой бывший муж. Он уже третий год в сезон работает спасателем в Морегорске. Сейчас из-за эпидемии застрял. Живут с напарником прямо там, в пансионате. Он маме покупает продукты, я ему деньги отправляю. Он в хороших отношениях с родителями, и я тоже с ним не враждую, слава Богу. Мы ведь однокурсники были. Не сложилось, и дети не родились, вот и разошлись.

— Не переживай, Лида. Я буду маме звонить, и пусть она мне звонит.

Неизвестность о Николае Земцове всех нас пугала. Он уже не отвечал на звонки сам, только медсестра брала его трубку и сообщала информацию, много не распространяясь. В инфекционное отделение звонили мы все, но членораздельного ответа так никто из нас не услышал. Тогда Людмила Семёновна попросила своего сына, майора Золотарёва,

всё выяснить. Вот от него-то мы и узнали об отправленных анализах в лабораторию «Вектор». Сказали ждать, вот мы и ждали. Изменений никаких не было. А время существует благодаря изменениям. А когда ничего не происходит, то оно будто застывает. Так и для Нади время остановилось. Только через неделю майору позвонили и сообщили, что у Земцова этот смертельный вирус, что у него тяжёлое состояние, усугублённое диабетом, что они его лечат согласно протоколу, но ещё не существует лекарств, способных справиться с этим недугом, но врачи прилагают все усилия. Надо ждать. Как об этом сообщить Надежде, мы и не знали. Но она позвонила мне сама.

— Элла, знаете, сегодня ко мне приходило двое медработников, все экипированные, и взяли у меня мазок из гортани. Говорят, что анализ на вирус. Больше ничего. Про Николая молчат. Не знаю, что и делать.

— Знаете что, Надюша, позвоните сами лечащему врачу или даже главному, всё узнайте, и почему к вам пришли анализ брать тоже. Обязательно дозвонитесь.

Я решила, что Наде необходимо всё узнать, но только от врачей, пусть они ей расскажут про болезнь мужа. Нас всех охватил вирус страха, я перезванивалась с подругами, мужчины говорили между собой, обсуждали сложившуюся ситуацию.

Конечно, я старалась не паниковать, но на всех накатила депрессия, и приступы этой болезни отчаяния были не только у взрослых людей — многие из молодёжи растерялись, в стране участились суицидальные случаи. Да ещё и средства массовой информации нагнетали обстановку. Эпидемия — это общая беда, без границ и национальностей, без пола и возраста.

И вот один из нас заболел. Что делать в таком случае?.. Мы не знали, нас пугала неизвестность. Оставалось только

ждать. Наша планета тоже как будто взбесилась: катастрофы, цунами, наводнения и засухи, землетрясения и извержения вулканов, озоновые дыры и ещё много того, чего мы не могли даже представить. У нас на побережье и того хуже — на берег выбросилось много дельфинов. Что с ними произошло — никто не знал. Экологи забили тревогу. Народ вышел спасать этих прекрасных животных. Многих спасли, но большинство погибло. На побережье в районе нашего посёлка тоже выбросились дельфины, мужчины тут же бросились их спасать, дети смотрели с балконов и плакали. Глеб мне не разрешил выйти, но вместе с мужчинами волок животных в воду, поливал их на берегу — переживал мой сын за этих благородных существ.

А вчера звонила моя подруга и одноклассница Наиля из Пятигорска. Их город кошмарит. За десять дней сменился третий мэр, объявлен строжайший карантин, город оцеплен войсками Росгвардии и омовцами, поставлены блокпосты, впускают только по пропускам, вокруг вырыли рвы, чтоб по просёлочным дорогам вдруг никто не проехал. И всё это делается под видом эпидемии. Ради денег готовые на всё чиновники этого курортного города сделали своих жителей заложниками обстоятельств. Наиля нервничает, вещевой рынок закрыли, работы у неё нет, муж болеет. Выплаты на внуков не выдают, пенсия у них мизерная. Я её прекрасно понимаю. Наиля не тот человек, который привык жаловаться на жизнь, она оптимистка, весёлый и добрый человек. Но и её прорвало. Я не знала, чем ей помочь. Потом она обсудила с Глебом рабочие вопросы, тот помог ей создать интернет-магазин, чтоб она вела онлайн-торговлю. Поговорили, пожаловались и успокоились. Как могла, утешила свою подругу.

Часто звонит Карина, она в Анапе с Валерой, но её мама в Москве, живёт в соседнем доме с моим старшим сыном

и снохой. Ой, как же я за неё переживаю! Ей осталось совсем немного до родов, первый ребёнок. Карина меня успокоила:

— Элка, не нервничай, мама ведь медсестра в прошлом.

— Но когда это было? И потом, она взрослый человек, ей трудно будет туда-сюда ходить.

— Ну, во-первых, она живчик у меня, моих внучек подняла. Всё она делала, ты же знаешь, какая у меня сноха клуша. А во-вторых, если ты забыла, то мама — детская медсестра.

— Я постараюсь вылететь к родам, но боюсь, что дороги не откроют. Моя сноха, конечно, сама с высшим медицинским образованием, ты же сама знаешь, Карина, но молодая ещё. Очень переживаю.

— Не переживай. В случае чего — мама сама поживёт у вас. Твоя комната свободна, а она и так мечтает куда-нибудь уйти из дома. Тесно у нас очень.

— Это точно. Маленькая у вас квартирка.

— Ничего, Элка, после этих дурацких эпидемий заберу маму к нам в Анапу. Здесь ей будет раздолье. Ты знаешь, на днях у нас такой град был — с куриное яйцо, честное слово. Всё побило. Валера даже сфоткал, сейчас тебе отправлю. Своему полковнику покажи. Кстати, как он там?

— Да ничего. На рыбалку ходит. Столько рыбы натаскал — жуть. Посолила и на твою долю тоже.

Поговорили с Кариной, попредостерегали друг друга от лишних контактов, поугovarивали друг друга носить маски и перчатки — в общем, женская трепня. Все мы ждали чего-то — то ли окончания эпидемии, то ли второй волны пандемии. Весь мир был в ужасе. Родственники за границей вообще вели себя неадекватно, боялись всего на свете. Всё-таки россияне — железобетонный народ. Ничем нас не возьмёшь, юмор зашкаливал у всех в период первой волны пандемии.

Глава 5

Раздался звонок, резкий, пронзительный. Мелодия на всех абонентов у меня стояла одна. Но почему-то этот звонок мне показался тревожным. И я не ошиблась. Звонила Лида Земцова.

— Да, Лидочка! Как дела? Что это ты с утра звонишь? Что-то случилось?

— Здравствуйте, Элла Глебовна! Не переживайте. Всё нормально. Только что говорила с лечащим врачом отца, у него всё в норме, идёт положительная динамика. По-прежнему к нему никого не пускают, — предугадала мой следующий вопрос Лида и сразу дала на него ответ. Девушка она умная, Люся права.

— А что тебя беспокоит, Лида?

— Элла Глебовна, я никак не могу дозвониться до мамы. Она говорила, что вчера вечером должен был быть ответ на её анализ и участковый врач обещал после работы зайти и принести ей результаты. Но вечером она не ответила на мой звонок. Правда, признаюсь, я звонила очень поздно. Мы на работе сидим до двенадцати ночи. Готовим дела на выплаты пособий на детей в связи с вирусом. Ежедневно поступает множество заявлений. Вымоталась.

— Знаю, милая. Люся мне говорила. Голову поднять некогда. У вас большая загруженность.

— Было поздно, я решила, что она уже спит. Утром позвонила несколько раз, она не берёт трубку.

— Не переживай, Лида, — признаюсь, я обеспокоилась, — я тоже с ней говорила вчера. Она ждала результата анализа.

— Я позвонила Роме, своему бывшему, он пару раз в неделю покупает маме продукты и всё, что необходимо. Но он

её не видел уже два дня. Сегодня вечером собирался с ней связаться. Узнать, что ей надо, — Лидин голос немного дрожал, как будто она приготовилась расплакаться.

Я, как могла, успокоила девушку и пообещала, что всё разуюзнаю и сообщу ей.

Попросила Глеба съездить к ним со мной. Он меня брать с собой отказался. Адрес я не знала, но помнила визуальное. Тогда сын попросил меня умерить свой пыл минут на пятнадцать и ушёл куда-то, вернулся он уже вдвоём с полковником. Успокоили меня и поехали к Земцовым на полковничьей машине. Я им вслед кричала, чтоб они соблюдали дистанцию, надели маски и много чего ещё другого, что якобы убержёт от вируса.

Через полчаса я названивала сыну.

— Я тебе перезвоню, мама.

У полковника было занято. С кем это он разговаривает, мой ухажёр? Может, женщину какую нашёл?..

Полковник перезвонил сам, говорил нарочито спокойно:

— Эллочка, я вам попозже перезвоню. У меня тут заминка небольшая.

— С машиной что-то?

— Да, — обрадовался полковник, — с машиной.

Я и призадумалась: чего это он радуется? Обычно он ходит мрачнее тучи, когда его ласточка ломается. Опять мужские игры... что малый, что старый. Наверное, свернули куда-то, до Земцовых не доехали ещё. Я возилась на кухне — думаю, приедут мужчины, побалую их вкусным обедом, да и время обеденное приближалось, — когда раздался звонок.

«Наконец-то, — подумала я, — разродились. Кто-то из мужиков звонит. Их только за смертью посылать».

Но это звонила Золотарёва Людмила Семёновна.

— Эллочка, Эллочка, какое горе! Как же так?!

— Что?! Что?! — больше я ничего не могла выговорить, медленно присев на край стула. — Что с Глебом? — у меня в голове был только мой сын.

— Нет, нет, милая, с вашим сыном всё в порядке, — Людмила Семёновна поняла, что напугала меня.

— С полковником? Они попали в аварию? Поэтому мне не звонят? Где они? Говорите же!

— Так они вам не звонили?

— Нет.

— С ними всё в порядке, клянусь вам Серёженькиным здоровьем. Они живы и здоровы.

Я выдохнула и расплакалась. Я не вслушивалась в то, что говорила Золотарёва, поставила на громкую связь, накапала корвалолола, а Людмила Семёновна всё что-то рассказывала. Я, конечно же, кое-что поняла, но слушала плохо. Мне хотелось лечь и перезвонить Глебу. Я дала отбой, набрала номер сына, услышала его голос. Выключила все конфорки и прилегла на диване в гостиной. Там меня и застали мужчины.

— Мама, тебе плохо?! — Глеб бросился ко мне.

— Конечно. Золотарёва напугала меня до смерти. Полковник, ладно Глеб мальчишка, но вы же взрослый человек, военный, неужели нельзя было мне позвонить? — я так глянула на соседа, что тот съёжился под моим взглядом.

— Мы не хотели вас пугать, Эллочка, — растерянный полковник не знал, как оправдаться.

— Я уже не маленькая девочка. Много смертей близких мне людей видела. Если умерла Надюша Земцова — это горе. Но это известие я бы выдержала. Я чуть на тот свет не отправилась, когда после слов Людмилы Семёновны подумала, что вы в ДТП попали.

— Умерла? — Глеб удивлённо посмотрел на меня. — Ты ничего не знаешь?

— Глеб, — полковник прервал сына, — сейчас всё сам расскажу твоей маме. Водички принеси, пожалуйста.

И вот что поведал мне полковник. Когда они подъехали к дому Земцовых, во дворе стояла машина скорой помощи и милицейский уазик. Из дома выносили труп в чёрном мешке и погрузили в машину скорой помощи. Оказалось, это труп Надюши Земцовой — так сказал им фельдшер, — и её везли на вскрытие. Их завели в дом, всё расспросили. Полковник рассказал, что знал. В доме уже работала следственная группа и находился участковый врач. Всё было перевёрнуто вверх дном. Так как у моих мужчин не было местной прописки, их отвезли в отдел и сказали, что задержат на сутки до выяснения личности. И Глеб, и полковник предъявляли им права на вождения автомобиля, однако местных полицейских это не устраивало. Тогда полковник сказал, что можно съездить домой за паспортами, но на них махнули рукой. А после того как Глеб начал качать права, а полковник орать на них матом, вообще пообещали, что закроют в обезьяннике. Правда, какое они имеют право задерживать людей, если их опросили и те рассказали, почему приехали к Земцовым? Неужели преступники взяли и снова вернулись на место преступления, что-то позабыв? Глупости, конечно. Но что поделаешь? И полицейские бывают разные. Потом полковник догадался, что надо связаться с майором Золотарёвым. Александр Сергеевич трубку не брал. Тогда полковник позвонил своему другу — отцу майора Сергею Золотарёву. Оказывается, в связи с пандемией майор живёт отдельно в своей квартире, дабы не заразить родителей и сына. И сейчас он спит после ночного происшествия, которое произошло в соседней станице. Это ему жена рассказала — она всё время на связи с сыном: он проводной телефон держит возле себя. Минут через сорок в отделе появился майор. Надежда Земцова не умерла насильственной

смертью, у неё случился обширный инфаркт. Ей вовремя не оказали помощь, и она скончалась. Произошло это ночью. Смерть её наступила в час ночи. Утром её обнаружил участковый врач, который пришёл сообщить радостную новость: у Надежды не диагностировали смертельный вирус. Но участковому никто не ответил по домофону. Врач знал наверняка, что Надежда самоизолировалась и дом не покидает. Прислонившись к калитке, он хотел достать из портфеля телефон, чтоб позвонить Земцовой, когда калитка сама открылась. «Какая умница, эта Земцова, — держит калитку открытой, чтоб к ней могли зайти врачи или волонтеры», — подумал врач. Зайдя в дом, участковый несколько раз окликнул свою подопечную, потом прошёл в гостиную и ахнул: в комнате царил хаос, всё было разгромлено. А Надежда полулежала на диване со связанными руками и ногами, а во рту был кляп из старого кухонного полотенца. Она была мертва. Надежда — добрая женщина с большим сердцем, вокруг неё было всегда много людей, за которых она беспокоилась. Сердце разорвалось — там уже стало тесно. И кто эти преступники, грабители, которые, пусть не своими руками, но своими действиями, убили эту добрую женщину? Не все люди вписываются в рамки закона, если хотят реализовать свои желания, но не таким же варварским способом!

— Как же так, как же так? — разревелась я. — За что это? Как я Лидочке скажу, даже не знаю.

— Ей уже сказали, — у полковника были влажные глаза. — Она всё трезвонила, когда там полицейские были, они ей и сообщили без церемоний.

— Бедная Лидочка, какое горе! Вот почему она мне не звонит. Надо с Люсей связаться. А как Николаю об этом сказать? — и опять у меня слёзы потекли ручьём. Мне искренне стало жаль и Николая, и Лидочку...

А Надежда — дочь умных родителей, чей отец, героический лётчик, защищал нашу Родину, мать выучила несколько поколений советских детей, многие из которых до сих пор чтят её память, внучка благородной бабушки-дворянки и деда, репрессированного только потому, что он немец, несмотря на то что его предки переселились при царице Екатерине Второй и принесли много пользы Российской империи, правнучка человека, который верой и правдой служил во благо своего Отечества и был застрелен каким-то идейным красноармейцем, чья прабабушка, спасая своих детей, уехала во Францию и умерла там, всю жизнь горюя по России и своей оставшейся там дочери, — эта Надежда, отрада своих родителей, любовь своего мужа и опора своей дочери, умерла в своём же доме, связанная по рукам и ногам. И кто это сделал, никто не знал, это ещё предстояло выяснить.

— Люся, Люся, я не могу ничего сказать Лидочке. Как она? — я звонила подружке в Москву.

— Плохо. Когда ей перезвонили, она была на работе. Не поверила. Думала, это дурацкий розыгрыш. Потом твой полковник подтвердил, вроде бы они с Глебом были там. Девочки с её отдела прибежали мне сказали. Я уже хотела сама тебе звонить... Не знаю, как и быть. Девочка совсем никакая.

— Ей необходимо сюда прилететь. Мать хоронить надо. Мы тут между собой посовещались. Николаю ничего говорить не будем пока — он и так еле дышит. Отправь Лиду.

— Мы уже взяли билет на завтра на утренний рейс. У неё есть справка, что анализ на вирус отрицательный, правда, недельной давности. У нас на службе раз в десять дней берут анализ, ведь мы работаем во время эпидемии. Летит она одна, я сама её отвезу в аэропорт. Вы встретите её?

— Да. Конечно. Глеб встретит. Вот и полковник говорит, что вместе с Глебом поедет в аэропорт. В доме у них разгром,

во всех комнатах, даже на кухне, в ванной, как будто что-то искали. Там до сих пор менты. Она у меня останется до похорон. Потом вызовем клининговую компанию, уберут всё.

— Элла, найдут этих отморожков, как ты думаешь?

— Найдут, Люся. Я тут слёзно просила нашего майора, его мама, мужчины наши, чтоб дело взял себе. Он сказал, что переговорит с начальством и заберёт дело в свой в следственный комитет. По их полицейским меркам, это дело не для следственного комитета, а для районного отделения. Но естьотягчающие обстоятельства. Думаю, что наш «Пушкин» — Александр Сергеевич — возьмётся за это дело. Слёзы своей матери он не выдержит и сдастся.

— Ой, Элла, какая страшная вещь — смерть! Неважно, чем ты занимаешься, сколько у тебя денег, — всё равно умрёшь. А мы суетимся, нервничаем, какие-то планы строим.

— Но не так же ужасно умереть, как бедная Надюша! Лучше от старости, в своей постели, в окружении детей и внуков.

— Элла, Надя же не умерла от насильственной смерти! Лиде сказали, что остановка сердца.

— Да, участковый врач, когда её увидел, так и решил. Но вскрытия ещё не делали. Ждут Лиду. Николая никто не тревожит. Он ещё не в том состоянии. Но умереть на собственном диване, связанной по рукам и ногам, с кляпом во рту — это ужасно.

— Представляю, что она перенесла. От страха, наверное, умерла. Элка, береги себя.

— И ты себя, Люся. Жду завтра твоего звонка, как проводишь Лиду.

Горько сознавать, что уже нет на этой земле человека, с которым ты подружилась, делилась своими мыслями и даже ждала советов. Женщина, которая тебя любила и уважала,

стала подругой, больше не позвонит и не поддержит тебя словечком, интонацией, не подарит тепло своего сердца.

На Лиду смотреть было страшно. Она вся почернела и осунулась. Не плакала, но и говорила с трудом. Я еле-еле заставила её выпить стакан чаю. Потом позвонил следователь и сказал, что выслал за ней машину. Лиде предстояло поехать в морг на опознание, а оттуда домой, дом был опечатан. Полковник вызвался сопровождать Лиду.

На следующий день предстояло вскрытие, на которое Лида дала разрешение. Ей разрешили похоронить мать по божеским законам, так как у Надежды не обнаружили смертельного вируса и справка была предоставлена, но на прощании не должно было быть больше десяти человек. Глеб и Лида ездили по ритуальным конторам, они, как ни странно, работали. Но зато не работала ни одна клининговая компания, а дом надо было привести в порядок, так как священник именно домой придёт отпевать покойницу — церкви тоже были закрыты. Как всегда, наша палочка-выручалочка Людмила Семёновна помогла и здесь. Она через знакомых нашла семейную пару, которая взялась за уборку дома. Лида и Глеб были постоянно там. Глеб контролировал неизвестных людей: как он выражался, во всём нужен контроль. Лида собирала личные вещи. В доме было перевернуто всё вверх дном, даже нижнее бельё и документы, крупы и порошки — как будто смерч пронёсся по дому.

— Я не пойму, что они искали, Глеб? — Лида обращалась к моему сыну как к единственному человеку, близкому ей по духу, они были люди одного поколения — Лида была всего на несколько лет старше Глеба. — У родителей ничего ценного не было и никаких секретных документов. Что им надо было?

Вопросы Лиды так и оставались риторическими — Глеб на них ответа не знал, как и мы все.

Конец октября у нас на юге России — прекрасная пора: не все деревья ещё сбросили свои багряные и золотые наряды, море ещё не штормит во всю свою силу, некоторые смельчаки даже купаются. Но в этот день на город надвинулись чёрные тучи. Порывы ветра качали кроны старых платанов, ветер как будто нервничал и плакал, завывая. На город обрушился ливень. Мы были в это время в доме у Нади Земцовой, ждали, пока её привезут из морга, и приезда батюшки. Глеб стал звонить на кладбище, чтоб смотритель предупредил рабочих, что надо накрыть щитами могилу. Лида стала рыдать пуще прежнего.

— Не плачь, детка, — успокаивала её Людмила Семёновна. — Видишь, как небесные ангелы плачут над твоей мамой, они тоже жалеют, что её земной путь закончился так рано.

Мы троём — я, Лидочка и Людмила Семёновна — сидели на том же злосчастном диване, где провела последние минуты своей жизни Надюша. Наши мужчины стояли во дворе под навесом, курили. Даже десять человек нас не набралось.

Ливень закончился так же быстро, как и начался. Яркое солнышко ударило в окна всей своей мощью.

Размашистым шагом и с песнопением вошёл батюшка, и одновременно внесли гроб с покойницей. На кладбище уже к нам присоединился и майор Золотарёв. Бывший муж Лидочки — Роман — стоял поодаль (полковник его тоже позвал на поминки). Людмила Семёновна всё устроила как положено по обычаю. Проводили мы в вечный путь Надежду Земцову достойно. Когда мы с Людмилой Семёновной стали убирать со стола, майор жестом приказал нам сесть. От неожиданности мы снова устроились по бокам от Лидочки — она себя плохо чувствовала, и мы её подстраховывали.

— Мама, Элла Глебовна, сядьте на минутку, я должен вам что-то сказать. Здесь все свои, кроме этого молодого человека, — майор посмотрел на Романа.

— Это Рома, мой однокурсник и бывший муж, — тихо произнесла Лида. — Ему можно доверять.

— Ясно, — майор сделал паузу. — Хочу вам сказать, что это дело перешло ко мне в руки, но не потому что я упрямил начальника следственного комитета, а потому что сегодня рано утром произошёл аналогичный случай у нас в городе, но там женщина была убита. Насильственная смерть приотягчающих обстоятельствах. И оба дела передали моей группе. Это вопиющий случай, начальство боится паники, одной пандемии хватает, и потому прошу никому ничего не говорить. Завтра всех жду в это же время в этом доме. Всех, чтоб вас не таскать по одному в отдел. Ясно?

— Мы должны все здесь быть, сын? — Сергей Земцов обратился к майору.

— Да, папа. Все. И вы, Роман. Где вы проживаете в Морегорске?

— В небольшой комнатке при пансионате, где работаю спасателем. На их пляже, — Рома был растерянный, покраснел.

— Один?

— Нет. С напарником. Я всё следователю рассказал.

— Ясно, — майор встал. — Сегодня оставайтесь ночевать здесь и до завтрашнего дня никуда не уходите.

Когда шестерёнки в голове нашего майора закончат рабочий цикл, мозг сразу выдаст свежее решение.

Рома вопросительно посмотрел на Лиду. Зная их не очень дружественные отношения, я сразу сообщила:

— Лидочка сегодня ночует у меня, и вещи её там. Пусть спит у нас сколько ей угодно.

Лида облегчённо вздохнула. Мысль о том, чтоб ночевать в родительском доме одной, её мучила.

На следующий день Лида решила опять поехать на кладбище, а оттуда в родительский дом. Мы пообещали майору, что соберёмся все вместе, и это было в наших интересах, чтоб не идти в отдел полиции.

— Лида, я тебя одну не отпущу, — решительно сказала я. — Ты себя видела? Бледная, как тень, под глазами круги, и еле ходишь, как пылинка стала. Нет, я поеду с тобой к Надюше, вместе поплачем.

— Эллочка, я не хочу вас беспокоить, и так доставила вам массу хлопот.

— Перестань, не болтай глупости. Твоя мамочка была мне очень дорога. А ты и моя Люся — хорошие подруги, хоть ты и молодая, да и Люся тебя очень любит и хвалит. Так что поедем все вместе. И полковнику, и Глебу тоже надо быть на встрече. Они отвезут нас на кладбище, а оттуда отправимся к вам домой. Надеюсь, что там уже всё привели в порядок.

— Ромка ответственный очень, хоть и немного беспринципный, проконтролирует всё. Мои родители его очень любят. Вернее, мама любила.

И Лида опять всплакнула. Я, чтоб девушку отвлечь, стала задавать ей вопросы:

— А как вы с Ромой познакомились?

— Мы с ним на одном курсе в универе учились.

— И сразу влюбились?

— Нет. Совсем нет. Просто дружили целой компанией. Он из Подмосковья, жил в общежитии, и девчонки наши там жили некоторые, а мы, москвичи, к ним бегали. Там было весело, интересно.

— А как поженились-то?

— Сейчас я и не пойму, зачем за него замуж пошла. И, похожему, он не понимает, зачем женился. Говорит, что любил меня. А мне кажется, чтоб в Москве остаться. Факт

остаётся фактом. На пятом курсе мы решили пожениться. Моим родителям он нравился, и семья у него хорошая — спокойные работающие люди. Мама — медсестра, папа — водитель, ещё бабушка с ними живёт и младший брат, и все в двухкомнатной хрущёвке. Ромка сам поступил в универ, да ещё на бюджет. Голова у него хорошо работает. Этим он и подкупил моего отца.

— А развелись почему? — я донимала Лидочку своими вопросами, отвлекая от горестных мыслей. Так, за разговорами, она незаметно для себя заодно и позавтракала вместе со мной — со вчерашних поминок у неё во рту маковой росинки не было.

— Ой, Эллочка Глебовна, где-то я вычитала, что в семейной жизни надо придерживаться правила трёх У: уступай, уважай, удерживай. Золотое правило. Я Ромку только уважала за его светлую голову. Но денег его голова не приносила, нас содержали мои родители. Вечно его тянуло в какие-то походы: то в горы, то на байдарках, то в море. Я его и не удерживала. Детей не было, Бог не давал — видимо, так решил, — а я и не пыталась с Ромой их и заводить. Не хотела, не представляла отцом своих детей. Прожили пять лет и расстались тихо-мирно. Иногда Всевышний убирает человека из твоей жизни для твоей же защиты.

— Мама переживала, что детей у тебя нет. Женщине для того, чтобы стать матерью, маленький отрезок времени отпущен, а без детей она — пустоцвет.

— Я это понимаю, обещала родителям, что обязательно найду мужчину своей мечты и подарю им внука. Бедная мама, так и не увидела этого, — и Лида опять расплакалась.

— Всё-всё, Лидочка. Сейчас полковник придёт, и поедем на кладбище. Иди умывайся, и будем отправляться.

К Земцовым мы приехали вовремя. Золотарёвы уже были там. Людмила Семёновна с Ромой организовали чайный

стол. Пока мы все усаживались, окликаая друг друга, подъехал и майор со своим вечным оруженосцем и помощником лейтенантом Кузнецовым.

— Как вы понимаете, — начал издалека майор, — вирус у нас надолго, и уходить никуда не собирается. Из больших городов он перекочевал в глубинку. И у нас много больных. Пример тому — Земцов Николай. Здесь собрались все те, кого я давно знаю и уважаю, за исключением двоих — вас, Лидия, и вас, Роман. Не хочу подвергать никого опасности и приглашать всех в отдел, потому проведу опрос здесь, — майор внимательно посмотрел на Романа. — Заметьте: опрос, а не допрос.

— Конечно, Саша, спрашивай. Мы расскажем всё, что знаем, — полковник нервничал — смерть Надежды выбила его из колеи.

Он очень крепко подружился с Николаем Земцовым, потому переживал за него и понимал его как никто другой. Ведь полковник когда-то сам потерял жену, он знает, какое это испытание — смерть любимого человека, — и до сих пор не может принять эту чудовищную вещь. Потерять жену, мать своих детей, боевую подругу, которая прошла с ним огонь, воду и медные трубы, ту единственную женщину, которая принимала его таким, каким он являлся, со всеми недостатками и слабостями... Надежда тоже была такой женой для Николая. Хорошо, дочка будет рядом. Лида молчит о своём отъезде. Планирует на сороковины поставить матери памятник и надеется, что к тому времени Николая выпишут из больницы. Врачи обещали. Состояние у него стабильно тяжёлое, но он идёт на поправку, трудно, мелкими шажками, но пытается выкарабкаться из цепких лап вируса-убийцы. В Николае есть что-то нерушимое. То, что помогает ему выстоять, выжить и победить.

Мои горестные мысли нарушил голос майора.

— Элла Глебовна, насколько я знаю, вы первая из всей вашей компании познакомились с Земцовыми. Расскажите, как и где? И что знаете об их круге знакомств здесь?

Я рассказала всё, что знала. Полковник тоже рассказал то, что интересовало майора. Золотарёвы, родители майора, тоже вкратце поведали ему всё, что знали. С возрастом у людей сужается круг знакомств. Уже и не хочется шапочного знакомства, новых друзей, общения с теми, кто тебе не нравится, но жизнь заставляет. Всё это отходит на второй план. Остаётся ближний круг родственников и очень любимых верных друзей, тех, кто с тобой на одной волне.

— Лидия Николаевна, — дошла очередь до Лиды. Романа майор оставил на десерт. Мне показалось, что у него слишком предвзятое отношение к Ромке, — я не хотел вас беспокоить, но в интересах следствия мне нужно задать вам пару вопросов.

— Конечно, Александр Сергеевич, задавайте, — тихо произнесла Лидочка.

Есть женщины необыкновенной красоты, совершенной наружности, но они не привлекают мужчин, не возбуждают их красота, не притягивает их совершенство. Мужчины заранее знают, что им будет трудно с такими красавицами, и подсознательно от них отстраняются. А есть женщины, может, и не красавицы, но приятной наружности, с мягкими чертами лица, в которых есть нечто такое, чему нельзя найти объяснение, но которые так и примагничивают мужчин. Ко второму типу женщин и относилась Лидочка. Даже сейчас, вся в чёрном, без макияжа, подавленная горем, обрушившимся на неё, она была чудо как хороша. Печаль её украсила, как это ни парадоксально. Она сидела, как и многие сотни тысяч русских женщин, придавленная своим горем, как могильной плитой, не выплакавшая своих слёз, извечных женских слёз на Руси. И, как это принято, принимающая своё горе

с достоинством и думающая о живых членах своей семьи. Мёртвым — мёртвое, живым — живое.

— Лидия Николаевна, как вы думаете, что искали преступники в доме ваших родителей? — майор тактично задал девушке вопросы.

— Понятия не имею. Что у них брать, у пенсионеров?

— Может, у них были какие-то ценности?

— Ничего ценного у них не было.

— А документы? Или бумаги. Компрометирующего кого-нибудь или чего-нибудь? — Золотарёв настойчиво гнул свою линию.

— Ну что вы. Мама давно на пенсии и ничем не занималась. Только папой. Папа — бывший военный, давно вышел в отставку. И ничего такого криминального. Мои родители — очень честные и порядочные люди, — Лида с вызовом посмотрела на Александра Сергеевича.

— Лидия Николаевна, — майор стушевался, — никто в этом не сомневается.

— Лидочка, — вступилась за сына Людмила Семёновна, — он обязан это спрашивать, работа у него такая. Мы очень любим твоих родителей, — и женщина вдруг заплакала, что-то тихо шепча про себя.

У меня тоже появились слёзы на глазах.

— Держи себя в руках, — тихо произнёс Глеб (он сидел рядом со мной).

— Люда, принеси мне воды холодной, — Золотарёв-старший решил разрядить обстановку.

Людмила Семёновна молча встала и пошла за водой.

— А вы, Роман, не припомните, не говорили вам тесть или тёща о чём-то таком секретном или ценном? — майор переключился на Рому.

— Нет. Ничего не говорили. Меня уж об этом спрашивали, — Роман сидел как в воду опущенный.

— И ещё будут спрашивать, а вы обязаны отвечать. Ясно?

— Ясно, — Рома зло посмотрел на майора.

— Ой, я вспомнила! — громко вскрикнула я. — Вспомнила!

— Ты меня напугала, мать, — Глеб укоризненно посмотрел на меня.

— Элочка, что вы вспомнили? — полковник с нежностью спросил у меня, и все мужчины улыбнулись.

Я разозлилась, но майор не дал мне возможности оторваться на сыне и полковнике.

— Элла Глебовна, что вы вспомнили? Иногда такие ваши вскрики приносят пользу.

— Это не вскрики, Александр Сергеевич, — я обиделась и на майора тоже, за компанию.

— Ну ладно, пусть не вскрики, согласен. Пусть ойканья, — явно у майора настроение улучшилось (с чего бы это?).

— Сашка, — чуть не закричал на него отец, — дай человеку сказать! — Тут майор сам вздрогнул от отцовского окрика, а я получила моральное удовлетворение. — Говорите, Элла, что вспомнили.

— Вы, наверное, должны все помнить, как Надюша нам рассказывала о своей семье, о бабушке. И тогда она упоминала, что от роскошного гарнитура её прабабушки, которая эмигрировала в Париж, у них остались только серьги и кольцо, и они тоже стоят очень-очень дорого. Потому что в последний раз они продали то ли браслет, то ли колье и купили добротную дачу в Переделкино. Так, Лидочка?

— Да, — Лида кивнула, — так и есть. Они лежат дома, в сейфе. Мама категорически запретила мне их продавать. Это моё приданное.

— Я тоже вспомнила, — Людмила Семёновна задумчиво проговорила. — И, кажется, Надюша говорила, что они хранятся в Москве, у дочери на работе.

— Это так. Раньше они хранились в сейфе, в кабинете у Люси, там и её вещи лежат. Люся — это моя начальница, подруга Эллы.

— Знаем, знаем, хорошая женщина, — полковник не сдержался и вставил свои пять копеек. Все молча ухмыльнулись, а полковник, как всегда, ничего не заметил. Вот что значит чистой души человек.

— Почему раньше, Лидия Николаевна? Продолжайте, — майор так зыркнул на полковника, что тот стушевался.

— Где-то полгода назад Люся сказала, что у нас будет долгая и тотальная проверка в связи с материнским капиталом, и не только в нашем отделении пенсионного фонда, но и по всей России. И мы решили все личные вещи из сейфа забрать. Люся нашла мастера по сейфам, и он установил и у неё дома, и у меня маленькие сейфы. Так что мои вещи сейчас дома.

— Когда вы их последний раз видели там?

— Где-то в августе. Я собиралась на юбилей к коллеге и достала из сейфа свою любимую подвеску от Картье — мне родители подарили на 30-летие. Так вот, маминь драгоценности были на месте. Я их надела всего один раз на свою свадьбу.

— То есть вы хотите сказать, что у мамы здесь ничего не было из драгоценностей?

— Нет, ничего. Только цепочка с крестиком — это маме бабуля Лида подарила, а ей её мама. И серьги были на маме, очень недорогие. Мама их носила, так как это первые серьги, которые ей подарил папа, — и Лидочка вдруг заплакала. — Это забрали бандиты. Крестик ведь семейная реликвия, он копеечный. И колечко обручальное, которое ей тоже папа купил ещё в молодости.

Пока я собиралась встать из-за стола и принести девушке воды, Людмила Семёновна уже метнулась на кухню, дала Лиде попить, встала позади неё и гладила девушку по голове, как маленького ребёнка. Сразу видно, какая заботливая

жена, мать и бабушка Людмила Семёновна. Муж на неё смотрел благодарным взглядом.

— Извините, — Лида обратилась к майору, — не смогла сдержаться.

— Ничего. Я сейчас задам последний вопрос, и на сегодня всё. Скажите, а Роман знал об этих дорогих ювелирных изделиях?

— Да, — Лида посмотрела на Рому, и тот одновременно с ней кивнул головой.

— Ну что ж, спасибо большое. Все свободны, кроме Романа. Я хочу с ним поговорить. Элла Глебовна, вы чаще других общались с Надеждой Земцовой. Если вдруг что вспомните — позвоните мне.

— Хорошо, Александр Сергеевич. Я очень постараюсь вспомнить её круг общения здесь, в Морегорске, о котором Надюша мне рассказывала.

Роман и майор ушли. Остались мы.

— Элла, можно я возьму с собой к вам альбом с маминими фотографиями? Хочу пересмотреть, может, какое фото на памятник выберу, — спрашивала Лида у меня разрешения. Эта подавленная горем девушка даже в таком состоянии сохранила чувства такта и культуру общения. Вот это воспитание.

— Конечно, Лидочка, бери что хочешь.

Людмила Семёновна уже перемыла всю посуду, я помогла ей прибраться.

Мужчины курили во дворе. Погода стояла не по-осеннему тёплая, в саду у Надюши лежал на земле ослепительный ковёр из багряно-золотых листьев, поздние цветы благоухали, но Надюша уже ничего этого не увидит. Плоды её трудов радуют нас, а её уже нет... Люди не знают, что живут на верхушке айсберга, и что с ними будет: или они затонут, поддавшись стихии, или их собьёт неведомая сила, как нашу Надюшу. Неисповедимы пути твои, Господи!

Глава 6

Утром я встала пораньше, чтобы приготовить завтрак, позвала к столу и Глеба, и Лиду, но оба отказались. Сказали, что попозже. А я диабетик — после укола инсулина обязательно должна поесть. Звонок Людмилы Семёновны нисколько меня не удивил, я так и знала, что она позвонит мне и поинтересуется душевным состоянием Лидочки. Лида вчера была очень подавлена, это её беспокоило. И вообще, Лида очень понравилась Золотарёвой, она мне даже шепнула на ушко, что была бы рада, если бы у Лидочки с Александром Сергеевичем заладились отношения, и просила меня в этом помочь. И мы, как две старые сводницы, решили этим заняться, но только после сороковин Надюши, когда душевные раны Лиды хоть немного затянутся и Николай выздоровеет. На том и порешили. Мало ли какие сюрпризы может нам преподнести судьба.

— Элла, может, сегодня к нам придёте, посидите? Лида хоть немного отойдёт.

— Я бы с большим удовольствием, Людмила Семёновна, но у них другие планы.

— У кого это у них?

— У Лиды и Глеба. Они ещё вчера сговорились, что возьмут у полковника машину и поедут в какую-то ритуальную контору, чтобы памятник заказать Надюше и оградку поставить. Глеб нашёл по интернету пару контор — на кладбище у входа стоят их представители и памятники на продажу. В общем, Лидочка хочет сегодня решить этот вопрос. Вчера весь вечер фотографии рассматривала.

— Надо поставить памятник, чтоб на сороковины уже стоял, и Колю к тому времени выпишут, — здраво рассуждала Людмила Семёновна.

— Дай-то Бог, Людмила, моя дорогая. Он ещё слаб совсем. Я звонила с утра, интересовалась, но Лиде ничего не сказала. Она ещё к завтраку не выходила. Хочет сама съездить в больницу. Посмотрим, что из этого получится. Вы-то сами как? Майор ваш к вам приходит или в квартире у себя ночует? — поинтересовалась я у Золотарёвой.

— Ой, Элла, на работе он ночует. Приедет, искупается, переоденется — и уехал. А я замучилась с Серёжей-младшим.

— Да вы что? Не поверю. Он такой умный, воспитанный мальчик.

— Не так выразилась, Эллочка. Уроки сейчас по интернету, на удалёнке, надо у компьютера сидеть и слушать всё, что учителя говорят. «Онлайн» называется. Это что же делается, разве так можно детей учить? Я нервничаю, дед переживает, да и мальчик сам говорит, что это ерунда, а не учёба. Вот и мучаемся: каждый раз расписание меняют, дети звонят друг другу, дома расслабились, да и учителя уже воют. Устают. Нет у ребёнка матери, отец занят, а мы старые, чтоб с этим компьютером разбираться. Зову соседку на помощь — она учительница в нашей школе, — а она говорит, что уже старая и сама не знает, как ей быть. Уволиться хочет, но помогает Сереженьке по математике.

— Людмила Семёновна, а кого убили? Сын вам не говорил? Помните, он рассказывал, что аналогичный случай? — меня просто раздирало любопытство. И вообще, лучшая тренировка для ума — это разгадывание преступных головоломок.

— Говорил, мельком. Не знаю, видели вы или нет, Эллочка (вы же у нас в Морегорске недавно), но, скорее всего, обратили внимание: на центральной набережной перед фонтанами «Лягушки» часто сидит одна пожилая женщина с короткой стрижкой, в спортивной костюме... У неё такие голубоватые седые волосы. Она ещё милостыню просит

на лекарства: то ей на валидол деньги нужны, то на корвалол, — Людмила Семёновна всегда всё рассказывала подробно, с чувством, тактом и расстановкой.

— Она что, божиха? Я её вспомнила, пару раз видела. Правда, в другом месте.

— Да. Она меняет дислокацию, как мой муж говорит. Вот её и убили, бедную Клару.

— За что же нищую убили?

— Клара не нищая, кто вам сказал? Вы видели, какие у неё фирменные костюмы спортивные. А квартира у неё шикарная — бывший купеческий доходный дом в центре. На первом этаже ещё там бутики модные. Так у неё огромная трёхкомнатная квартира.

— А что она милостыню просила? — я никак не могла связать смерть этой Клары и нашей Надюши.

— Большая она была, бедная Клара, несчастная. Последние десять лет так и ходила по городу, садилась у моря и просила денег на лекарства, которые ей на ум приходили. Она ведь была хирургической медсестрой, многим людям помогла и выходила. И сын у неё есть взрослый, в Питере хирургом военным работает. Вот горе-то, — сердобольная Людмила Семёновна тяжело вздохнула.

— А почему он её к себе не заберёт? — начала я уже доставать своими расспросами женщину.

— Не хочет, не едет. Старые люди хуже малых. Трудная судьба выпала бедной Кларе. Через многое она прошла.

— Извините, Людмилочка, достала я вас. Я переговорю с Лидочкой, и мы завтра к вам приедем на чай.

— Почему только на чай, Эллочка? Я вас жду. Девичник устроим. Посидим, Надюшу вспомним.

— Хорошо. Спасибо большое.

Пока Лида с Глебом завтракали, появился полковник со своим излюбленным жестяным ведром, в котором бултыхались три рыбины.

— Глеб, вы где до сих пор? Хотели с утра машину взять. А я уже и на рыбалке побывал. Эллочка, три свежайших судака. На костре приготовим на ужин?

— Конечно, полковник. Сегодня ужинаем у нас. Я вкусенького приготовлю чего-нибудь.

— Отлично. Тогда давайте нож и посуду. Сам почищу во дворе рыбу, не надо ваши ручки нежные марать, — таким проникновенным голосом сказал полковник, что Глеб откровенно усмехнулся, и даже Лидочка улыбнулась.

— Ой, полковник, как будто первый раз рыбу чищу! — мне самой стало смешно, но я сдержалась.

— А ты не ухмыляйся, — полковник обратился к Глебу и протянул ему ключи от машины. — У твоей мамы в самом деле нежные руки, женские. Так, вот ключи, машина стоит у моих ворот, я выгнал её со двора уже.

— Спасибо, — одновременно сказали полковнику Лида и Глеб.

— А папина машина на ходу? — посмотрела на моего соседа Лида.

— На ходу. Но трогать её не надо. Выйдет Коля с больницы и сам будет ездить. Вот моя машина есть, и хватит, — повоенному чётко сказал полковник и вышел во двор.

— Фартук! Фартук забыл! — закричала я и выбежала за полковником вслед.

Уже смеркалось, когда Глеб с Лидой вернулись.

— Мама, я голодный как чёрт. Тут такие запахи. Что-то полковник наворотил вкусенького, — и сын побежал к себе переодеться.

Лиду я тоже отправила переодеться:

— Лидочка, тут все свои. Сними с себя чёрное пока, оденься в домашнее, и платок сними, пусть отдохнёт твоё тело и душа, — я просто не знала, что сказать девушке.

Полковник на мангале поджарил всё, что можно: и рыбу, и сосиски, и овощи, и даже хлеб. Со двора доносился обалденно

аппетитный запах. Глеб с полковником торжественно заносили подносы со снедью, я хохотала над их видом — у обоих были набиты рты, и говорить они не могли.

— Лида, мы тебя ждём! — крикнула я наверх, подойдя к лестнице второго этажа, и в этот момент раздался звонок в домофон.

— Гостей принимаете? Мимо вашего дома невозможно пройти — такие запахи разносятся по всей округе.

Я-то прекрасно понимала, что майор мимо нас не проходил, а специально явился, но я была очень рада его видеть. Золотарёв продумывал ситуацию на много ходов вперёд, и не просто так к нам решил заглянуть: из его цепких лап трудно вырваться, если он уже наметил жертву. А мы ему всегда рады, а я особенно — хотелось у него разузнать, как продвигается дело Нади, и насчёт этой загадочной Клары.

Когда майор зашёл на кухню, Глеб и полковник уже ужинали вовсю и нас не ждали.

— О, Саша, садись, к ужину как раз. Тёща тебя любит. Вернее, любила. Любила тебя бывшая тёща, Сашка? Честно скажи, — у полковника было явно игривое настроение.

— А что, она хорошая, и сейчас любит. Она же не виновата, что у нас с её дочкой не сложилось.

— Умный ты чересчур, Саша, и серьёзный.

— Полковник, чего вы к майору пристали? Дайте ему сесть и поесть нормально, — я положила ещё один прибор.

Хотела было ещё раз крикнуть Лиду, но тут она сама появилась. В домашнем спортивном тёмно-сером велюровом костюме с бордовыми лампасами, волосы затянуты наверх в конский хвост, большой открытый лоб, чистое лицо и огромные умные глаза. Без макияжа она выглядела намного моложе своего возраста.

— Какой у нас красивый генерал, — полковник намекал на Лидины лампы. — Сашка, она старше тебя по званию, и ты должен ей подчиняться.

— Есть! — браво ответил майор. — Согласен подчиняться!

Мужчины засмеялись, а я стала уговаривать Лиду что-нибудь поесть, мы даже выпили домашнего вина.

Глеб, как поел, сразу пошёл к себе в комнату, сказал, что работать надо и чтоб я его не доставала. Мужчины вышли во двор покурить, а мы с Лидочкой стали убирать на кухне.

— Ну, что, Лида, памятник присмотрели?

— Не только присмотрели, но уже и заказали. Я даже предоплату внесла. Завтра надо художнику фотографию отвезти.

— Хорошо. Хоть и ничего хорошего, — не сдержавшись, вздохнула я. — А к папе в больницу ездили?

— Да. Очень долго ждали лечащего врача. Нас даже в приёмный покой не пустили, сидели на лавочке перед дверьми. Глеб, наверное, со мной замучился.

— Ничего страшного. Глеб не чужой человек. И не отвлекаться ты ездила. Что врач сказал?

— Папе уже лучше. Но пока он ещё будет под аппаратом ИВЛ. Слава Богу, что их несколько штук завезли в больницу. Доктор сказал: состояние стабильное, но тяжёлое. Папа — диабетик, и это усугубляет его положение. Через неделю будет улучшение, доктор на это рассчитывает.

— Всё будет хорошо, Лидочка. Бог всё видит, он не может у тебя сразу двоих родителей забрать. Коля выздоровеет, я уверена. Майор по твою душу пришёл. Я уверена, хочет что-то у тебя спросить.

— Пусть спрашивает, — протянула обречённо Лида. — Я готова ответить на все вопросы.

Лида никак не может осознать, что происходящее с ней — не страшный сон, а самая настоящая чудовищная действительность.

Опыт давно научил майора Золотарёва, что ни одну возможность, ни одну, даже маленькую мелочь со счетов сбрасывать нельзя в деле поиска преступников. Порой зацепишь маленькую ниточку, потянешь за неё, а она распутает весь клубок.

— Давай чайный стол накроем и позовём мужчин, — я пыталась подбодрить девушку. — Кстати, Людмила Семёновна позвала нас завтра к себе. Пойдём вечером?

— Как хотите, Элла.

Позвали мужчин, Лида разлила всем чай (я дала ей возможность похозяйничать). Полковник перепробовал все варенья и без устали их нахваливал — каждый раз он говорил одно и то же:

— Эллочка, какое у вас вкусное инжировое варенье, пахучее, медовое.

— Полковник, сколько раз вам говорю, а вы забываете, что мне его привёз наш овощник — азербайджанец.

— Мамед, что ли?

— Да.

— А мне не привёз... Вот зараза. А я ему рыбу даю всегда — он парень неплохой.

— Вы же ему не заказывали, полковник, — улыбнулась я — этот диалог у нас происходит часто. — Вы же сами сказали ему, что чай пьёте только у Эллы-соседки.

— Это он вам сказал, Эллочка?

— Да. А кто ж ещё?

— Больше ничего не говорил?

— Нет. А что, должен?

— Нет. А варенье отменное в самом деле.

— Александр Сергеевич, вы ж не просто так к нам зашли? Без приглашения вы никогда не приходите.

— Да ладно, Элла Глебовна, бывает, заглядываю иногда.

— Ой, Александр Сергеевич, мама ваша вас не видит, ребёнок скучает. На первом месте у вас работа.

— Это правда. Серёжка скучает.

— Так нельзя, Саша. Он мальчик, ему отец нужен.

— А меня мой отец много видел? Или вы, товарищ подполковник, вашу дочь?

— Это так. Ты прав. Но наших детей воспитывали наши жёны. Моя жена — мою дочь, а тебя и сестру — Люда. И мотались с нами по гарнизонам, всю страну объездили. А твой сын без матери. Ты мне как сын, я тебе не нотацию читаю, Саша.

— Понимаю я всё, — майор даже голову опустил. — И я по нему скучаю, и маме очень трудно.

— Извините, конечно, — Лида тихо и совершенно неожиданно вступила в разговор, — а что случилось с вашей женой, мамой мальчика? Она тоже умерла?

Бедной девушке казалось, что если мамы нет — значит, она умерла, потому и не может быть рядом со своим ребёнком. Других вариантов она просто не могла понять и принять.

— Нет. Она жива-живёхонька. Цветёт и пахнет, — майор с какой-то нескрытой досадой ответил на Лидин вопрос.

Лида замялась, покраснела.

— Извините, я не хотела вас обидеть.

— Это вы меня извините, Лидия Николаевна, — майор понял свою оплошность, — просто говорить о ней не могу спокойно, до того она мне неприятна. Мама Серёжи живёт в Москве, у неё другая семья, и сын её вообще не интересуется. Но, если быть честным до конца, то мои тесть и тёща обожают внука, часто его навешают и к себе забирают. Я не возражаю. Они — люди хорошие. А моя бывшая жена приезжает раз в год и видит сына столько, насколько у неё хватает терпения. В основном Серёжку воспитывают мои родители. Он, считай, их третий ребёнок.

— Но это ведь так, Александр Сергеевич, и не просто родители, а хорошие родители. Вас воспитали, такого порядочного

человека, и Серёженьку воспитают, — я так искренне и от всей души это сказала, что все улыбнулись, и обстановка разрядилась.

— Лидия Николаевна, — майор взялся за дело, — Роман знал о том, что старинный драгоценный гарнитур вашей мамы в Москве, у вас, а не здесь, в Морегорске?

— Нет. Думаю, об этом он не знал, — Лида задумалась. — Драгоценности всегда находились на даче в Переделкино, родители там жили постоянно, и он об этом знал. Мы с ним разошлись ещё до того, как родители переехали сюда.

— Значит, он мог думать, что родители забрали гарнитур с собой?

— Наверное. Он же понимал, что они его не оставят на даче. Там сейчас только сторож, а когда родители приезжали, то они жили там пару месяцев в году.

— Получается, он не был в курсе, что вы хранили драгоценности сначала на работе в сейфе, а потом дома?

— Нет, нет. Об этом он точно не знал. Я с ним не общаюсь. Родители никогда бы ему об этом не сказали. Это исключено. А вы что, его подозреваете, Александр Сергеевич?

— Нет. Я ещё никого не подозреваю. Просто хочу у вас узнать о Романе побольше. Скажите, почему он именно в наш город приехал подработать спасателем?

— Он в хороших отношениях остался с моими родителями. Знал о папиной мечте купить дом в своём городе детства, и когда родители здесь купили дом, они ему об этом сказали. Рома хороший человек, мой однокурсник, родители хорошо к нему относились. Правда, папа говорил, что неразборчив он в связях с людьми, дружит с кем попало. Да и Ромка часто себя корил за это.

— А парня, с которым он здесь работает, вы знаете?

— Нет. А что за парень? Из Москвы? Местных я никого не знаю. У нас здесь родственников нет. Раньше тётя

жила — папина сестра, — но она переехала в Германию к дочери.

— Нет. Роман говорит, что парень — его сосед по Долгопрудному.

— Рома сам из Долгопрудного, у него нормальная семья. Папа водителем работает, мама — медсестра. Ещё брат младший есть. Ромка сам поступил в институт на бюджет, представляете? Парень из простой семьи. Он умный, но ленивый. Болтун, бывает, так понесёт — может говорить всё что ни попадя незнакомым людям. Синдром попутчика: рассказать человеку, которого больше никогда не увидишь в жизни, о своих проблемах.

Лида вздохнула и замолчала. Видно было, что этот монолог ей дался с большим трудом.

— Но вы, Лидия Николаевна, не считаете своего бывшего мужа причастным к этому преступлению? — майор будто хотел выдавить из Лиды последние силы. Я с укоризной посмотрела на него.

— Нет, не считаю. Он никогда бы не связал маме руки и ноги. Никогда, — Лида сказала это твёрдо и чётко.

— Может, кому проболтался? — влезла я со своими предположениями.

— Я тоже думаю об этом. Он молчит, но чувствую, что здесь что-то не то. Проболтался и боится, трусит. Может, вы с ними поговорите, Лидия Николаевна, он с вами будет более открыт. Я могу применить к нему и наши профессиональные меры, но не хочу таким методом его раскалывать. Он чего-то боится.

— Хорошо, — Лида кивнула. — Сегодня уже поздно, а завтра я приглашу его в наш дом, повод найду какой-нибудь. Элла, вы пойдёте со мной, пожалуйста? — с надеждой в голосе спросила меня Лида.

— Пойду, конечно, Лидочка, — я подошла и погладила девушку по голове. — Александр Сергеевич, а соседей Надюшиных расспросили?

— Конечно. Только не я, а другая группа, которая до меня работала.

— Всех? И Петровну?

— Какую ещё Петровну, Элла Глебовна?

— Как какую? Петровну — старушку лет девяноста. Надюша её называла «соседка — всевидящее око».

— Вы меня озадачили, Элла Глебовна. Слева живёт многодетная семья — молодые люди, четверо детей. В предположительное время смерти Надежды Земцовой они все были дома, в доме. Дети играют во дворе с мамой только днём в тёплую погоду. Глава семьи трудится в городских электрических сетях и целыми днями на службе. Их организация работает в пандемию. Жена занята детьми — уроки по интернету, младшие тоже дома — все садики закрыты. Говорит, что никого не видела. С младшими была пару часов во дворе, старшие сами играют после уроков, но они тоже никого не видели.

— Нет, не эти. Дом, который справа. Там живёт женщина лет шестидесяти — это сноха Петровны, покойного сына жена и сама Петровна, подружка Надюши. Она всегда сидит на лавочке укутанная и иногда беседует с соседями, если кто к ней подсядет. Надя часто с ней общалась, та всё жаловалась на сноху, что вредная, и ждала внука с семьёй — тогда ей была благодать.

— Элла Глебовна, я читал протоколы, и эта взрослая женщина — пенсионерка Кривенко Тамара Ивановна — сказала, что живёт с ней свекровь-инвалид, которая никуда из дома не выходит.

— Врёт эта Тамара, врёт, мерзкая женщина. Не хочет лишних расспросов, и из Петровны сделала инвалида, лишь бы её не тревожили. Надя правильно говорила, что её никто не

любит, она, как улитка, закроется в своей раковине и сидит. Надя Петровну всегда чем-нибудь вкусным угощала, так та прятала, чтоб сноха не отняла. Не дай Бог такую сноху иметь, — аж взмолилась я. — Господи, спаси и помилуй.

Полковник засмеялся:

— Эллочка, у вас не будет такой снохи, не переживайте. И я рядом всегда, не дам вас в обиду.

— Ой, полковник, старый человек — что малый, его легко обидеть.

— Как я недосмотрел... Я был уверен, что ребята всех соседей опросили. Время такое сейчас опасное, никто в дом не пускает — бояться заразиться, — майор был подавлен. — Эта старушка могла бы нам многое рассказать, если она в здравом уме.

— Она в здравом уме, я точно знаю, мы с Надей говорили о ней. И, вы знаете, майор, у этой Кривенко Тамары есть сын — хороший человек, очень любит бабушку и защищает её от нападок матери. Через него можно достучаться до Тармарки, чтоб разрешила поговорить с Петровной.

— Спасибо, Элла Глебовна, вы мой самый лучший помощник. Соседи — это кладёзь информации. Люди, которые живут рядом с потерпевшими, порой о них знают больше, чем близкие родственники. Соседи — важные свидетели. В новом деле мне помогла соседка, которая собачку выгуливала, а ближайшая соседка вообще всё знала об убитой, и её сыну в Питер позвонила.

— Это вы о Кларе говорите, господин майор? — и всё-таки я язва.

— Элла Глебовна, откуда вы про Найдёнову знаете? Мама постаралась? — майор с ожиданием смотрел на меня.

— При чём тут Людмила Семёновна? Весь город знает. Все её знали, — я постаралась реабилитировать маму майора в его глазах (чего не сделаешь ради женской дружбы).

— Саша, расскажи, что знаешь, — попросил Золотарёва полковник.

Всю информацию о Кларе Найдёновой мы вытаскивали из нашего майора клещами, но узнали о ней, её жизни и смерти многое.

Глава 7

Вот такая история у Клары. Появилась она в городе во время войны. Морегорск и близлежащие сёла и деревни ещё не захватили фашисты, но были на подступах. Эшелон с детьми шёл из Ленинграда очень долго, и Клара была в том поезде, который пробивался как мог на юг — надо было спасти детей, — но его разбомбили недалеко от нашего города. Многих детей укрыли на станции, многих успели пересадить в другой поезд, а маленькую девочку Клару контузило, и она побрела куда глаза глядят. Нашла её женщина из ближайшего села где-то на окраине Морегорска, привела в дом. Жили они вдвоём с мужем, хорошо жили, имели добротный дом. В день начала войны их старший сын получил диплом хирурга военно-медицинской академии в Ленинграде и вместе со всем курсом ушёл на войну. Младшего же сына они сами проводили на фронт из призывного пункта Морегорска. С песнями и плачем матерей молодёжь Морегорска ушла на фронт в надежде, что через пару месяцев они победят врага. С этой же верой в сердце отправился на войну и их младший сын. А в сентябре 1941 года на него пришла похоронка... Тогда похоронки пришли почти на всех юношей их села того призыва, тогда в каждом доме стоял плач и были поминки.

Муж ещё держался, но жена слегла и с трудом приходила в себя, в этом мире её держали только редкие письма старшего сына. Он был хирургом в передвижном эвакогоспитале, который курсировал по всей линии фронта и спасал солдат. Мать — прежде комсомолка двадцатых годов — вдруг зачастила в церковь, молилась как могла, своими словами, о здравии своего старшего сына и о вечном покое младшего.

В тот день она шла из города, из маленькой церквушки на окраине Морегорска, когда увидела в кустах мирно спящую девочку лет пяти. Разбудив ребёнка, она привела её к себе. Муж сразу догадался, что малышка из разбомблённого эшелона из Ленинграда — уже сутки как его разбомбили, об этом знали многие в городе. Он отправился на станцию, еле отыскал начальника — там творилось что-то невероятное: город готовили к сдаче врагу, наши отступали. Начальник станции сказал, что всех детей, которых нашли после бомбёжки, отправили на грузовиках в соседний город, а оттуда их перебросят поездом на юг, если успеют.

Остальных детей, которые отыскились позже, отвезли в детский дом Морегорска.

— После войны, товарищ, найдутся их родители и заберут своих детей. Отвези своего найдёныша в детдом, там решат. Больше ничего не могу посоветовать. Видишь, что творится, отступаем мы, отступаем, — с горечью в голосе произнёс начальник станции.

Мужчина пошёл назад домой, рассказал всё жене. Посоветовавшись, они решили отвезти девочку в детский дом Морегорска. Кроха молчала, за всё это время она не произнесла ни слова.

— Может, немая? — муж всё допытывался у девочки её имя.

— Нет. Просто контузия, шок. Бомбили, родных потеряла, не знает, где находится, сутки бродила голодная. Придёт в себя — разговорится, — утешала сама себя женщина и быстро строчила на швейной машинке «Зингер» — своей гордости и приданном, которым она хвасталась перед мужем. Она была рукодельницей, и быстро сшила девочке платьице из куса сатина, который у неё остался, — раньше она обшивала всех местных баб, и у неё было много обрезков.

В детском доме детей спешно готовили к эвакуации. Директор детдома с трудом раздобыла старый грузовик, всего

один — всех детей туда не поместишь. Тогда она дала клич по всему городу, чтоб дальние родственники и знакомые забрали детей, кто может, конечно. Часть ребят разобрали по домам. Директор детдома сказала, что ей уже привели несколько детей с того поезда, пусть девочка посмотрит, может, кого узнает. Маленькая Клара никого не узнала.

— Тогда мы её оставим у себя, — твёрдо произнесла женщина.

— Сделаете доброе дело, — директриса была в расстройстве. — У меня не хватает транспорта. Спасибо, местные жители помогают. Я боюсь детей оставлять в городе, хоть немцы тоже люди. Маленьких отправим, а там видно будет.

На том и порешили. И девочка осталась у этих добрых людей. Любовь и забота сделали своё дело, и через несколько дней ребёнок заговорил.

— К-к-к-к-лара, — с трудом произнесла она своё имя. Фамилию не могла вспомнить. Всё повторяла: «Саша, Валя».

Только через три десятка лет узнали, что она не Клара, а Лара. Просто ребёнок стал заикаться после бомбёжки и контузии и говорил с трудом. Но женщина решила, что родители Саша и Валя назвали дочку в честь Клары Цеткин — женщины-революционерки. Вот и справили ребёнку документы: Клара Александровна Найдёнова.

Так и прожила Клара у своих благодетелей с простой русской фамилией Ивановы всю войну, жила бы и дальше, если бы не пришёл возраст идти в школу. Старший сын приезжал к родителям в отпуск, да не один, а с семьёй. У него в 1945 году родилась дочь — медсестра, которая работала с ним, забеременела, и он женился на ней. Долг и честь в те времена не были пустым звуком. Потом она родила вторую дочь. Работа, рутина, быт засосали прекрасного хирурга Георгия Иванова, а он был умён, очень

талантлив, и вообще неординарная личность. К родителям он вырывался только в отпуск. Клара иногда слышала, как отец ругал сына:

— Жорка, что опять твоя не приехала? Она нам сто лет не нужна, так хоть бы внуков привезла, потешились бы с ними. Мать вон совсем извелась, болеет.

— Папа, она в Гагры поехала с детьми.

— Бить её надо! Бей, чтоб тебя слушалась. Чем у нас хуже? Одно море. Дома-то лучше, чем по казённым санаториям мотаться.

— Папа, не мучай ты меня. Вырастут девчонки, будут сами приезжать.

— Не любишь ты её, Жорка, вижу. Как живёшь? Жалко мне тебя, сынок. Без любви как жить-то?

— Папа, я не могу развестись. Думаешь, что я не хочу? Но я партийный — нельзя, и девчонок жалко. Пусть подрастут немного. Хорошо, что жена не хочет сюда приезжать, мне без неё дома так хорошо, вольготно.

— Бедный мой мальчик, — и Иванов-старший незаметно вытирал скупую слезу с уголков своих глаз.

В селе школы не было, и Клару отдали в школу-интернат на пятидневку, на выходные она приезжала в село к своим приёмным родителям. Клара знала свою историю, ей всё рассказали Ивановы. Они отправляли запросы в разные инстанции, чтоб найти родных девочки, но результатов никаких не было. Клара надеялась. Но ребёнок должен кого-то называть мамой и папой, и Ивановы стали для неё родителями. Когда Клара уже была в восьмом классе, внезапно умер отец. Она всё переживала за мать, ухаживала за ней, но та, как та старая сосна, что растёт у них в горах, скрипела под любым дуновением ветра, но держалась. А отец — этот могучий дуб — вдруг упал, сражённый молнией, неожиданно для всех. На похороны приехал сын. После похорон, когда

сын решил уехать домой в Ленинград, мать призвала его к ответу. Она говорила тихо, но очень твёрдо:

— Прошло всего три дня после смерти отца, а ты спешишь домой. Ты думаешь, что мать не знает, куда ты торопишься? Ты не к жене торопишься, нет. Ты к своим больным спешишь, у тебя на уме операции, хирургия. И это правильно, сынок. Но ты фанатик в своём деле, о себе подумай. Ведь не любишь свою жену, и она тебя не любит. Ты ещё совсем молодой, войну прошёл. Разводись и приезжай домой.

— Мама, почему ты решила, что жена меня не любит? — Георгия почему-то это сильно задело, хотя он сам это прекрасно знал.

— Сынок, она с тобой даже в отпуск не ездит. Живёте оба ради детей.

— Ясно. Девочки закончат школу, поступят в институт, и я уйду от неё. Перееду сюда. Меня зовут давно. Дай мне время, мама.

— Жорик, ещё одна просьба: поговори с директором медучилища о Кларе. Она мечтает о медицине, а тебя боготворит. Девочка хочет после восьмого класса поступать в медучилище. А тебя здесь знают, уважают — сколько операций ты здесь провёл.

— Мама, пусть закончит 10 классов, чтоб у неё было среднее образование. А потом будет поступать. Я специально приеду на её выпускной. Не переживай.

— Сынок, о родственниках девочки ничего не узнал?

— Но как? Даже фамилии не знаю. Писал, звонил, ездил. Никакой информации.

— Хорошо, сынок. Если что со мной будет — Клара на тебе.

— Мамочка, с тобой ничего не будет плохого, — голос у Георгия дрогнул. — А Клару я никогда не оставлю, она же мне как сестра.

Со временем Клара превратилась в настоящую красавицу. Статная, с роскошными белокурыми волосами, с бездонными синими глазами. Много кавалеров вокруг неё кружилось, но она не обращала внимания ни на кого. Голова её была занята только учёбой, она с красным дипломом окончила медучилище. Но в область поступать в мединститут не поехала — не могла оставить мать одну. Мать еле передвигалась и не в силах была уже ничего делать по дому.

Георгий рекомендовал Клару хирургической медсестрой в местную больницу. Она была очень хорошим специалистом. Только мать всё переживала:

— Клара, детка, замуж тебе надо. У меня в твоём возрасте уже двое деток было.

— За кого, мама?

— Как за кого? Ты что с ума сошла? Вон сколько ребят за тобой увивается! Выбери одного.

— Мама, да они все глупые и бестолковые!

— Да неужто все? Принца, что ли, ждёшь на белом коне? Какой тебе нужен?

— Как Георгий, умный и красивый.

Мама тихонько вздохнула: «Где же взять второго такого, как её сын?..»

Неожиданный приезд Георгия их удивил.

— Сынок, как я рада тебя видеть, — мать прослезилась. — Ты обычно летом приезжаешь, а тут на носу Новый год. Или заболел? В санаторий приехал?

— Нет, мама, не заболел. Здоров как бык. Я приехал навсегда. Работать буду здесь. Главврачом зовут, больницу новую будем строить.

— Господи, какое счастье! А жена где твоя? Когда придет?

— Мама, она не придет. Девочки уже выросли. Я, наконец, свободен от обязательств перед женой.

— Сынок, столько лет прожили, может, не надо так рвать сразу-то?

— Это не сразу, мамочка, ты же сама всё понимаешь, — лицо Георгия помрачнело. — Жена должна быть женой, той, которая честь твою не уронит, во всём тебя поддержит. На войне сошёлся случайно, без любви жил. Наконец вздохну полной грудью. Никто пилить не будет. Домой я приехал, мама!

— Добро пожаловать, сынок.

Клара ликовала: наконец-то он бросил эту ведьму, свою жену. Георгий целыми днями пропадал на работе, Клару он взял в свою хирургическую бригаду и учил её всем премудростям медицины. Она была незаменимым работником. Легенды о Георгии Иванове, о враче с золотыми руками, облетела всю округу. Ему дали сначала одну комнату в шикарной квартире в старинном доме в центре города, постепенно освобождались и две другие, и уже вся квартира принадлежала главному врачу, но ему было всё равно, где и как он жил. Главной страстью доктора Иванова была медицина. Его часто вызывали на срочные операции, в селе он появлялся редко, работа занимала всё его время, мама обижалась на него, ворчала. За матерью ухаживала Клара. Только благодаря усилиям Клары она ещё жила нормальной жизнью. Дочери Георгия приезжали летом навестить бабушку и отца. На третий год вместе с младшей дочерью приехала и жена.

— Мы с тобой, милый, не разведены, и разводиться я не собираюсь. Старшая дочь выходит замуж, и квартиру моей матери на Петроградской стороне отдадим ей. Ты сам знаешь, что жених не питерец. Нашу квартиру отдадим младшенькой, а я останусь с тобой здесь. На старости лет проживу возле моря, в тепле и покое.

— Я не понял: где ты здесь собираешься жить? И я тебя не звал.

— Так я твоя жена, и за тобой как ниточка за иголкой, — говорила елейным голосочком жена Георгию, при этом накладывая себе разной вкусности, приготовленные Кларой. — А жить будем в квартире в центре города, что тебе государство выделило. Пора и нам с тобой, милый, подумать о будущем, а то всё дети и дети.

— Послушай, — Георгия передёрнуло, — я тебя не звал. Или ты за квартирой приехала?

— Ты что, милый, забыл всё наше хорошее? Я за тобой приехала. Слыхала, что ты всё один.

— Сынок, — вдруг прервала сноху мать, — она жена тебе, ты всё один. Места много, дом у нас большой. Живите с миром.

— Мама, — сноха повернулась к свекрови, — зачем же мы вас утруждать будем? И Кларочка тут. Сделаем ремонт в квартире и будем там жить.

— Правда, жена, — Георгий ударил вилкой об стол, — правда. Ремонт сделаем. Но жить будет там Клара, так как это её квартира. А ты, если хочешь, останешься здесь ухаживать за мамой.

Все три женщины во все глаза смотрели на Георгия. Взгляды их выражали смешанные чувства, и у всех разные. Георгий вышел во двор покурить. Курил он очень редко, но запасная пачка «Примы» всегда была в летней кухне. Огромные глаза Клары наполнились слезами, и она быстро стала уносить блюда на кухню, чтоб никто не заметил её слёз.

Жена было метнулась за мужем, но свекровь решительно остановила:

— Сиди на месте, пусть Георгий успокоится, он и так много работает, устаёт.

Через полгода Клара переехала в квартиру.

— Мама, я хочу с тобой, — Клара плакала и обнимала мать.

— Ты всегда со мной, а квартира — это твоё приданное. Тебе надо свою жизнь устраивать. Рожать пора. Скоро тридцать будет, а ты всё в девках ходишь. Правильно Георгий сделал, что тебя там прописал, всё твоё будет. А я хоть умру спокойно.

На том и порешили. Сноха плохо ухаживала за свекровью, Клара часто ночевала в селе, смотрела за мамой, готовила ей диетическую еду. Георгий иногда после тяжёлых операций оставался отдыхать в городской квартире — не мог находиться в одном доме с женой. Да и та за год четыре раза ездила в Ленинград. Дом, огород — всё были на Кларе. Мать её жалела, всё ждала, когда Кларочка замуж выйдет и внуков ей подарит. Через год мама умерла. И Клара приезжала в село только по необходимости: огород, закрукты, на могилку к отцу с матерью.

А ещё через год она родила мальчика Богдана. Счастье было внутри Клары, окутало всю её сущность, и это её счастье настраивало и других людей на положительные эмоции, она как бы дарила всем лучи своего счастья, и никто не посмел её осудить за то, что она родила вне брака. Пожелай счастье соседу, оно придёт и к тебе. По такому принципу жила Клара. Но всегда найдутся такие люди, которые отыщут ложку дёгтя в самой большой бочке мёда, а если там даже нет дёгтя, то обязательно добавят. Такой и была жена Георгия Иванова. Он всё реже появлялся в своём доме в селе, ночевал у Клары, возился с Богданчиком. Когда тот подрос, возил то в Москву, то в Ленинград, занимался воспитанием и учёбой парня. Парень готовился к поступлению в военно-медицинскую академию в Ленинграде, усиленно занимался и вообще серьёзно подошёл к этому вопросу. Когда Богдану исполнилось 16, он учился в десятом классе и пришло время получать паспорт, мать и дядя Георгий пригласили его на серьёзный разговор.

— Богдан, ты знаешь историю жизни своей матери. И поедешь учиться в её родной город, где у неё никого не осталось. А здесь у неё из близких только я. И фамилию ей дали Найдёнова, тоже знаешь почему — найдёныш она. Я не хочу, чтоб ты носил эту фамилию. Ты уже взрослый парень, и пора тебе носить фамилию и отчество своего отца.

— Интересно, какую? И где тот отец? — как-то горько вымолвил юноша. — И почему он не признал меня с рождения?

Клара сидела молча и не лезла в разговор. Вот уже 16 лет после рождения сына она себя плохо чувствовала, и если бы не поддержка Георгия, её болезнь начала бы сильно развиваться и имела бы непредсказуемые последствия. Вялотекущая шизофрения, порой незаметная для чужого глаза, мучила Клару. Об этом знали только сын, Георгий и её лечащий врач. В обществе существует много предрассудков насчёт этой болезни, и поэтому всё это не афишировалось и держалось за семью замками. Болезнь с каждым годом прогрессировала. Георгий перевёл Клару в постовые медсёстры, и работала она только в дневное время.

— Сынок, — Георгий внимательно посмотрел на Богдана. Мужчина, который прошёл войну, вдруг растерялся.

— Да, дядя, — Богдан привык к такому обращению — Георгий часто обращался к нему так, он ведь растил парня как своего сына, — ты разрешаешь мне поприсутствовать на твоей завтрашней операции? Ты же обещал.

— Разрешаю, Богдан. Но мы должны завтра пойти в паспортный стол, написать заявление о смене фамилии и отчества.

— И какая у меня будет фамилия?

— Иванов Богдан Георгиевич ты будешь, сынок!

— Ты меня усыновляешь, дядя? Значит, отец так и не объявился? — и парень с упрёком в голосе посмотрел на мать.

— Почему же не объявился? Он всегда был рядом с тобой, — голос у Георгия слегка дрожал. — Твой отец я, сынок. Ты — мой сын.

Богдан недоумённо посмотрел на мать, она кивнула головой.

— Да, сын, — на удивление Клара держала себя в руках, в отличие от Георгия. — Ты знаешь, что я приёмная дочь. Я полюбила Георгия с первой минуты как увидела, о своих чувствах не говорила, но он и сам это прекрасно понимал. Уже когда я окончила училище и пошла работать, у нас завязались отношения, но мы не афишировали, а после смерти мамы я решила родить тебя. И опять мы скрывали, так как его жена могла испортить Георгию карьеру: партком, горком, Минздрав и так далее. Развод она ему не давала. Ей нужен был дом у моря, она его и получила — Георгий купил ей, родительский он ни за что ей не отдал бы. Он твой. Георгий официально уже на пенсии, но всё равно он ещё главврач, много оперирует. Решили тебе обо всём сказать на твоё шестнадцатилетие.

— Сынок, разве я к тебе плохо относился? Да, струсил, сразу не сказал. Хотел, признаюсь, но Клара отговорила. У матери твоей сильно развита интуиция, она знала, что тогда жена не оставит нас в покое — внебрачный ребёнок и порочные связи... Она и так мне намекала. Только мой авторитет удерживал её от этого шага. Я стал жить как настоящий человек, как мужчина, наконец, только с твоей мамой. Странно, что ты не замечал этого. Мы с Кларой думали, что ты раньше догадаешься, — Георгий покрылся испариной, пока произносил всё это.

Оба родителя внимательно смотрели на сына, как будто ждали его вердикта.

— О лучшем отце я и не мечтал, — со слезами в голосе сказал парень.

И Георгий, и Клара облегчённо вздохнули. Вдруг Клара схватилась за голову — у неё от нервного напряжения случился приступ. Георгий побежал в спальню за лекарством, Богдан — на кухню за водой. Очень страшно, когда нельзя доверять собственному мозгу. Клара это понимала как никто другой. Но она доверяла Георгию и знала, что тот вытащит её из любой беды. Так и было. Лечащий врач говорил, что у Клары редкие приступы болезни, что ей просто нельзя нервничать, попадать в стрессовые ситуации, что она не опасна ни для себя, ни для окружающих.

— У тебя начинается новый этап в жизни. Твоя будущая профессия — очень серьёзная и важная не только для тебя, но и для людей, требует терпения и внимания, а ещё много времени, чтобы чего-то достичь в ней. Запомни это, сынок. А я всегда рядом с тобой, — Георгий говорил это сыну, как только тот приезжал домой на каникулы или на практику.

— Я помню, папа, и я тебя не подведу.

Георгий и Клара уже открыто жили вместе и никого не стеснялись. Клара была настолько счастлива, что болезнь ретировалась и отступила. Георгий уже давно вышел на пенсию, не оперировал, но консультировал, помогал иногда на операциях, когда у него просили помощи. На четвёртом курсе после летней сессии Богдан приехал на практику домой, в больницу, где работал отец и учил его всем премудростям профессии хирурга.

— Родители, на самолёт билет невозможно было достать. На поезде ехал. Такая монотонная дорога, струи дождя, как слёзы, на стекле, чёрные деревья. Какая-то загадочная атмосфера, таинственная, и только когда приближаешься к югу России, природа меняется — зелень, солнце, веселье.

— Да, сыночек, у нас богатые, красивые края, — Клара всё накладывала сыну в тарелку разносолы.

— Двое суток ехать. Книги взял с собой в дорогу читать, как я тебя учил? — строго спросил отец.

— Конечно, папа, — Богдан очень уважал отца.

— Надеюсь, что не твою любимую фантастику — Лема да братьев Стругацких?

— Нет, папа. Медицинскую литературу, которую ты мне дал. Я на верхней полке лежал и читал. Вообще-то у меня нижняя была, но я уступил. Со мной с самого Питера ехала женщина с внучкой-подростком, я и уступил девчонке. Знаешь, мама, женщина тоже блокадница, и много чего мне порассказывала. И я ей рассказал про тебя. Александра Ивановна напросилась в гости. Всё меня расспрашивала про тебя, всё-всё. Она завтра с внучкой придёт. Сегодня устроится. Она очень хочет увидеть тебя.

— Что ж мы, звери, что ли? Или гостей не видели? — ответил отец вместо матери. — Пусть приходят, встретим.

Следующий день Клара не могла долго забыть: события того дня дали новый толчок к прогрессированию заболевания, которое, казалось бы, на время покинуло её. Шизофрения нарушает не только восприятие, но и осмысленность действий, приводит чувства в суматоху, мысли беспорядочно крутятся в голове, невозможно уловить смысл слов.

Александра Ивановна с внучкой пришли в гости к Ивановым минута в минуту.

— Рады ли хозяева непрошеным гостям? — сказочным голосом обратилась ленинградка к хозяевам.

— Рады, рады, — Георгий пригласил гостей в большую комнату.

— У вас тут такие вкусности продаются — у нас в Питере и не сыщешь, — Александра Ивановна протянула Богдану коробочку со сладостями.

Тут и Клара появилась из кухни. Александра Ивановна внимательно ее рассматривала, пока та накрывала стол к чаю. Потом подошла к пианино и так же внимательно стала изучать фотографии в рамочках, которые стояли на нём.

— А это кто? — обратилась она к Кларе, показывая на одну из фотографий.

— Это мои родители и я, в первый класс меня провожают.

— Но вы же из Ленинграда. В войну сюда попали, или это довоенное фото? — Александра Ивановна с нетерпением ждала ответа.

— Это мои приёмные родители. Они здесь жили, нашли меня после бомбёжки и взяли в семью. Я совсем маленькая была. Здесь и в школу пошла, — Клара присела за стол, пригласила гостей и своих мужчин и стала разливать чай.

Александра Ивановна рассказывала про Ленинград, про эвакуацию и всё оценивающим взглядом изучала Клару, потом снова подошла к пианино, снова разглядывала фото, затем попросила Клару встать, приблизилась к ней сзади и бесцеремонно задрала ей блузку. Все опешили и даже не успели слова сказать.

— Я так и знала! Я не ошиблась, сразу почувствовала, поняла, — женщина была как в бреду. Внучка испугалась, подошла к бабушке, усадила её. Богдан принёс воды.

— Что с вами, Александра Ивановна? — Георгий сразу смекнул, в чём дело.

— Лара, ты ничего не помнишь? Ларочка, — со слезами на глазах спрашивала Александра Ивановна у Клары и крепко обнимала её, боясь отпустить, как будто та могла убежать из своего дома. — Сколько лет мы тебя искали, боже мой! Я — Саша. Помнишь? Саша...

— Саша, Валя, — Клара присела на краешек дивана. — Саша, Валя, — повторяла она и вдруг схватилась за голову: — Георгий, у меня сильно болит голова, сильно-сильно.

Георгий и Богдан отвели Клару в спальню. Потом Богдан вернулся, а Георгий остался с ней.

— Мама болеет, папа сейчас ей сделает укол, — юноша был растерян и ничего не понимал.

— Богдан, можно заказать Ленинград срочно? Я видела, что у вас есть телефон, я оплачу, — Александра Ивановна умоляюще посмотрела на парня.

— Конечно, конечно...

Соединили их быстро.

— Валя, — кричала женщина в трубку, — я её нашла! Кого-кого?! Не понимаешь, что ли? Лару нашу. Нет, не ошиблась. Я даже проверила. У неё под правой лопаткой родимое пятно, грушевидное. Ну конечно, Валя! Что с тобой? Сядь, не плачь! Ты одна дома? И потом, она так похожа на тебя: и глаза, и волосы. Помнишь, мама всегда говорила: «моя старшенькая и младшенькая похожи друг на друга и на своего отца». Да! Да! Успокойся, пожалуйста, выпей корвалола. Таня дала? Она дома? Дай ей трубку! Танюша, я не ошиблась, нет. Мне Бог помог! Богдан, Богдан. Сын Ларочки. Вместе в поезде ехали, он в Ленинграде учится. Воистину, он Богом дан нам всем! Столько лет искали, каждое лето сюда приезжали — знали, что она осталась, — верили, что живая. Таня, дай маме трубку. Валя, и фотография есть: Ларочка в первый класс идёт. Это она. Точно говорю. Только её здесь зовут Клара. Как? Как? Клара. Клара Цеткин. Маленькая была, не так сказала. Валя, она помнит наши имена. Ты должна завтра прилететь. Моему зятю позвони — у них бронь бывает, — он достанет тебе билет на самолёт, в конце концов, он в райкоме не последний человек. Звони сейчас же, или дочери моей сначала, она с мужем поговорит. Я тебя жду. Санаторий ты знаешь какой. На стойке встречи гостей для тебя будут данные наши. Я тебя жду. От радости можно поплакать, конечно. Поплачь. Только держи себя в руках. Ты должна завтра быть здесь. Столько лет искали, столько лет, — и Александра Ивановна сама расплакалась. Ей уже и стул давно дали, и капли успокоительные — все поняли, что сёстры нашли друг друга через несколько десятков лет.

После окончания военно-медицинской академии Богдан остался жить и работать в Ленинграде, там же и женился, родители приезжали к нему на свадьбу, он с женой часто навещался домой. Клара чувствовала себя хорошо. Через несколько лет Георгий умер во сне, тихо, никого не мучил и не доставил Кларе никаких хлопот, что её очень огорчало — ей даже не пришлось за ним поухаживать, проявить свою заботу, показать свою любовь. После смерти отца Богдан забрал мать к себе в Питер, уложил её в хорошую клинику — ей надо было пролечиться. Через пару месяцев она попросилась домой. Обещала сыну, что станет пить необходимые препараты, не будет нервничать. Но у шизофреников формируется искажённая картина мира. Она ни в чём не нуждалась, но у неё была необходимость в сочувствии, в жалости. Она садилась на лавочку на набережной и просила помощи — ей нужны были деньги на корвалол, на пентарчатку, на валидол. Местные хорошо знали, что Клара болеет, некоторые отводили её домой, соседка приходила за ней, посидит и уйдёт с ней. А отдыхающие подавали, она благодарила и вела с ними долгие беседы. Это с ней случалось нечасто — только когда обострялась болезнь. Тогда она всё своё время сидела на разных лавочках и просила подаяние. Милиционеры её не трогали. В такие периоды соседки или подруга Клары звонила Богдану, он приезжал и забирал мать. Летом Богдан с семьёй или сёстры с детьми прилетали в Морегорск, и Клара была подконтрольна, ухожена, спокойна.

И вот сейчас, во время эпидемии, когда пандемия охватила весь мир, когда люди боятся подойти друг к другу, обняться, поговорить, когда вырыли себе карантинные окопы и прячутся в них, когда этот вирус смерти до животного страха напугал всех людей, какие-то отморозки убили эту больную старую женщину. Глубина человеческого падения велика.

Глава 8

Я искренне верю в то, что на свете больше добрых, честных и порядочных людей. Иначе наш мир раскололся бы на мелкие части: зло разрушительно. Соседка Нади Земцовой, эта злая бабища Тамара, не пустила оперативников в дом, да ещё обманула, сказав, что живёт одна. Или она не хотела лишних расспросов, или в самом деле считала, что её девяностолетняя све-кровь Петровна уже не человек — кто знает таких тупых амёб, как эта Тамара. Майор не хотел нахрапом входить в дом к чужому человеку, а тем более без ордера на обыск. Он понимал, что пандемия, и люди боятся собственной тени — этот злосчастный вирус довёл людей, совсем напугал. И, как умный человек, Золотарёв пошёл другим путём: он нашёл внука Петровны, разъяснил ему ситуацию, договорился с ним, что они вместе пойдут к матери в дом, и она их впустит.

— Элла Глебовна, — звонил майор, — у меня к вам просьба: вы не можете со мной пойти к соседям Земцовых? Я хочу со старушкой поговорить.

— Конечно, Александр Сергеевич, я с удовольствием!

— Понимаете, Элла Глебовна, сейчас эпидемия, вы можете отказаться, — начал оправдываться майор, — но с вами старушка будет откровенна, она вас знает.

— Она меня знает заочно по рассказам Надюши, и я её тоже, но, думаю, что я её разговорю. А насчёт вируса не переживайте — я экипируюсь.

— В таком случае я через полчаса у вас.

— Отлично, я жду вас, майор, — я так обрадовалась — дома уже было сидеть невмоготу.

— Глеб, Лидочка! — закричала я, постучав в комнату каждого. — Я уйду через полчаса.

Выскочили оба, и в один голос: «Куда?»

Я им всё рассказала, Лида попросилась с нами поехать: ей надо зайти домой и взять кое-что для Николая, чтобы передать в больницу. Её отец шёл на поправку, и это радовало.

— В таком случае обе наденьте маски и перчатки. Мать, перчатки обязательно — я проверю. Лида, а ты возьми с собой антибактериальный гель и оставь там. У вас в доме его нет, пригодится, — командовал нами Глеб, а мы ему покорно подчинились — он у меня правильный парень, своё дело знает.

Где-то Глеб с полковником нашли маски, перчатки, санитайзер, антибактериальные салфетки. С началом объявления карантина всё это резко исчезло из продажи. Нигде не было ничего, даже в аптеках. Но полковник по своим источникам узнал, где это всё можно купить по спекулятивной цене, и теперь мы затарены. Все необходимые принадлежности лежали у нас в прихожей, и каждый входящий дезинфицировался. А полковник ворчал:

— Я уже дома руки намазал этой дрянью, надо внутрь принять, чтоб все органы хорошенько продезинфицировать. Правда, Глеб?

— Правда, проходите, мама вкусный обед приготовила, заодно и примем лекарство внутрь. И мать заставим, и Лиду.

— Я знаю, что Элла состряпала — она мне позвонила пригласила на обед. Я со своим лекарством?

— Ну зачем? У нас что, нет, что ли? — возмущался Глеб, и так каждый день.

Я переживала, что полковник споит моего сына.

— Да вы что, Эллочка, он же больше 50 грамм и не принимает на грудь! Это капля для него — молодой, здоровый

парень. После обеда полежит немного, а потом опять за свой компьютер — работать.

— Хорошо, полковник, только вы тоже больше 50 грамм не принимайте.

— Я два раза по 50, и всё.

Я соглашалась.

Мы быстренько с Лидой переоделись и ждали майора, он приехал вовремя, как и обещал.

У ворот дома Петровны нас уже ждал её внук, с которым майор заранее договорился. Лидочка пошла в свой родительский дом.

Тамара — сноха Петровны — встретила нас злобным взглядом и даже не ответила на наше приветствие.

— Чего это она на нас, как Ленин на буржуазию, смотрит? — поинтересовалась я у майора.

Он только махнул рукой. Майор предвидел тщетность нашего посещения, а я, наоборот, чувствовала, что Петровна нам что-то да сообщит: интуиция меня редко подводила. Внук провёл нас в комнату к бабушке. Нас встретила чистенькая, в белом платочке с крапинками и в вязаном жилете сухонькая старушка. Она даже привстала с кресла, чтоб нас поприветствовать. Приглушив звук телевизора, она пригласила нас сесть. Комната у неё была очаровательная. Такую я видела только в кино. Кровать заправлена пикейным одеялом, на ней горкой уложены взбитые подушки, накрытые тюлью. Телевизор, уже современный, стоял на старой тумбочке, под ним была кружевная салфетка кипенно-белая, такие же салфетки, только поменьше размером были постелены под каждым горшком с цветами на обоих подоконниках, и такая же скатерть — на небольшом столе. На стенах фото в деревянных рамках. Я как будто попала в детство и, не выдержав, сразу спросила:

— А салфетки и скатерти вы сами вязали? Какая красота, как в сказке!

— Да, сама, милая. Сейчас уж не могу, глаза не те.

— Как ваша комната отличается от других, я просто очарована, Марья Петровна!

— А ты меня знаешь, милая? — Петровна вглядывалась в моё лицо. — Чтой-то я тебя не припомню.

— Бабушка, это к тебе из милиции пришли, поговорить хотят, — вмешался внук, который стоял возле дверей и уходить не собирался — охранял покой своей бабушки.

— И что это такого я сделала? — улыбнулась старая женщина, лицо её осветилось небесным светом, и как будто солнышко появилось в комнате, про такую улыбку говорят «лучезарная».

— Мы по поводу... — начал был майор, но я его перебила, и он смирился: раз взял меня с собой, то пусть терпит, а то ошарашит старушку сразу, как бы ей плохо не стало — она о Надюше ничего не знает.

— Марья Петровна, — начала я издалека, — вы меня, может, и видели мельком у Надюши Земцовой, вашей соседки. Мы с ней дружим.

— Надя мне про всех своих друзей рассказывает, у них и друзей раз-два и обчёлся — недавно к нам переехали, хотя Николай и местный, а Надюша та вовсе москвичка в десятом поколении, — видно было, что Петровна соскучилась по живому разговору. — Что-то Надюши последние дни не видно, может, и приболела, как и Николай... А как тебя звать-величать, милая?

— Элла, — скромно ответила я. — Я про вас знаю, Надя рассказывала, вы вечерами сидите, беседуете.

— То раньше сидели. А как Николай заболел, то не выходит, боится меня заразить. Так как тебя звать? Элла, говоришь? Знаю я тебя. Надя говорила, что книжки пишешь, что в посёлке богатом живёшь, что подруга её дочери по Москве, что друг у тебя ещё есть, сосед, генерал.

— Ох уж генерал, — улыбнулась я. — Полковник сосед, с Николаем дружит.

— Да, да, всё так и есть, с памятью у меня всё в порядке, хоть Тамарка из меня сумасшедшую хочет сделать, злыдня.

— Бабушка, ну хватит, — внук пытался как-то утихомирить разошедшуюся бабушку. А мы с майором молчали, ждали, что дальше будет.

— А что ты меня затыкаешь, внучек? Один ты свет у меня в окошке. Мать твоя — жена сына моего — отца твоего в могилу свела и меня хочет свести. Хотя мне и девяносто годков, но я при уме, слава тебе Господи, — старушка повернулась к иконе, которая у неё стояла на комод, и перекрестилась.

— Мария Петровна, вы только вечером выходите на улицу?

— Да, милая, посмотрю этого Малахова Андрюшу, послушаю про этих дураков, успокоюсь, что есть на свете похуже моей Тамарки, выйду на улицу и сажу полчаса на лавочке возле дома. Сейчас пидемия, много нельзя сидеть, и болтать ни с кем нельзя, вот потому Надька и не выходит на улицу.

— Значит, вы выходите на улицу сразу после передачи «Пусть говорят»? — майор не выдержал, вмешался.

— Минут через пять, милоч, одеваюсь и выхожу, — старушка говорила чётко, продуманно, не путалась.

— А кого-нибудь видели в последние дни?

— Эти дни никого не видела. Никто не ходит. Так я сразу домой, молочко с мёдом выпью — и спать, чтоб Тамаре не мешать по телефону болтать со своими товарками, такими же дурёхами.

— А раньше? Может, кто к Наде заходил?

— Так и спросили бы, что к Наде, — Петровна посмотрела на нас, как на дураков, как на свою сноху Тамару. — Четвёртый вечер назад видела двух врачей, к Наде приходили,

позвонили, она им открыла. Может, они её тоже забрали в больницу, как Николая.

— Они на машине скорой помощи приезжали? — майор быстро задавал старушке вопросы, чтоб она не ударилась в пространные разговоры.

— Нет, пешком пришли, вон с того переулка. Может, машину там оставили, — Петровна старалась складно отвечать

— А почему вы решили, что врачи? Они в белых халатах были? Описать сможете?

— Нет, милоч, не в халатах, а в такой специальной форме, что во время пидемии врачи надевают. У нас в 70-х холера была, не только у нас, по всему побережью, так врачи-пидемиологи, фу ты Господи, выговорила, ходили в таких костюмах, как космонавты, как наш Гагарин любимый. Ох, жалко Гагарина, такой парень был, разбился, не уберегли. Он же к нам в Морегорск приезжал с женой и дочками отдыхать. Хороший человек был.

Я стала судорожно искать на телефоне противочумные костюмы, чтоб показать Петровне.

— Марья Петровна, вот такие? — я показала ей телефон, майор с уважением посмотрел на меня.

— Точно, такие. Умная ты девка, недаром книжки пишешь. И Надька тебя хвалила.

Я аж зарделась от слов Петровны — знайте наших.

— Марья Петровна, лиц вы этих врачей не разглядели, конечно?

— Как тут разглядишь, милоч? На них енти костюмы были, намордники енти, очки. А вот фигуру видела. Даже сквозь костюмы было видно, что один худой, длинный, тощий — дрыщ, одним словом. А другой — колобок просто. Вот как пить дать, Тарапунька и Штепсель.

Я решила, что дальше майор и сам справится, без меня, и, попрощавшись, решила пойти к Лидочке.

— Элла Глебовна, — окликнул меня майор, — я минут через пятнадцать зайду за вами и отвезу домой. А вы мне скиньте, пожалуйста, на ватсап фото врачей в противочумных костюмах, что Марье Петровне показывали.

— Хорошо, Александр Сергеевич, — любезно ответила я и пошла к Земцовым.

Калитка была открыта, дверь в дом тоже распахнута, а Лида сидела на диване, держа в руках фотографию родителей и плакала тихо, беззвучно, даже не обратила внимания, как я зашла. У меня комок встал в горле, но я сдержалась.

— Лидочка, это я, — тихо сказала я, чтоб самой не расплакаться, присела рядом с ней, обняла, она опустила голову мне на грудь и уже зарыдала в полный голос. Я её не останавливала — пусть выплечется. — Лидочка, моя мама умерла, когда я была уже достаточно взрослой, матерью двоих сыновей. Потом потеряла мужа... В общем, вкусила горечь потерь, но всё равно не смогла этого понять и принять, как будто небо рухнуло на землю, так мне было больно. А ты ещё молода, и тебе ещё больше это перенести.

Лида закивала, подняла голову и внимательно посмотрела на меня, как будто ждала каких-то важных слов.

— К сожалению, мы ничего не сможем изменить, и вернуть Надюшу мы не можем — это нам не подвластно. Но помочь отцу выкарабкаться и дальше жить ты можешь. Сейчас твоя цель — отец. Тебе тяжело, но ты иди к своей цели маленькими шажками, устала — отдохни, и снова. Делай всё, что говорит врач, купи нужные лекарства, поддержи его морально, когда он выйдет из больницы. Он уже идёт на поправку. Николай ведь пока ничего не знает о смерти Надюши?

— Нет, Элла, не знает, — горестно произнесла девушка. — Как я ему скажу?.. Он думает, что мама тоже заболела

и лежит в больнице, потому и не отвечает на его звонки (мамин телефон у меня), а я приехала за ними ухаживать, — и Лида опять заплакала.

Я приготовила нам кофе, накрыла чайный стол на троих — ждала майора. И он не заставил себя долго ждать.

— Вот хорошо, попьём чай, пока мой Кузнецов подъедет, — майор сел за стол, сам себе наполнил чашку, взял печеньку — видно, что с утра не ел.

— Вы проголодались, Александр Сергеевич? Когда поедем к нам, я вас покормлю.

— Спасибо, Элла Глебовна, некогда. В управлении что-нибудь перекушу. Сейчас Кузнецов подъедет с ребятами.

— А что вы своего лейтенанта Витю вызвали?

— Элла Глебовна, понимаете, — рассуждал вслух майор, — эти двое в противочумных костюмах пешком не могли бродить по улицам, хотя сейчас дезинфекторы ходят, но они опрыскивают всё вокруг. А эти пришли с переулка и, скорее всего, где-то там оставили транспорт, на котором приехали. Сейчас Витя Кузнецов придёт и опросит всех жителей ближайших домов в переулке, о котором рассказывала Петровна. Молодец старушка, здорово нам помогла. Соседи — это кладезь информации, особенно в нашем деле. Ведь и у Клары Найдёновой соседка подтвердила, что видела двух дезинфекторов в тот день, только рано утром. Соседка как раз в шесть утра собачку выгуливала, когда они зашли в подъезд к Найдёновой. Она из другого подъезда, но видела их, они что-то сказали в домофон, и им открыли. Это они, убийцы, я уверен, — резонно заметил Золотарёв.

Вдруг опять раздались тихие всхлипывания — Лидочка при этих словах заплакала. Она собирала вещи Николая в пакет, и мы не подумали о боли, которую причиняем девушке. Майор

растерялся, стал извиняться, говорил что-то утешительное, обещал, что обязательно найдёт этих нелюдей, а она ещё пуще плакала, как будто её прорвало.

— Лидочка, — успокаивала я девушку, — майор никогда не бросает своих слов на ветер, он этих тварей обязательно найдёт.

Всё, что остаётся нам сказать друг другу в таких случаях, — это слова поддержки.

Хорошо, что в вовремя зашёл Витя Кузнецов, помощник майора. Тот вышел с ним, о чём-то долго говорил, отдавал приказы ему и другим оперативникам. А потом позвонил мне и сказал, что ждёт нас. Майор подвёз нас и сразу уехал. Это только в кино так ловко и быстро расследуются убийства, и кажется, что ты тоже можешь расследовать это дело, что ты самый умный. В жизни это кропотливый, а порой неблагодарный труд, и чтобы докопаться до истины, надо пройти семь кругов ада.

Вечером Лида с полковником съездила в больницу, поговорила с врачом. Николай достаточно быстро шёл на поправку, несмотря на сопутствующие заболевания. Человек — это не только тело, это ещё и дух. Когда тело сильнее духа, тогда дух покидает брэнное тело. А вот когда дух сильнее тела, то он смеётся: «Живи, тело. Сколько тебе лет? Не сто же тебе, так ещё живи!» У Николая Земцова был сильный и здоровый дух.

Поздним вечером Лиде позвонил Роман — бывший муж — и сказал, что его задержали на 72 часа до выяснения обстоятельств, а напарника и по совместительству друга детства оставили на свободе под подписку о невыезде.

— Вы понимаете, Элла, Рома никак не может быть убийцей и грабителем, не такой он человек, он безвольный, слабохарактерный. Я вообще часто думаю: зачем выходила за него замуж? Что тогда на меня нашло? И зря майор Золотарёв его

арестовал, — Лидочка пыталась меня убедить, что взяли не того человека.

— Лида, его же не арестовали, а задержали до выяснения обстоятельств. Александр Сергеевич знает, что делает. Невинного человека он не посадит, поверьте мне, — я пыталась донести до Лиды, что майор — профессионал и хороший человек, и это истинная правда.

Хоть и было уже поздно, я всё-таки решила позвонить полковнику.

— Элла, я так рад, что вы позвонили. Что случилось? — то ли обрадовался, то ли испугался полковник. — Вы же сами никогда не наберёте мой номер. Я же недавно был у вас, всего часа три прошло. Что случилось? Говорите поскорее, — не давал мне слова вставить сосед. — С Николаем что-то? Мы же с Лидой были в больнице, врач говорит, что он идёт на поправку.

— Ну что вы так всполошились, полковник, я не могу вам уже и позвонить? — кокетничала я.

— Эллочка, я мечтаю услышать ваш ангельский голос, — разлился сахарным сиропом соседушка, — Это моя мечта слышать всегда вас, просто я удивился.

— Я хочу с вами посоветоваться. Сейчас Лиде позвонил Роман, её бывший муж, и сказал, что Александр Сергеевич его арестовал на трое суток, и просит, чтоб Лида ему нашла адвоката.

— Ну, не арестовал, а задержал до выяснения обстоятельств. Сашка зря не упечёт его в СИЗО. Кстати, он мне тоже не нравится, этот бывший Лидкин муж. Скользкий тип какой-то. А адвокат зачем? Ему же не предъявили обвинение?

— Я то же самое говорю Лиде, а она заладила, что Роман не такой, что она чувствует ответственность за него, что она просила его присматривать за мамой, пока отец в больнице.

— Лидка его любит, что ли? — удивился полковник.

— Нет. Просто беспокоится. Он её однокурсник, друг.

— Сейчас Сашке звонить не буду, а завтра позову его и всё у него узнаю.

— А вы с ним приходите к нам на обед или ужин — как у майора получится.

— Ой, Элла, синьорита-детектив, интересно всё. Всё узнать хочет, — полковник всё пытался со мной заигрывать, но я пожаловалась на усталость и попрощалась с ним.

Я и в самом деле устала, день был тяжёлый, морально я истощилась и пошла к себе. Утро вечера мудренее, говорят в народе. Эта наивная вера человека в то, что утром пройдут все беды, что чёрные мысли осветлятся солнечным светом, была смешна, и все понимали, что реальность не такова. Но также мудрое изречение у древних иудеев: «При всех неразрешённых проблемах ложись спать» вселяет надежду, что накопленная мудрость народов в чём-то поможет нам.

Утром сразу после завтрака Лида поехала в больницу, никого не стала беспокоить, я ей вызвала такси. Николаю разрешили пользоваться телефоном (лечащий врач вернул его), и он тут же позвонил дочери попросил зарядку. Я отварила кусочек домашней курочки. Вообще куриный бульон называют еврейским пенициллином. Раньше я всегда удивлялась: почему это моя еврейская бабушка, как только мы с сестрой заболели, сразу отправляла маму на рынок, чтоб купить хорошую курочку, и поила нас куриным бульоном? Потом, когда уже сама родила, я поинтересовалась у врачей, и они мне подтвердили, что это самый полезный бульон при простудных заболеваниях. Немного фруктов, немного овощей — Коле сейчас нужны витамины. Земцов сказал дочери, что сам потихоньку передвигается по палате и подойдёт к окну. Девушке не терпелось увидеть отца. Но прежде нам нужно было продумать достоверную версию

о Надюше и сообщить её друзьям. Я знала, что Коля сразу начнёт звонить полковнику и Сергею Золотарёву. Решили пока сказать Николаю, что Надя тоже заразилась этим проклятым вирусом, лежит в другой больнице, а её телефон у дочери, и Лидочка является связующим звеном между ними. Я тут же позвонила полковнику и озвучила эту версию, а Лида — Людмиле Семёновне. Николаю нельзя волноваться, надо ещё окрепнуть. Скоро его переведут из реанимации в обычную палату, потом он сдаст с интервалом в неделю два анализа на антитела, а затем уже домой. Это продлится как минимум месяц. А когда Николай вернётся домой, тогда уже всё сам и поймёт.

После обеда мы с Лидой вышли на прогулку к морю. На дворе стояло южное запоздалое бабье лето. На море был полный штиль. Лида позвонила в Москву, продлила отпуск за свой счёт, потом попросила внеочередной рабочий отпуск. Она ещё не знала, как будет жить дальше. А пока надо было привезти отца домой, поставить маме надгробный памятник.

В маленьких городках время течёт медленнее и определяется совсем другими категориями. Время — это то, что нельзя купить ни за какие деньги. Его нельзя вернуть, повернуть назад. А Лида всё думала и переживала об ушедшем, утёкшем сквозь пальцы времени, о том, что она не смогла уберечь мать и не была рядом с родителями в их самое трудное время. Уверяла меня, что отца никогда не оставит одного и будет жить с ним там, где он захочет, и я ей верила.

Полковник позвонил и сказал, что он с майором придёт после восьми вечера и что Николай уже ему звонил. Мы с Лидой поспешили домой, чтоб приготовить лёгкий ужин.

— Эллочка, — голос полковника в трубке звучал нежно, не как у солдафона, — Сашка только после девяти может освободиться. Не поздно?

— Нет, конечно, мы вас ждём и не будем ужинать. Лида переживает за Рому, да и я сгораю от любопытства.

— Что вы ждёте новостей от майора, я знаю, — хохотнул полковник, — но, по-моему, ему Лида приглянулась.

— Да, уважаемый полковник, я любопытничаю, но ведь я пишу детективы, распутываю мною же придуманные убийства, а тут вот перед глазами наглядный пример, и мне очень интересно, — отчитала я ни в чём не повинного полковника.

Он аж стал заикаться:

— Эллочка, вы что, я не хотел вас обидеть! Я вас так уважаю, вы, можно сказать, самая моя женщина, ииии яая вас... вас... вас...

— Всё, полковник, ясно, не надо продолжать. Ждём вас обоих к девяти, — прервала я любовную лирику соседа и рассмеялась. Хорошо, что он уже не слышал мой иронический смешок.

Мужчины пришли после девяти, я смотрела программу «Время» — всё переживала за заболевших. Умирали не только пожилые, но и молодые, протокол лечения ещё не разработан, каждый лечит как может. Это только начало первой волны, и что нас ждёт в будущем, страшно подумать. У каждой пандемии обычно бывает три волны, и самая опасная — это вторая, когда люди расслабляются и не соблюдают меры предосторожности. В Москве много заболевших, я очень переживала за детей. И встречать гостей вышла в подавленном состоянии. Они сразу это заметили.

— Что случилось, Элла Глебовна? — майор сразу почувствовал моё настроение.

— Переживаю за своих в Москве. Ещё сноха в положении...

— Я тоже за своих детей переживаю. Всё будет хорошо, Эллочка, — тут же вмешался полковник, протянув мне три очаровательные розы, — всё наладится, не надо об этом

думать. Это вам прекрасные розы, такие же красивые, как вы, — пытался он меня умаслить.

Я улыбнулась и забыла уже, что обижена на него. Старую, видно, раз дифирамбы растопили моё сердце.

Лида уже хозяйничала на кухне. Позвала Глеба, он отказался. Пока мы ужинали, разговор шёл о вирусе, о госпиталях, о вакцинах и международной обстановке, никто не заговорил о Роме и о деле, которое расследует майор Золотарёв. Когда уже был накрыт чайный стол, разговор завела я:

— Александр Сергеевич, вы арестовали Романа, бывшего мужа Лидочки. Она переживает, всё-таки он её однокурник, и она к нему относится как к другу. Он ей звонил, понимаете?

— Не арестовал, а задержал, — майор явно недолюбливал Романа.

— Вы знаете, Александр Сергеевич, — пыталась достучаться Лидочка до майора, — я очень хочу найти этих разбойников, ведь из-за них мамино сердце разорвалось, но я точно знаю, что это не Ромка. Он не способен на такое.

— А что вы так за него хлопчете, Лидия Николаевна? — разозлился Золотарёв. — А вы знаете, что в этом нападении на дом ваших родителей его вина есть, и он хоть косвенно, но причастен. И если бы я его не забрал, он бы до сих пор не признался в своей пьяной болтовне и наводке, хоть и не умышленной. Никчёмный человек этот ваш муж.

— Он мне не муж, с ним я прожила всего пять лет, а остальное время просто как друзья, — почему-то стала оправдываться Лида. — Неужели он мог нанести маме вред? Мои родители столько для него сделали хорошего.

— Помните, Элла Глебовна, когда мы с вами были у соседки Петровны, я вызвал Витю Кузнецова. Так вот, Витя и его ребята нашли машину, на которой приехали преступники, прочесали всю улицу, опросили всех соседей. Машина

засветилась на камерах соседей. Это старые «Жигули» — копейка белого цвета. И эти двое парней в костюмах дезинфекторов вышли с этой машины. Автомобиль, к сожалению, был без номеров.

— Костюмы дезинфекторов? — удивилась я. — А я думала, что это противочумные костюмы.

— Они похожи. Но их давно нет в нашем городе, и не только в Роспотребнадзоре, но и на складах гражданской обороны. Зато работает много служб дезинфекции, клининговых служб, которые обрабатывают поверхности лавочек, остановок, учреждения, подъезды и много чего ещё.

— А Роман тут при чём?

— А Роман ваш любимый, — почему-то майор обратился ко мне, я сделала вид, что не заметила его иронии, — приезжал точно на такой машине к Земцовым, вернее, его подвозили. Петровна видела.

— Хм... При мне она об этом не говорила...

— Вы ушли, а она вспомнила.

— А почему вам это Рома не сообщил? — тихо произнесла Лида. — Что в этом страшного? Таких машин много.

— Он этого мог не говорить. Но почему он мне не сказал, что по пьяни выболтал людям о том, что у вашей мамы есть раритетные драгоценности дома, и не только этим ребятам? Его напарник и друг детства знал об этом давно.

— У него есть такая привычка. Как напьётся, болтает что ни попадя. Неужели Рома напал на маму? Просто не могу в это поверить.

— Успокойтесь, это не Рома и не его друг детства из Долгопрудного. У них стопроцентное алиби. В тот день они были в своей комнате, в пансионате. И охранник их видел, и уборщица, и камеры пансионата их не зафиксировали вечером. Они как пришли в обед с магазина продуктового, где закупились, убрали территорию (они так подрабатывают),

так и сидели в комнате, телевизор смотрели. Там всё чётко. И вашего Рому я завтра отпускаю.

Нам пришлось чуть ли не клещами вытаскивать из майора каждое слово. Он даже посмеивался над нами.

— Власть поменялась, теперь вы мне тут допрос устроили.

Но вот что мы узнали. В пансионате, на пляже которого ребята работали спасателями, проходила практику студентка из медицинского колледжа. Очень много девочек Морегорска и прилежащих станиц учатся в этом колледже (раньше это называлось проще — медучилище). Так вот, девочку звали Алла, она как-то Роме сделала перевязку, когда тот поранился, снимая с острых камней маленького ребёнка. Так они и подружились. Она приходила к ним в комнату иногда, они болтали, слушали музыку. Никаких любовных отношений у них не было и не могло быть, так как у Аллы был друг, они из одной станицы и очень любили друг друга. Видно было, что у ребят чистые отношения. Влюблённые ждали, когда Алле исполнится 18 лет и они смогут пожениться. Димка — её друг — был на пару лет старше Аллы, работал таксистом иногда, выучился на автослесаря и подрабатывал у своего соседа, помогал ему. Парень приезжал иногда на старых «Жигулях» своего деда и забирал Алку с работы. К Роману парочка тоже иногда заходила вместе. Дима приносил с собой пиво, когда Алла дежурила, и оставался до утра, спал на полу, машина стояла на стоянке пансионата, а утром забирал Алку, и они уезжали домой. В один из дней, когда Николай Земцов угодил в больницу, Роме позвонила Надежда и попросила прийти. Романа тогда подвёз Дима, он знал, что бывший тесть приятеля в больнице, и тот едет помочь теще. Надо было купить продукты и бытовую химию в супермаркете. Надежда находилась на самоизоляции. Дима подвёз Романа, подождал его, они съездили

в супермаркет, всё привезли Надежде, и уехали. Но Рома признался, что, когда Дима жаловался на свою судьбу, а они были втроём в комнате, без Аллы, он похвастался своими бывшими родственниками, рассказал о тесте, и о тёще-дворянке и о её гарнитуре драгоценном с царскими вензелями. Мало того, что Рома хвастался не своими достижениями и благородным родом, он подверг опасности людей. Он скрывал факт своего знакомства с парнем, который подвозил его, знал дом Земцовых, а ведь любая мелочь важна в таком деле. Он только повторял бесконечно, что не замешан ни в каком криминале — очень боялся, что его заподозрят в чём-то противоправном. Мы часто относимся к людям лучше, чем они того заслуживают. Хорошо хоть он запомнил марку и номер машины Димы. Авто было оформлено на старого человека, и, как оказалось, это был дедушка Димы. Золотарёв со своими ребятами узнал это от Аллы. Девушку найти не составляло никакого труда, все её данные были в отделе кадров пансионата.

Алла жила в большом хорошем доме вместе с родителями, бабушкой и младшей сестрой. Всех страшно удивил приход сотрудников полиции. Сразу видно было, что это из ряда вон выходящее событие. Мама Аллы позвонила отцу, и тот сразу же приехал — он работал в станице. Родители были напуганы и одновременно удивлены. Отец предположил, что дочь угодила в какую-то историю из-за Димки. Бабушка его успокаивала. Алла рассказала всё то, что сказал и Роман. Когда её расспрашивали, присутствовали родители — девочка ещё несовершеннолетняя. Они немного успокоились. И отец сказал, что сам поедет и покажет, где живёт и работает Дима. Запретил Алле даже разговаривать с возлюбленным и упрекал жену в том, что она не может поговорить с дочерью и объяснить, что этот Димка ей не пара. Он просто не понимал, Алкин отец, что доверие воспитывает

больше, чем постоянный контроль. Аллочка плакала и всё твердила, что Дима хороший и она выйдет за него замуж, как только ей исполнится восемнадцать. Что тут поделаешь, Ромео и Джульетта местного разлива.

Дима оказался среднестатистическим сельским парнем, с бедным лексиконом, с желанием иметь деньги, но нежеланием их заработать. Жил в старом саманном доме с дедушкой и бабушкой, которые, как могли, кормили парня, пока деда не скосил инсульт. До этого старик помог парню получить права, беседовал с ним, пытаясь направить на путь истинный. Дима стоял на учёте в отделе по делам несовершеннолетних. И если в станице совершалась какая-нибудь мелкая кража или ещё что-нибудь противозаконное, участковый являлся за парнем. Отец Димы, сын дедушки и бабушки, в очередной раз сидел в тюрьме, и все его преступления были связаны с пьянством. Мать-алкоголичка уже давно была лишена родительских прав, и её лет десять никто не видел. У них были старые «Жигули», ключи от которых бабушка дала внуку. Вот этот самый автомобиль и оказался в поле зрения оперативников. Он был зафиксирован на записях видеокамер соседей четы Земцовых, и из него выходили убийцы-дезинфекторы, направляясь к дому Надюши. В то, что именно они были этими грабителями и убийцами, никто не сомневался — время смерти Надюши и их прихода совпало. И хоть с машины дезинфекторы и сняли номера, отличительная черта машины была чётко видна. На переднее зеркало Дима навесил несколько талисманчиков в виде чертей и сердечек. И их преступники не сняли, просто не догадались, видимо. И машину, и Диму опера забрали в отдел. Как же рыдала бабушка и Алка! Они не знали, в чём дело, но понимали, что Димка совершил что-то ужасное. Только родители Аллы вздохнули полной грудью: наконец-то этого урода забрали, ему место там, где его папаша отдыхает. Но

они ошибались: у Димы было стопроцентное алиби — он помогал в это время соседу ремонтировать чужую машину, и данный факт подтвердили несколько человек, в том числе хозяин сломанной машины. Он видел Диму, потому что сидел на лавочке у дома соседа и ждал, а время чётко фиксировал, так как опаздывал. Сейчас только Дима мог сказать, как машина оказалась и недалеко от дома Земцовых, и на стоянке рано утром в день убийства Клары Найдёновой. Но парень молчал.

Глава 9

В периоды обострения болезни Клара Найдёнова надевала один из своих многочисленных спортивных костюмов и выходила на набережную. А костюмы у неё были качественные, сын её баловал. Так как мать ничего больше не носила, Богдан ей покупал разные спортивные костюмы — и зимние, и летние, — чтоб мать одевалась хотя бы по сезону. Клара садилась на лавочку у самого людного места и просила милостыню, только на лекарства. И покупала их, у неё дома была гора лекарственных средств первой необходимости. Когда у Клары наступала ремиссия, она как будто просыпалась ото сна, раздавала лекарства соседям, относила в свою больницу. Контроль за своей мамой и карточку с денежными средствами Богдан поручил соседке — они жили на одной лестничной клетке более 40 лет и дружили с Кларой, а ещё эта соседка была коллегой отца. Пенсионная карточка «Мир» находилась у Клары, и в периоды ремиссий она сама ходила оплачивала коммуналку, делала покупки.

За неделю до смерти у Клары опять началось обострение, толчком стали бесчисленные новости о пандемии по всему миру, страшилки, которые показывали по телевизору. Соседка сказала об этом Богдану, но обещала присмотреть за Кларой, что всегда и делала. Соседка была добрым, милосердным человеком. По набережной прогуливались самые отчаянные, которые не боялись полиции и штрафов — был введён карантин в городе. Прогуливались пенсионеры с хроническими заболеваниями — им был просто необходим свежий воздух, влюблённые парочки, одинокие люди с собачками и Клара. Она делала один круг вокруг каскада

фонтанов (а они, как ни странно, работали), потом присаживалась на одну из лавочек и начинала просить милостыню, только у кого — непонятно: одна дворничиха и слышала её, иногда присаживалась и вела с ней беседы. Две старые, побитые жизнью женщины... Вот дворничиха и сказала, что видела, как пару раз к Кларе подсаживалась парочка молодых ребят, они беседовали с ней, а иногда и прогуливались вместе. Лица парней она плохо разглядела — не вглядывалась, — но рост, фактуру могла описать. Они совпадали с данными дезинфекторов, которые в то злосчастное раннее утро звонили в домофон подъезда Клары и приходили к Земцовым. Витя Кузнецов прошерстил все ближайшие кафе и магазины, где были установлены видеокамеры, и на записи в одном из бутиков чётко было видно, как Клара с двумя молодыми людьми прогуливается до дома, они мило беседуют, и её провожают до подъезда. Отчаянные ребята или глупые...

— Этих парней знаете? — майор предъявил фотоснимки, сделанные с видеокамер, Роману.

— Нет, — Роман покачал головой, — никогда не видел.

— Я тоже, — чуть запинаясь, ответил Дима, опустив глаза.

Майор устроил им перекрёстный допрос. Ему надо было срочно найти фигурантов этих двух дел. Он прекрасно понимал, что убийцы этими двумя инцидентами не успокоятся. Награбили они очень мало, а деньги нужны — время сейчас самое подходящее для преступлений: народ и так напуган этим смертельным вирусом и верит всему, что им скажешь, лишь бы избежать этой страшной болезни.

— Дима, как же ты их не знаешь? Зачем врешь? Они были на твоей машине, и даже два раза, когда приезжали к месту преступления. Они убийцы, а ты их покрываешь, — майор решил не давить на парня, а потихоньку выведать у него всё, что тот знает, иначе замкнётся в себе. Парень

молодой, соблюдает какие-то неписанные законы воровской чести, навязанные ему старшими: «Никого не закладывай, всегда тверди: не знаю, не видел, не слышал».

— Дима, ты можешь покрывать их сколько хочешь, но если ты думаешь, что эти убийцы тебя защитят, то ошибаешься — они сразу всё свалят на тебя.

— Убийцы? Я при чём, я никого не убивал! Вы что на меня вешаете?

— Ты мне тут не благуй! — не выдержал Кузнецов. — Вот эту женщину знаешь? — он показал на Клару на фото.

— Знаю, — Дима внимательно посмотрел на фото, — её весь город знает, она милостыню просит всегда на лекарства. Все говорят, что она богатая, но больная.

— Вот твои друзья её и убили, — продолжал Кузнецов. Майор кивнул ему, чтоб он продолжал, а сам подошёл к окну, приоткрыл немного и закурил, глядя на улицу.

— Они мне не друзья, — зло сказал Димка.

— А кто они тебе? — майор резко повернулся в сторону Димки. — Приятели, знакомые?

Димка замолчал и не отвечал — ушёл в себя, как говорится.

— Роман, — обратился Кузнецов к Роме, — подвозил вас Дима к дому ваших бывших родственников Земцовых?

— Да. Я вам уже говорил об этом.

— Вы рассказывали Диме про то, что у вашей тёщи есть очень дорогой антикварный драгоценный гарнитур?

— Да. Идиот я, по пьяни разболтал.

— Я никуда не ездил с Ромкой, — решил всё отрицать Дима.

— Дима, видеокamеры в супермаркете зафиксировали, как вы с Романом подъехали к супермаркету, вдвоём ходили по магазину, закупились и вместе уехали, и соседка видела вашу машину.

— Ну, был с ним у тёщи, домой не заходил. Ждал в машине. По-дружески помог. Но я никого не убивал, — Димка дёргался, никак не мог усидеть на стуле, попросил сигарету у Кузнецова, тот ему дал. — Никого я не убивал, честное слово.

— А кто убил? Слушаю тебя, — майор выбросил недокурную сигарету в окно и сел за стол — Я тебя слушаю.

Димка молчал.

— Вот вам ваш паспорт и заверенная справка о том, что вы свободны. Ещё подписка о невыезде, подпишите, — майор протянул Роману. — Внизу получите ваши вещи, лейтенант проводит вас.

Дима остался в кабинете один с майором. Обиженный на жизнь, обделённый родительской любовью и лаской. Но ведь на свете есть миллионы детей, у которых нет таких чудесных дедушки и бабушки, компенсировавших ему любовь поганых родителей. Его любит прекрасная, чистая девушка. Чего ему не хватало, что он пошёл на поводу у преступников? Это он им наверняка рассказал о Надежде Земцовой и её баснословных богатствах. Что творится в голове у этих моральных уродов?..

Майор долго беседовал с Димкой. Но тот, как попугай, заладил только одно: «Ничего не знаю». Зашёл Кузнецов, злился, понимая бессилие — без Димки этих уродов они не найдут, — и предложил майору побеседовать с парнем своими методами, и тогда он заговорит. Майор отказался: он хотел, чтобы Дима сам осознал, что он совершил, и соскочил с этого скользкого пути по доброй воле, поняв, что заработать деньги можно и честным путём, своими руками и головой. Золотарёв решил применить в отношении Димы тяжёлую артиллерию в лице хрупкой девушки Аллы. Только она могла убедить парня всё рассказать.

Майор поехал в станицу, к родителям Аллы, объяснил им, что их дочь должна поговорить с Димой один на один. Отец

взвился ужом, нервничал, кричал, что она несовершенно-летняя и родители должны присутствовать при разговоре.

— Послушайте меня, — злился майор, но старался держать себя в руках, — при вас Алла не будет раскованна и откровенна, она не сможет уговорить Диму разговориться, а уж при вас он точно и слова не скажет.

Но отец Аллы упёрся, как осёл, и не сдавал своих позиций.

Майор встал, внимательно посмотрел мужчине в глаза и твёрдо отчеканил:

— Если на днях убьют ещё одну пожилую беззащитную женщину, это будет на вашей совести, и как с этим жить, вам решать, — и Золотарёв пошёл к входу. — И вообще, это уже статья — воспрепятствование следствию. Подумайте над моими словами.

Мама Аллы, молчавшая весь разговор, тихонько ойкнула и расплакалась. Майор медленно шёл к машине, по дороге сделал нарочно пару ненужных звонков, выжидая. Интуиция его не подвела. Золотарёв обладал невероятной интуицией. Каждый из нас не лишён её, только надо прислушаться к своему внутреннему голосу. Майора догнала мама девушки.

— Александр Сергеевич, вернитесь, пожалуйста, Аллочка вас ждёт.

С девушкой он говорил наедине.

Родители ждали Аллу во дворе отдела. Отец нервничал, ходил туда-сюда, курил. Майор дал девушке пятнадцать минут на беседу с Димой. Они говорили в кабинете у майора. Ровно через пятнадцать минут Алла вышла и позвала майора в кабинет.

Посмотрев ещё раз на возлюбленного, девушка коротко и ёмко сказала: «Дима всё расскажет», и вышла.

Майора мы последние несколько дней не видели. Людмила Семёновна Золотарёва пригласила нас на девичник,

или как мы, смеясь, говорили на «на файв о клок», на чаепитие. К чаю Людмила Семёновна испекла пирог с изюмом, штрудель, печеньки, пирожки с разной начинкой — столько всего вкусного, что глаза разбегались.

— Вы что это магазинный торт принесли? Я же вам говорила, Элла: ничего на надо, — выговаривала нам она. — Я напекла сама.

— Людмила Семёновна, вы же знаете, я с тестом не дружу, печь, как вы, мне не дано. На это талант надо иметь. Ну не ругайте нас, маленький Серёжка съест.

— И большой Серёжка съест, он не отстаёт от маленького. Я знаю, Элла, что вам нельзя много мучного и сладкого, печеньки с корицей я сделала на сахарозаменителе, специально в супермаркет пошла купила.

— Людмила Семёновна, не надо было так беспокоиться. Мне даже неловко как-то. Но вино мы захватили классное, португальское, вкусное. Будем пить.

— Конечно, будем.

Лида чувствовала себя неловко.

— Лидочка, — засуетилась возле девушки Людмила Семёновна, — не стесняйся, детка. Мужчин дома нет. Муж с внуком пошли прогуляться к морю, сын целыми днями на работе. Ничего, что я с тобой на «ты»?

— Конечно, Людмила Семёновна, ближе вас и Эллы у меня никого здесь нет, — девушка ещё больше засмузилась.

Лидочка хвалила пирожки. Людмила Семёновна обещала научить её делать такое, так называемое «хрущёвское тесто» на пирожки. Мы сидели, беседовали, время незаметно тикало. Но тут вдруг Лида заговорила:

— Знаете, мама всегда говорила, что счастье надо приносить в мир разумно. А я поступила неразумно, выйдя замуж за Ромку. Только потому что все подружки уже замужем. И мама была права. Но она всегда сетовала, что я не родила,

переживала по этому поводу, — Лида торопилась нам высказаться, и мы её не перебивали, терпеливо слушали. — Но зачем рожать детей? Из любви к ним? Чтоб обрекать их на страдания, на муки адские? Это хорошо, что у нас не получились дети, да ещё с этим Ромкой, потом будут страдать, как я сейчас, — и девушка заплакала тихо, без звука, только слёзы текли у неё по щекам.

Я с Людмилой Семёновной переглянулись. Утешать Лиду не стали.

— Нет, Лида, ты не права, — твёрдо сказала Людмила Семёновна. — Дети — это Божье благословение, это родительская отрада, это дорога в вечность для мамы и папы. Если бы тебя не было, ты представляешь, что стало бы с Николаем? А сейчас он выйдет из больницы, узнает про Надюшу, ему будет очень больно, но рядом будешь ты, его любимая дочь, которая его утешит.

Лидию как будто прорвало, она зарыдала в голос, прямо сидя за столом. Мы не стали прерывать её рыдания — пусть наплачется, освободит свою душу, которая наполнена слезами и стала тяжела.

Я подала ей водички. Людмила Семёновна с кем-то переговаривалась по телефону.

— Сил нет, Элла, — вздохнула Лида.

— А тебе сейчас нужны силы, Лидочка. Скоро папу выпишут. А родишь ты обязательно. Просто Рому ты не любила. А от любимого сама захочешь родить, — говорила я со знанием дела.

— Сомневаюсь, — печально произнесла Лидочка.

— И не сомневайся, — Людмила Семёновна присоединилась к нашему разговору. — Лидочка, пока мужчины не пришли, расскажи нам о своих планах. Николай выйдет, ты его в Москву заберёшь? Или здесь останется один?

— А кто должен прийти? — Лида заинтересовалась.

— Сын должен подъехать — по своему сыну соскучился. Я мужу позвонила, чтоб и он с Серёженькой подошёл. Кстати, Элла, Саша просил, чтоб вы его дождались. Он вас сам домой отвезёт. Лидочка, ну что ты решила?

— Папа в Москву не поедет ни за что. Скажет: «Маму здесь не оставлю». Да и слаб папа очень. А я его не оставлю. Сейчас решу вопрос с установкой памятника — хочу, чтоб на сороковины уже стоял. Поговорю с папиным врачом, чтоб его подержали в больнице, пока я полечу в Москву, решу вопрос с работой, квартирой. Наверное, я уволюсь. Буду жить здесь, с папой. Эпидемия только началась, это первая волна. А там и вторая не за горами. Я через несколько дней полечу в Москву. Решу все вопросы с квартирой, работой, возьму вещи и приеду.

— Ну что ж, разумное решение, — в один голос с Людмилой Семёновной сказала я.

Пришли все мужчины одновременно. Было весело, шумно. Звонил Глеб, сухо поинтересовался, где мы, и сказал, что заходил полковник. Узнав, что мы у Золотарёвых, сосед обиженно сопел в трубку. Людмила Семёновна взяла у меня телефон и успокоила его.

— Ну как ребёнок, — усмехнулась она. Я расхохоталась во всю мощь своего голоса.

— Точно, Людмила Семёновна, точно, — ржала я, словно молодая кобылка.

Майор отвёз нас домой и предупредил Лиду, чтоб она ему заранее сообщила, когда летит в Москву.

Глава 10

Дима сидел в СИЗО. Аллочка навещала его каждый день тайком от родителей, приносила еду, сигареты и передачи от бабушки. Майор это обещал девушке в приватном разговоре. Димка никого не убивал, но машину свою дал этим преступникам, и наводку на дом Земцовых тоже. Парню грозил срок. Что эти ребята убийцы, майор не сомневался. Но кто они и где их найти? Информация по этим упырям была минимальная. Дима сообщил, что знал. Майор боялся, что они ещё что-то совершат или залягут на дно, если узнают, что Диму повязали. Но отпустить парня Золотарёв не собирался — он являлся сообщником. Алле майор сказал, что, пока не найдут этих фигурантов обоих дел, её возлюбленного не отпустят. Пришлось для всех придумать другую версию о Димином аресте. Якобы он снял с чужой машины аккумулятор, поэтому сидит. Эту версию озвучили всем, с кем Дима непосредственно был связан не только по работе, а также и домашним, и соседям, и даже Алкиным родителям. Только Алла знала правду: ей рассказал Дима. Потом она ходила в пансионат к Роману и его другу узнать, почему интересовались ими. В сердцах Роман обругал Диму последними словами и обещал ему голову свернуть, если не найдутся эти грабители-убийцы. Алла рыдала и тайком бегала к бабушке Димы.

— Аллочка, — как-то бабушка тихо сказала ей, чтоб дед не услышал, — тут ко мне двое ребят приходили, про Димку спрашивали.

— Вы их знаете, бабуля? — встрепенулась девушка.

— Куда там, — с отчаянием пробормотала бабушка, — первый раз вижу. Не наши, не поселковые. Может, таксуют

с Димкой. Культурные, вежливые. Уже знают, что Димку посадили. Им сосед сказал. Всё сокрушались, выпрашивали, что да как.

— И что вы им сказали? — Аллочка побледнела даже.

— А что я скажу? — бабушка даже отмахнулась от такого вопроса. — Правду, детка, только правду.

— Какую правду?

— Аллочка, кушай пирожочки, вот с капусточкой, а треугольные — сладкие. Ты так побледнела, деточка. Сволочь мой Димка, сволочь. Мы с дедом всё ему отдали, разве только душу сатане не продали. А он кумуляторы с чужих машин снимает. Зачем, скажи мне? Две наши пенсии, и он работает, и огород большой. Неужто честно нельзя жить? — запричитала бабушка.

— Вы так и сказали им?

— Так и сказала, как есть, как мне этот милиционер говорил. Аллочка, а родители знают, что ты ко мне ходишь? Не разрешают, небось?

— Нет, бабуля, не знают. А бабушка знает. Вы не говорите маме, если вдруг увидите, — Аллочка натянуто улыбнулась.

— Хорошо, деточка. Повезло этому балбесу Димке. Вот горе-то. За что нам с дедом это?.. — опять начала причитать бабушка.

Алла еле-еле добилась от бабушки описания этих ребят, узнала, что они пошли на трамвайную остановку: бабушка вышла их проводить за ворота и увидела, как они помчались, когда издалека увидели трамвай. А остановка была недалеко от их дома.

Аллочка сорвалась и побежала, забыв пакет с пирожками, что бабушка ей дала.

— Дядя Вася, — запыхавшись, девушка прибежала к соседу, которому Димка помогал, — дядь Вася, вы где?

— В яме я, — откликнулся сосед, — не видишь — машину делаю сам. Твой Димка отчебучил и сел, негодай, — незлобливо ворчал он.

— Дядя Вася, — Алка присела на корточки и говорила в яму, — к вам ребята приходили, спрашивали Диму?

— Приходили двое, вежливые такие. Один — дрыщ, другой — колобок. Спрашивали, искали его, переживали, когда сказал, что повязали их дружка. Всё интересовались, что да как. Говорят, что вместе таксуют в этой фирме, где Димка работает. Умный парень же Димка, руки золотые. Ну зачем ему этот сраный аккумулятор понадобился?

— Как зовут их, не сказали?

— Нет, Алла, не сказали. Я их к бабушке Димкиной направил. Надо было этому менту позвонить, он же просил, если кто придёт.

— Не надо, дядя Вася. Я сама позвоню, даже схожу в отделение полиции.

— Хорошо, Алла. Не забудь только.

— Не забуду. Спасибо, — и Аллочка побежала дальше на трамвайную остановку.

Есть вещи, которые уже не вернуть: слова, поступки. Они сделаны, и человек несёт за них ответственность. И Алла понимала, что Дима уже совершил этот подлый поступок, но она знала и то, что для него это будет уроком на всю жизнь и больше он никогда не совершит ничего противоправного. Она его любила и чувствовала как саму себя. Алла решила облегчить участь Димы и самой найти этих ребят. Как она собиралась это сделать, она ещё сама не понимала, но, тем не менее, майору Золотарёву о визите этих двух упырей пока не сообщила. Сев в трамвай (а к ним в посёлок шёл только один маршрут и один вагон курсировал туда-сюда), Алла решила проехаться по этому маршруту несколько раз, выискивая этих ребят. Она надеялась, что всё-таки где-то узреет

их. В городе, как и во всей стране, был введён режим самоизоляции, в трамвае было очень мало пассажиров, и кондуктор обратила внимание на эту милостивую девушку, совершающую уже второй круг. Кондуктор, полная добродушная женщина, хотела предложить свою помощь, Алла сначала воспротивилась, а потом поняла, что надо воспользоваться её добротой и узнать об этих ребятах. Сочинив целую легенду и пустив слезу, девушка узнала, что эти ребята вышли на конечной остановке. Кондуктор обратила внимание на них, они были такой комичной парой, да и людей сейчас совсем нет — карантин. Алла бурно благодарила кондуктора, искренне, от всей души, и даже обняла её. Женщина махнула ей вслед рукой, радуясь, что хоть кому-то помогла в это злобное время. Люди были злы, как волки, испуганы, как трусливые зайцы. Вирус страха поработил людей, довлел над каждым, как дамклов меч.

Микрорайон «Высокий берег» состоял из десяти двенадцатипятиэтажных домов, которые уже были заселены, и прирастал вновь строящимися. Во дворе двух больших зданий, выходящих на оживлённую трассу, была построена заправка, заезжали и выезжали машины. Рядом благоустроили две детские площадки, и, надо сказать, неплохие: дети играли, катались, мамочки и бабушки сидели на лавочках и мило беседовали. Два крупных сетевых продуктовых магазина находились на первых этажах домов, пивбар, парикмахерская, овощная лавка, хозяйственный магазин и много ещё чего. Алла прогулялась по микрорайону, прошла к маленькому парапету, с высоты которого было видно море. На лавочках сидели парочки. Она полюбовалась, погрустила и потопала дальше в поисках этих ребят. Никогда не знаешь, что судьба преподнесёт тебе за очередным поворотом. Она надеялась, что встретит их, и почему-то решила, что именно у пивбара.

Девушка пожалела, что не взяла у бабушки Димы пирожки — она проголодалась, — зашла в магазин, купила пирожок, колу и опять уселась на лавочку, следя за баром. Но никто не выходил и не заходил. Потом она подошла к дверям и прочла объявление, что заведение закрыто в связи с карантином. «Вот дурёха, — корила она себя, — целый час сижу и жду с моря погоды. Приду завтра, но я их всё равно найду». Мама названивала, беспокоилась, и Алла пошла на трамвайную остановку. Майору Золотарёву она так и не позвонила.

На следующий день с утра девушка опять умчалась в микрорайон «Высокий берег», на этот раз она захватила бутерброды и кофе в термосе, наврала родителям, что идёт заниматься онлайн к подруге. Алла заняла свой пост у большого сетевого супермаркета, рассчитывая на то, что эти ребята выберутся из своей берлоги, ведь им понадобится еда, сигареты и пиво, конечно, — вечный атрибут современной молодёжи. Просидев пару часов, Алла решила прогуляться, немного согреться, и тут раздался резкий неожиданный звонок.

— Алла, здравствуйте, это вас майор Золотарёв беспокоит.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. Я узнала, у меня записано, — тихо пробормотала Аллочка.

— Мне нужно с вами поговорить. Вы дома? Я сейчас подъеду.

— Нет, не дома. Я у подруги, у нас консультация с преподавателем на дистанционке.

Алла вернулась к лавочке, присела и понуро повесила голову. Врать она не любила, но очень хотела облегчить участь Димке.

Вдруг рядом с ней кто-то тяжело опустился на лавку, она аж вздрогнула от неожиданности.

— Ну, Алла, здравствуй ещё раз.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, — девушка даже заикаться начала.

— Где же твой преподаватель? И подруга? — майор внимательно смотрел на девушку. — Мы же с тобой договорились, что врать ты не будешь мне и станешь говорить правду, чтоб облегчить Димкину участь. А ты и мне наврала, и соседу, у которого Дима работал, и его бабушку ввела в заблуждение. Почему, я тебя спрашиваю?

— Я хотела сама найти, где они живут, и потом вам сказать, чтоб Димке легче стало, — у девушки потекли слёзы по щекам.

— И что? Нашла? Целые сутки отняла у следствия. Если бы не Димкина бабушка, мы бы ещё долго не знали о твоих способностях детектива. Нашлась тут мисс Марпл, — начал закипать майор. — Хорошо старушка очухалась, нашла мой номер и решила сообщить о визите ребят. Ещё и кондуктора разжалобить хотела — рассказала сказку о несчастной любви. Актриса.

— Я долго каталась на этом трамвае, пытаюсь найти ребят, я хотела за ними проследить. А кондуктор сама ко мне подошла, расспрашивала, вот я и догадалась, что они живут в этом микрорайоне.

— Алла, ты не понимаешь, что ли, что тебе могла бы грозить опасность, если бы ты нашла этих упырей и пошла за ними? Ты что, не соображаешь? Так, сейчас я тебя посажу на трамвай, поедешь домой, до конечной остановки. Ровно через 40 минут я позвоню твоей маме и уточню, дома ты или нет. Ясно?

— Да.

— Из дома не выходи никуда. Так ты их и не увидела?

— Нет. Второй день слежу.

— Хорошо. Пошли на остановку.

Проводив Аллу, майор расставил своих людей по ключевым местам по всему микрорайону и уехал.

Вечером Александр Сергеевич, как и обещал, отвёз Лиду в аэропорт — она улетела в Москву на несколько дней.

Мы почти не можем повлиять на окружающий мир. Всё, что в наших силах, — это изменить наше отношение к тем или иным событиям. Эпидемия — страшное слово. Встряска, которая произошла со всей нашей планетой. Переменчивость мира — это то, о чём нельзя забывать. Надо быть добрее к людям. Каждому и без меня есть что себе предъявить, потому я никого и не осуждаю. Скорее всего, я помудрела с возрастом, в молодости была непоколебима в спорах, в осуждениях поступков. Ну что ж, поумнела с годами, и на этом спасибо Господу Богу. Некоторые глупеют с возрастом (в этом месте можно посмеяться).

Три дня мы жили в относительном спокойствии. Приходил полковник, мы играли с ним в карты и домино. Но вдруг ему втемяшилось в голову научиться играть в нарды. Я пыталась его научить, но нервничала и срывалась на нём. Бедный полковник, как он меня терпит — уму непостижимо. Но упёрся — хочет научиться, и всё тут. Тогда Глеб нашёл компромисс: предложил ему наблюдать за нашей с ним игрой, и по ходу игры задавать вопросы.

— Полковник, зачем вам нужны эти нарды? Вот вы меня пытаетесь научить играть в шахматы, а у меня не получается. Я только Е-2, Е-4 запомнила. Ну и что? Я же не упорствую.

— Я хочу научиться, и всё. Вон Серёжка Золотарёв играет, Николай научился, а я что, хуже других?

— Золотарёв здесь сто лет живёт, Земцов тут родился. Южане с детства умеют играть.

— А я научусь, и точка, — настаивал полковник. — Не хотите — не учите. Глеб меня научит. Да?

Глеб внимательно посмотрел на полковника и кивнул, рот у него был занят — мы ужинали, — а полковнику даже еда не шла. Он заиклился на этих нардах.

— Это дело чести, — сказал наконец Глеб, прожевав пищу. — Через неделю вы будете асом в этом деле.

Полковник обрадовался, как ребёнок, которому купили понравившуюся игрушку.

Каждый вечер у нас проводились сеансы игры в нарды, меня тоже подключили, как я ни сопротивлялась. Глеб бил на мою совесть.

— Как тебе не стыдно, мать? Человек с чистой душой к тебе. Он рано утром встаёт, чтоб тебе рыбу свежайшую поймать.

— А кто его просит? Я уже не знаю, куда её деть? Начала бартер делать с молочницей и овощником.

— Вот видишь, какую тебе прибыль полковник приносит.

— Почему это только мне? И себе тоже. Я и на его долю меняю рыбу на творог, сметану и зелень.

— Видишь, какой он хороший человек! А ты как себя ведёшь. Как только он появляется, ты бежишь наверх, в свою комнату, писать свои гениальные вирши.

— Ты иронизируешь, сынок? Тебе же нравятся мои детективы, — со слезами в голосе на полном серьёзе спросила я.

— Конечно, нравятся. Вот видишь, ты сразу обиделась. А полковнику не обидно? Подумай сама: он хочет играть с Николаем, Лидиным папой, когда тот выйдет из больницы, — отвлекать его хоть таким образом. Я его всё равно научу, это дело чести для меня.

Ладно, я согласилась. Куда деваться? Полковник схватывал на ходу правила игры. И уже сам начинал потихоньку играть. Каждый вечер у нас в гостинной были баталии.

Лида звонила почти каждый день. Она задерживалась ещё на неделю — надо было отрегулировать вопросы по

работе, найти риелторов для продажи дачи и много ещё другого. Она просила Глеба проконтролировать установку памятника Надюше. Жаловалась, что ей с каждым днём всё труднее обманывать отца: он уже чувствует, что Лида его водит за нос, просит соединить его с женой. Время пролетело быстро. Как только Лида приедет, надо будет Николая забрать из больницы. Реабилитацию он будет проходить дома.

В один из таких вечеров раздался звонок на телефон полковника. Он прервал игру. Я поняла, что ему звонит Сергей Золотарёв.

Судя по восклицаниям полковника и его радостному лицу, майор сообщил ему хорошую новость. Закончив разговор, полковник начал интриговать и напрочь забыл о нардах.

— Ну что, Эллочка, сказать вам, о чём мне сообщил Сергей, или помучить, как вы меня?

— Как хотите, полковник, но вы понимаете, что, если сейчас же не скажете, я наложу санкции на наше общение.

— Да вы как отпетый политик говорите, милая Эллочка, — полковник хитро улыбался.

— Говорите уже, — я вопросительно посмотрела на него.

Глеб ушёл к себе — он понял, что игровые баталии на сегодня закончились.

— Ладно, ладно, — смилостивился полковник. — Сергей говорит, что этих подонков нашли.

— Неужели! — я сразу поняла, о ком идёт речь. — Неужели этих упырей, вурдалаков, неужели их нашли? — и я расплакалась.

Полковник не ожидал такой реакции, растерялся, побежал на кухню за водой. Он, как человек военный, не привыкший к женским слезам, не знал, как меня утешить.

— Эллочка, не надо плакать. Надо радоваться, что их нашли.

— Надюшу очень жалко, Колю тоже — он так Надю любил. Что с ним будет, когда он про Надю узнает, — представить трудно, — продолжала всхлипывать я. — Что майор сказал про этих тварей?

— Ничего. Сергей говорит, что Сашка сказал, только одно: нашли убийц. Всё остальное потом расскажет, когда Лида приедет. Сейчас они ведут какие-то оперативные мероприятия, собирают материалы по этим негодьям, формируют дело для подачи в прокуратуру — в общем, их милицмейские дела.

— Хорошо, подождём, когда Лида приедет. Уже недолго осталось. Она вчера звонила, говорит, что прилетит на днях и сразу хочет пойти в родительский дом. А знаете, кто её встретит в аэропорту? Угадайте? — и я улыбнулась. Как же переменчиво женское настроение: только что плакала, а теперь уже смеюсь — так, наверное, и подумал мой верный полковник.

— Она хочет, чтоб я её встретил? — сосед вопросительно взглянул на меня.

— Ой, полковник, ну какой же вы недогадливый, как все мужчины! — я поражаюсь мужской логике.

— А кто?

— Майор, Александр Сергеевич.

— Сашка? Вот это да! Это ваша работа? С Людой, конечно, постарались. Я вас знаю.

— Мы только их подтолкнули чуток друг к другу. А они как плюс и минус сошлись. Они совсем разные люди — единство и борьба противоположностей. Но у них есть одна общая черта.

— Какая же? — полковник с интересом посмотрел на меня.

— Воспитание и образование. Они порядочные и умные молодые люди. У них должна получиться хорошая семья.

— Дай-то Бог, — сказал полковник, чем удивил меня. Он про Бога говорит очень редко и всеу не употребляет его имя.

Глава 11

По приезду Лидочки мы все собрались у Земцовых дома. Мы — это Золотарёвы (родители и сын — майор Александр Сергеевич), полковник, Глеб и я. Наутро Лида и Глеб собирались съездить на кладбище, посмотреть, как установили памятник. Глеб контролировал работу, но так как через неделю будут Надины сороковины, надо было всё довести до ума. Потом Лида собиралась в больницу к отцу — Николая должны выписать, но главврач ждал Лиду и по просьбе майора держал Николая в больнице. Дальнейшую постковидную реабилитацию Николай пройдёт дома. Лидочка не ожидала, что мы все в первый же день придём к ней. Но и мы с Людмилой Семёновной не лыком шиты — пришли со своей едой: знали, что у Земцовых в холодильнике мышь повесилась. Надюша нас встречала всегда разными вкусностями, была радушной хозяйкой. Лида ещё молодая, гостеприимству не обучена в своих московских краях, они всё по кафешкам ходят, молодые люди нынешние, не утруждают себя. Может, и правильно.

Людмила быстро разложила свои вкусные пирожки по тарелкам, я свои бутерброды, заварили чай. Лида переоделась после поездки. Все уселись за столом и вопросительно смотрели на Лиду.

— Мои дорогие, — девушка хотела нам что-то сказать, но не сдержалась, и слёзы покатались по её щекам. — Мои дорогие, — повторила она, — я очень жалею о том, что не знала вас раньше, когда мама была жива. Она так восторженно рассказывала о вас, она вас всех очень любила, и я очень-очень полюбила. Значит так, я переезжаю жить

в Морегорск с папой. Я уверена, что он в Москву не захочет снова ехать. С работы я уволилась. Эллочка, Люся не хотела меня отпускать.

— Знаю, милая. Она мне звонила, говорит, что ты профи, что жаль такого специалиста терять. Но она даст тебе прекрасную рекомендацию, если ты решишь здесь устроиться на работу, — как можно ровно, без волнения произнесла я всё это.

— Я нашла хорошего риелтора, надёжного, показала ему нашу дачу в Переделкино, познакомила его со сторожем. Дядя Вася уже много лёт охраняет нашу дачу, хороший человек. Очень переживал, когда узнал про маму, расплакался — он маму знает с того дня, как дачу купили. В общем, риелтор будет приводить потенциальных покупателей, а дядя Вася им всё показывать. Думаю, что к лету продадим, — продолжала отчитываться перед нами Лида.

— Лидочка, — как -то недоверчиво сказала Людмила Семёновна, — зачем же всё продавать, деточка?

— Нет, не всё. Только дачу и машину. Всё равно на дачу уже никто не будет ездить. Только мама туда стремилась. А сейчас кто? Да и деньги нам нужны будут: папа болеет, и неизвестно, как отразится на его организме этот ковид.

— Может, ты и права, — вздохнула Людмила Семёновна. — А с квартирой что?

— Её я никогда не продам. Такая квартира в Москве всегда нужна. Я хотела сдать в аренду, но хороших квартирантов не нашла. Поэтому ключи оставила Люсе, попросила подруг и сотрудниц найти мне среди своих. Хочу, чтоб к квартире бережно относились. Зато машину продала сразу — моя сотрудница купила. Так обрадовалась — она давно хотела машину новую, а тут моя ласточка, и по хорошей цене. Эти деньги нам с папой очень пригодятся. Свои сбережения я на памятник потратила.

Лида вдруг резко замолчала.

— Молодец, Лида, умница. Всё по уму сделала. Я и не сомневался, — скупно похвалил Лиду полковник.

— Когда Колю забирать будешь? — обратился к Лиде старший Золотарёв.

— Вот сегодня пойду в больницу, поговорю с лечащим врачом. Его уже можно было давно забирать, но я попросила врача, чтоб подержали, пока я в Москве, и он пошёл навстречу. Думаю, завтра и заберу.

— Я отвезу вас сегодня в больницу, и отца вашего завтра заберём, — решительно сказал майор Золотарёв.

Я и Людмила Семёновна переглянулись.

— А у вас есть время? — Лидочка вопросительно посмотрела на майора. — Вы сегодня целый день возитесь со мной.

— Время есть. Фигуранты дела найдены, доказательная база есть. Наши спецы готовят дело для прокуратуры. Слава Богу, пока тишина, никто никого не убил. Для моего отдела нет особых дел. Помогаем другим.

— Как хорошо, — прожурчала я. — А теперь расскажите нам всё в подробностях. А просилась к вам на допросы, посмотреть в лицо этим негодьям.

— Скорее всего, Элла Глебовна, вы хотели подглядеть в этих убийцах героев для ваших детективчиков, — усмехнулся майор. — И знаете, вы правы: всё гениальное просто, и больше ваши книги я не буду называть уменьшительно-ласкательно. Зло неистребимо. И никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Как мы ни стараемся, не получается — такие подонки, как эти, всегда находятся.

— А мы сможем их увидеть? — поинтересовалась Лида.

— Нет. Вы увидите их только на суде. Я вам сейчас всё расскажу. Хорошо, что вы здесь все. А отцу вашему, Лида, расскажете вы.

Лида молча кивнула, и майор начал свой рассказ.

— Их двое. Они просто приятели. И живут в одном из приволжских маленьких городов. Простые ребята. А у простых людей и преступления простые. Одного зовут Степан, фамилия Степашкин, это того высокого и худого, которого Петровна назвала дрыщом. Он в самом деле такой худой — просто скелет. Он на пару лет старше второго. Так этот Степан первый раскололся на допросе, разрыдался и по полной заложил своего подельника. Плакал, как баба, и всё про жизнь свою рассказывал, цеплялся за любую соломинку, всё кричал, что жизнь не сладкая. Но и у других не лучше, порой и похуже. Его родители были несовершеннолетними, когда родился Степан. Первые пару лет они жили с бабушкой Степана по отцовской линии, потом мать сбежала, а следом и отец уехал. И остался Степан с бабушкой и тётёй. Ни в чём он не нуждался как ребёнок: получил и любовь, и тепло, и заботу. Ходил в школу, учился, играл как все дети. Конечно, он был лишён родительской любви. Раз в год наезжал отец увидеть свою мать и сына. Мать Степашкина вышла замуж, уехала далеко, родила там себе других детей и о Степане забыла, вычеркнула его из своей жизни, как ненужную вещь. Бабушка и тётя воспитали его добрым и жалостливым человеком, но мужских черт характера, необходимых парню в наше время, не заложили. Или не смогли, или гены такие. Гены пальцем не раздавишь. Степан был зол на весь мир за свою судьбу. Ему всегда не хватало денег, девушки его почему-то не любили, несмотря на то, что он никогда не обижал их, уважительно относился ко всем, даже к барышням с низкой социальной ответственностью. И когда Артем (это второй парень) сказал, что едет на заработки на летний сезон на море, что где-то строится частный пансионат и нужны люди, Степан напросился с ним. Так они и оказались в Морегорске. Степан отчасти был прав. Зачинщиком всех этих

дел был Артём — тот самый колобок, о котором говорила Петровна. Он намного ниже Степана, полный, коренастый, с неприятным взглядом. Мало того, если бы мы их вовремя не повязали, то была бы ещё одна жертва, и тоже женщина-пензионерка с соседнего дома. Они с ней подружились, помогали ей, человек она одинокий, была рада любому общению, и помощь по дому ей не помешала бы. Забрав у этой женщины все сбережения и драгоценности, они планировали уехать сразу же. Если бы не крестик Надежды Земцовой, который мы нашли в вещах у Артёма Петрова, нам очень трудно было бы предъявить им обвинение. Костюмы дезинфекторов, которые тоже были в квартире, ничего нам не дали — парни работали пару дней дезинфекторами улиц и оставили костюмы у себя. За это не сажают. Другие небольшие драгоценности, которые эта парочка забрала у своих жертв, они уже сбыли с рук за бесценок. Степан Степашкин плакал, бился в истерике, глотал слюни, сначала признавался, потом отрицал — в общем, истерил. А Петров шёл в несознанку: не я, и всё, и крестик подкинули, и Степашкин оговаривает и себя и меня, просто трус и истерик. Я им разрешил позвонить родным, но оба отказались. И я решил подключить нашего психолога полицейского. С обоими она беседовала долго. О Степане сказала то же самое, что и я выяснил в процессе допроса. Его кто приласкает, к тому он и пойдёт. Он весь как на ладони. С Артёмом сложнее. Живёт он с родителями, женой и двумя маленькими детьми. Они живут в частном доме, отдельно во дворе стоит времянка, где обитает его бабушка, отцова мать. Женился Артём не по любви, а просто чтоб у него был друг, с которым он мог поговорить в любое удобное для него время. Друзей у Артёма никогда не было, он рос очень замкнутым ребёнком, таким и остался, когда вырос. Ему повезло: жена оказалась тем самым другом, с которым можно обсудить всех и вся,

даже своих родителей. Она в течение двух лет родила ему двоих детей и этим привязала к себе. Отца Артём презирал и не общался с ним, мать жалел, а бабушку ненавидел всей душой. Когда-то дед из-за бабушки бросил семью и уехал — она изводила его своими скандалами. Бабушка ненавидела маму Артёма всеми фибрами своей души, своего же сыночка обожала и считала, что сноха забрала у неё сына. Чем человек старше, тем больше он любит себя. В своём сыне она любила себя, своё продолжение. А сноху поливала грязью так, что и сын стал ненавидеть свою жену и терпел только ради сына. Как только он приходил с работы, то переодевался, ужинал — и к маме. Там он и телевизор смотрел, и отдыхал, и деньги свои прятал. Жена получала минимум на хозяйство. Как только женился внук Артём, бабушка повторила то же в отношении его жены, только все претензии к новоявленной невестке высказывались сыну. Внук к ней не заходил, а она к ним. Бабушку он не любил, она его тоже. У них это было взаимно. Близкие люди, как правило, знают о тебе многое. Поэтому и понимают, как причинить боль, куда ударить больнее. Вот и бабушка поносила свою сноху — маму Артёма, — обзывая её недалёкой уродливой женщиной, охомутавшей её сыночка, стравливала между собой жену сына и жену внука, а потом любовалась, как эти две женщины грызлись. Бабушка была ещё та интриганка. Вот по этой причине Артём и решил грабить пенсионерок, уверенный в том, что у них есть деньги и они ещё те стервы. А тут ещё Димка рассказал про Земцовых. Добыча сама шла в руки. Артём ничего не знал о себе, представления не имел, на что он способен, оказавшись в той или иной ситуации. И если Надежда Земцова умерла своей смертью, которую спровоцировали эти парни, связав ей ноги и руки, то Клару Найдёнову хладнокровно задушил удавкой Артём Петров. На месте Клары он представлял свою бабушку.

— Чувство обиды — это наш личный выбор, как и все остальные чувства. Сама по себе обида не существует. Пока человек зависит в своих обидах, жизнь проходит, — неожиданно даже для самой себя прервала я рассказ майора. — Ой, простите, Александр Сергеевич, я вмешалась в ваше повествование, просто не сдержалась.

— Ничего страшного, Элла Глебовна, — майор был очень любезен, — я, в принципе, уже закончил, всё основное вам рассказал. Если есть какие-то вопросы, спрашивайте.

— Да. Человек должен сам себе создать хорошую и интересную жизнь, — задумчиво, как будто сам с собой говорил полковник. — А этот Степан — жалкий человек, ведомый. С молчаливого согласия таких людей и совершаются преступления. Если бы он нашёл в себе силы отказать этому Артёму, то, может быть, и Надюша была бы жива. Эти двое совершили совершенно бессмысленные преступления. Что же мы завтра Николаю скажем?

— Ничего не скажем. Николай сам обо всём догадается, — вмешалась Людмила Семёновна. — Увидит фото и всё поймёт, — она показала рукой на фото Надюши с траурной лентой, что стояло на комод.

Золотарёв-старший встал и начал выхаживать по комнате, заложив руки за спину.

— Сегодня Саша с Лидочкой съезжают в больницу, узнают, когда забирать Николая. Я ему звонил сегодня с утра, говорит, что завтра. Вот завтра и привезут его домой. Сашка сразу же уедет, а Николай с дочкой вдвоём погорюют, поплачут. А мы уже вечером приедем к Коле, его горе разделим и на него посмотрим после этого проклятого вируса. Говорит, что сильно похудел.

— Ты прав, друг мой, как всегда, — полковник еле сдерживался, слёзы появились в уголках его глаз. — Лидочка нам завтра скажет, во сколько прийти к Коле. Правда, Лидка?

Лида о чём-то говорила с Глебом и не расслышала вопроса.

— Извините, — она повернулась к полковнику, — я не услышала. Мы насчёт памятника говорим, на следующей неделе уже сорок дней маме. Но, я думаю, что вы не скажете, всё правильно.

— Ох, лиса, — полковник покачал головой.

— Ну а мы с Глебом после сороковин Надюши уезжаем в Москву, — пыталась я разрядить обстановку. — Моей снохе рожать в середине декабря.

— А вас впустят? — забеспокоилась Людмила Семёновна.

— Конечно. У нас же московская прописка. Сдадим тест, напишем расписку, что будем две недели соблюдать самоизоляцию дома, и всё.

— Так вы что, на Новый год не приедете? — грустно спросил полковник.

— К сожалению, нет, — так же грустно ответила я. — Но постараюсь приехать на Старый Новый год. Такой праздник есть только у нас в России. Замечательный праздник, и все соберёмся у меня. Надеюсь, что Николай к тому времени придёт в себя. Хоть немного.

На следующий день вечером мы той же компанией пошли к Николаю Земцову. Не было только моего сына Глеба и майора. Глеб счёл нужным не приходить, так как там только взрослые соберутся, и это было правильное решение. А майор, во-первых, был занят, во-вторых, он уже видел Земцова, так как привёз его из больницы, а в-третьих, он ещё не был готов отвечать на вопросы больного человека о его покойной жене.

Мы все были очень рады видеть Николая, старались тщательно подбирать слова и выражения, чтобы его не обидеть и не огорчить. Николай всё время молчал. Молчание — громче крика. Но что тут можно сказать человеку, который

потерял самого близкого ему человека и даже не смог предать его земле, поплакать над ним и попрощаться навеки. Горе горькое!

Николай выглядел каким-то отстранённым и холодным, разговаривал с нами, но глаза были пустые. Лида попросила нас не уходить рано, а посидеть подольше. Она боялась за отца. Он винил себя в смерти жены и не знал, как ему дальше жить.

Решили, что на кладбище он пойдёт вместе с нами в воскресенье: и сороковины, и памятник откроют. Мы сидели допоздна. Золотарёвы уехали чуть-чуть пораньше. Я с Лидой обсуждала, что приготовить на сороковины, до которых оставалось всего четыре дня. Полковник сидел с Николаем, пили водку и оба вспоминали своих покойных жён, службу в армии и много чего ещё, о чём могут поговорить два сильных мужика. Мы им не мешали, сидели с Лидой на кухне.

На следующий день после сороковин Надюши Земцовой я с сыном улетала в Москву, домой. Где теперь мой дом, я и не знала. Я полюбила Морегорск всей душой, хотя в Москве жила много лет, но так и не прикипела к ней, не стала она мне родной. Полковник отвёз нас в аэропорт. Я передала ему вторые ключи от дома, сама его обняла и расцеловала в обе щеки. Он от неожиданности покраснелся и смутился. А я спешила на встречу со своим будущим внуком. Жизнь продолжается, и она так щедра, что человек везде найдёт, где разобраться. У каждого свои проблемы: у кого-то хлеб чёрствый, у кого-то бриллианты мелкие. Надо ценить то, что имеешь. Да простит нас Всевышний, когда мы недовольны тем, что имеем. Иногда нам надо хотя бы один день своей жизни провести в полном принятии того, что происходит, и признать, наконец, что у судьбы есть на каждого свои планы.

А год, который должен был через пару недель закончиться, успел принести всему миру и каждому человеку в отдельности много неприятностей. И это наглядно продемонстрировало нам, насколько планы и намерения хрупкая вещь. А завтра будет новый день и новые решения.

Эпизод

В середине декабря у меня родился внук — крошечное создание, которое я полюбила всей душой, как только увидела. В тот день в Москве мела метель, но в этой снежной круговерти было что-то гипнотическое. И я поняла, что природа с нами заодно, что сегодня произойдёт чудо. И оно состоялось: мой маленький Саша появился на свет. Родители дали ему имя моего покойного мужа, отдав дань уважения своему отцу и мне тоже. В его жилах течёт моя кровь. Даже когда кровь в моих жилах остановится, то я буду жить в нём, в моём маленьком внуке. Я очень переживала за малыша и его маму, лишь бы этот проклятый вирус страха не коснулся их. В Москве было достойное отношение к эпидемии. Большинство соблюдало элементарные правила самозащиты от вируса. Повсюду наглядная агитация, предостерегающая, убеждающая, направляющая. Маски носят почти все, а модницы — вообще брендовые. Маски вошли в моду и стали важным дополнением к наряду.

Новый год мы встречали своей семьёй, которая пополнилась ещё одним мужчиной. Для малыша мои сыновья купили большую голубую ель и новые интересные игрушки, которые теперь будут навсегда его новогодними ёлочными игрушками. Маленький Сашка безмятежно спал, но когда он вырастет и начнёт понимать, то увидит фото и видеоотчёт со своей первой ёлки. Мои друзья в Морегорске собрались у Золотарёвых, и всю ночь мы поздравляли друг друга. Полковник интересовался, приеду ли я на Старый Новый год, ведь я обещала. Он расстроился, когда я сказала, что не получится. Но клятвенно пообещала, что на День защит-

ника Отечества я прилечу точно, сто процентов, чтоб лично его поздравить. Мои дети тоже со всеми поговорили и очень тепло поздравили полковника. А мне он по секрету сказал, что, кажется, у нашего майора Александра Сергеевича появились отношения с Лидой, более близкие, чем просто у знакомых. Я очень была рада, мы ведь с Людмилой Семёновной этого и добивались. Николай идёт на поправку, но всё время молчит. Жизнь — для кого-то длинная дистанция, а для кого-то короткая. И кто как её одолеет, не от нас зависит, у Всевышнего на каждого из нас свои планы. Надо просто радоваться жизни, а радость — это ворота к счастью. Жизнь дана нам не для ненависти и грусти, она дана нам для счастья!!!

Рецепты блюд от героев этой книги

1. «Пьяное мясо» от Людмилы Семёновны Золотарёвой.

Ингредиенты:

Говядина — 1 кг.

Репчатый лук — 2 шт.

Красное вино — 1 стакан.

Специи (соль, перец и т. п.) — по вкусу.

Твёрдый сыр — 150 г.

Майонез — по вкусу.

Нарезаем промытое мясо поперёк волокон тонкими небольшими пластинками, отбиваем с обеих сторон. После этого хорошо натираем говядину специями. Затем перекладываем в посуду и заливаем стаканом вина. Кладём в холодильник и даём постоять минимум час. Желательно больше.

Нарезаем лук кольцами, натираем сыр на крупной тёрке. Потом, по истечении времени, необходимого для маринования мяса, начинаем выкладывать в противень, предварительно смазанный растительным маслом, кольца лука, сверху мясо, затем присыпаем тёртым сыром и смазываем майонезом. Отправляем противень в предварительно разогретую духовку до 200 градусов на 50-60 минут. К этому блюду подойдёт картофельный или овощной гарнир.

Приятного аппетита!

2. Ялтинский салат с сёмгой от Люси, подруги Эллы Глебовны.

Ингредиенты:

Сёмга слабосолёная — 200 г.

Лук ялтинский — 2 шт.

Помидоры черри — 10 шт.

Яйца перепелиные — 10 шт.

Салат Айсберг — 200 г.

Лимонный сок — 1 ст. л.

Масло оливковое — 4 ст. л.

Соль, перец — по вкусу.

Нарезаем полукольцами ялтинский лук, солим, перчим, добавляем лимонный сок и оливковое масло и оставляем на время. В блюдо укладываем салатные листья, порванные руками. Сверху — варенные перепелиные яйца, разрезанные пополам. Поверх яиц кладём помидоры черри, тоже разрезанные пополам. Затем выкладываем аккуратно нарезанные ломтики красной рыбы. И всё поливаем приготовленной заправкой с ялтинским луком. Можно также подавать порционно.

Вкусной трапезы!

3. Пирог с капустой от Надежды Земцовой.

Ингредиенты:

Для теста:

Мука — 500 г.

Дрожжи сухие — 7 г.

Молоко — 150 мл.

Яйца — 1 шт.

Масло сливочное — 100 г.

Сахар — 1 ст. л.

Соль — 0,25 ч. л.

Для начинки:

Капуста белокочанная — 300 г.

Лук — 2 шт.

Морковь — 2 шт.

Яйца вареные — 3 шт.

Для смазывания:

Яйцо — 1 шт.

Масло сливочное — 10 г.

Пирог на 10 порций.

Дрожжи размешиваем с тёплым молоком и понемногу подсыпаем 1 стакан просеянной муки. Замешиваем опару и оставляем в тёплом месте на 45 минут. Затем добавляем в опару размягчённое масло, сахар, соль, яйцо и оставшуюся муку. Тщательно вымешиваем тесто. Накрываем и оставляем в тёплом месте ещё на час-полтора. Пока зреет тесто, готовим начинку: разогреваем сливочное масло на сковороде и выкладываем мелко нарезанный лук, через 5 минут добавляем нарезанную соломкой морковь. Ещё минут через 7-10 добавляем тонко нарезанную капусту, перемешиваем и тушим под крышкой 15 минут. Сваренные вкрутую и мелко нарезанные яйца смешиваем с овощами. Всё солим на свой вкус.

Тесто делим на 2 части. Оставляем немного для украшения пирога. Раскатываем две лепёшки, одну делаем побольше. Остатки теста раскатываем и делаем колоски для украшения. Лепёшку поменьше выкладываем на противень. Распределяем на всю поверхность начинку, оставив свободными бортики. Накрываем второй лепёшкой и защипываем края. Украшаем пирог колосками. Смазываем поверхность пирога яйцом и делаем отверстие для выхода пара. Ставим пирог в предварительно разогретую до 180 градусов духовку на 45 минут до румяности. Готовый горячий пирог можно завернуть в кухонное полотенце, чтоб он не терял влаги до подачи на стол.

Аппетитной трапезы!

4. Рулетики из индейки от Эллы Глебовны.

Ингредиенты:

Филе индейки — 500 г.

Сметана — 1 маленькая баночка.

Лук — 1 шт.

Чеснок — 2 зубчика.

Грибы-шампиньоны свежие — 5 шт.

Соль, специи, травы — по вкусу.

Нарезаем тонкими пластами филе, отбиваем, натираем специями, травами, солью. В сметану добавляем мелконарезанный чеснок. Нарезаем кубиками грибы и лук и обжариваем до готовности. Каждый пласт филе смазываем сметаной, сверху — начинка из грибов с луком. Аккуратно сворачиваем, можно скрепить зубочисткой. Складываем рулетики на противень — и в духовку, нагретую до 180 градусов, на 40 минут. Вкусные рулетики готовы, а гарнир — на ваш вкус.

Ням-ням! Приятного аппетита!

5. «Довга» — кавказский молочный суп от Наили, подруги Эллы Глебовны.

Ингредиенты:

Кефир — 700 мл.

Вода — 200 мл.

Укроп — 1 пучок.

Кинза — 1 пучок.

Мята — 0,5 пучка.

Рис круглый — 0,25 стакана.

Яйцо — 1 шт.

Чеснок — 2 зубчика.

Соль — по вкусу.

В кастрюле разбавляем кефир водой и перемешиваем. Куриное яйцо взобьём, добавим в кастрюлю и снова всё тщательно перемешиваем. Зелень всю и чеснок измельчаем и добавляем в кастрюлю. Туда же добавляем рис. А потом самое главное: ставим кастрюлю на плиту, берём деревянную ложку, садимся рядом с плитой, чтоб ножки не устали, и непрерывно помешиваем минут 25, чтоб не свернулись кефир и яйцо. Доводим до кипения, а потом уже можно минут 5 без помешивания. Крышкой кастрюлю накрывать нельзя. Блюдо едят как в холодном, так и в горячем виде. Домашняя вкусная довга готова!

Ешьте на здоровье!

6. Шашлык по-морегорски от Николая Земцова.

Ингредиенты:

Баранина — 2 кг.

Томат — 1 шт.

Вода минеральная — 500 мл.

Лук репчатый — 3 шт.

Соль, перец, зира, кориандр — по вкусу.

Мясо нарезаем небольшими кусками, укладываем в ёмкость для маринада. Лук очищаем, шинкуем кубиками, помидор моем, нарезаем небольшими кусочками, овощи соединяем в отдельной посуде и мнём руками, чтоб выделился сок. Туда же добавляем соль и специи. Мясо заливаем минералкой и очень аккуратно перемешиваем, выкладываем приготовленную овощную смесь и ещё раз перемешиваем. Ёмкость с мясом убираем в холодильник на 3 часа. Потом жарим мясо на углях в течение 25 минут, переворачивая и сбрызгивая маринадом. К шашлыку подаём лук полукольцами с зеленью и укусом! И, конечно, хорошее вино.

Приятного аппетита!

7. Диетическое овощное рагу от Клары Найдёновой.

Ингредиенты:

Баклажаны — 300 г.

Кабачки — 300 г.

Морковь — 300 г.

Помидоры черри — 300 г.

Красный лук — 300 г.

Крупный помидор — 1 шт.

Чеснок — 8 зубчиков.

Любимая приправа — 2 ч. л.

Оливковое масло — 3 ст. л.

Соль, перец — по вкусу.

Очищенную морковь варим в подсоленной воде до полуготовности. Затем крупно нарезаем все овощи, кроме большого

помидора, и обжариваем в оливковом масле. Черри оставляем целыми. В блендере измельчаем крупный мясистый помидор и вливаем томатную массу к овощам, перемешиваем и тушим на медленном огне. Затем добавляем нарезанную морковь, солим, перчим, приправляем, накрываем крышкой и тушим в течение 30 минут. Овощи подаём как самостоятельное блюдо.

Лёгкой трапезы!

8. Рыба по-солдатски от полковника.

Ингредиенты:

Любая мелкая рыба (барабулька или султанка, килька) — 2 кг.

Мелкий картофель — 1 кг.

Лук зелёный — 1 пучок.

Укроп — 1 пучок.

Подсолнечное масло — 400 г.

Мука — 200 г.

Картофель хорошо промываем и ставим варить до готовности, не очищая. Тем временем промываем тщательно всю мелкую рыбёшку, чешуя уходит сама. Сушим. Берём полиэтиленовый пакет, насыпаем порционно муку, перец, соль и рыбку (сколько поместится), хорошенько встряхиваем. Рыбка готова к жарке. Наливаем полпорции масла в сотейник и обжариваем рыбку, точно так же поступаем со всей остальной рыбой. Жареную рыбку достаём шумовкой и откидываем на бумажное полотенце, чтобы ушёл лишний жир. В глубокую сковородку наливаем оставшееся масло и жарим полуготовую остывшую картошку. Картошку кладем в глубокое блюдо и посыпаем мелконарезанным луком и укропом.

Кушайте на здоровье!

9. Хоровац, или Икра из печёных овощей от Армена — соседа полковника.

Ингредиенты:

Баклажаны — 3 шт.
Помидоры — 3 шт.
Перец сладкий — 5 шт.
Чеснок — 5 зубчиков.
Лук репчатый — 3 шт.
Зелень свежая — 100 г.
Соль, перец — по вкусу.

Выкладываем все овощи на решётку — и на угли, кроме лука и чеснока. Запекаем их, пока они не станут мягкими. Затем всё нарезаем мелкими кубиками — все запечённые овощи и сырой лук. Также измельчаем свежую зелень и чеснок. Теперь соединяем все ингредиенты, солим и перчим. Оставляем хоровац пропитаться 10 минут, а потом подаём к столу.

Приятного всем аппетита!

10. Штрудель яблочный от Эллы Глебовны.

Ингредиенты:

Тесто слоёное дрожжевое (использовала готовое покупное) — 1 упаковка.
Яблоко — 1 кг.
Орехи грецкие — 1 стакан.
Изюм — 100 г.
Корица.
Сахар — 100 г.
Масло сливочное — 100 г.
Сухари панировочные — 70 г.

Нарезаем яблоки тонкими ломтиками. Заливаем изюм кипятком и оставляем на 10 минут. Растапливаем часть — 70 грамм — сливочного масла, добавляем сахар и даём ему раствориться, затем выкладываем туда же яблоки и добавляем корицу. Тушим 5-7 минут, добавляем туда изюм и орехи и снова тушим до полного испарения влаги. Даём готовой начинке остыть. Раскатываем лист теста, посыпаем сухарями, выкладываем половину начинки и скатываем в рулет. То же самое повторяем со вторым листом теста.

Обязательно надо загнуть края рулетов, чтоб не выпалась начинка. Застылаем противень пекарской бумагой, выкладываем рулеты и отправляем на 30 минут в разогретую до 180 градусов духовку. Образовавшуюся золотисто-коричневую корочку смазываем кусочком сливочного масла. Остывший вкусный десерт подаём к ароматному чаю.

Пусть вам будет вкусно!!!

ВСЁ.

Об авторе

В современной прозе Элла Златогорская (Стелла Давыдова) новичок. Но её жизненный опыт, умение логически мыслить и много свободного времени позволили ей начать любимое дело. С раннего детства она мечтала стать следователем, ловить и наказывать преступников. Не довелось. Но выйдя на пенсию, она своеобразно осуществила свою мечту: начала писать детективы, остроумные, ироничные, женские — те, которые понравятся всем и где преступник будет найден и получит по заслугам. Зло должно быть всегда наказано. В детективах автора просматриваются сюжеты, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Умная, сильная женщина с аналитическим складом ума, Элла Златогорская выступает в качестве рассказчика своих детективов. Она любит своих героев, как и своих читателей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	76
Глава 5	90
Глава 6	108
Глава 7	121
Глава 8	137
Глава 9	156
Глава 10	164
Глава 11	174
Эпилог	184
Об авторе	194

ISBN 978-5-907322-38-7

9 785907 322387